Михал Грубый

НАСЛЕДИЕ МАО ЦЗЭДУНА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА
КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА
КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Michal Hrubý

■

DĚDICTVÍ MAO CE-TUNGA

Ke Kritice
velmocenskosovinistické podstaty
ideologie maoismu

Horizont
Praha
1980

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Михал Грубый

НАСЛЕДИЕ МАО ЦЗЭДУНА

К критике великодержавно-шовинистической сущности маоизма

Общая редакция и предисловие доктора исторических наук профессора В. А. КРИВЦОВА

Москва Прогресс
1981

Перевод с чешского И. Ф. Давыдова

Редактор Е. М. Филимонов

Редакция литературы по международным отношениям

Г $\frac{10302\text{-}155}{006(01)\text{-}81}$ 25-81 0302090000

Предисловие

Если представить себе образно процессы, происходящие в Китае на протяжении последней четверти века, то они, скорее всего, вызовут ассоциацию с неким маятником, который с конца 50-х до второй половины 70-х годов двигался резко «влево», а затем также резко пошел вправо. Действительно, с 1957 по 1977 г. экономические, социальные, политические и культурные процессы были связаны в КНР с попыткой направить страну «по китайскому пути» к социализму, представлявшему собой мелкобуржуазный, уравнительный, казарменный социализм, названный в 1979 г. самими китайскими руководителями «лжесоциализмом». Движение по этому пути, который был связан с «политикой трех красных знамен» — то есть генеральной линией, большим скачком и народными коммунами (полностью провалившейся к концу 50-х гг.) — и «великой пролетарской культурной революцией» (именуемой теперь в Китае «гражданской войной», «контрреволюционным переворотом» и т. п.), привело Китай на грань национальной катастрофы. «Еще одна культурная революция,— заявил заместитель председателя ЦК КПК, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь,— и от Китая ничего не останется». Словом, колебание маятника «влево», отражавшее мелкобуржуазный экстремизм Мао Цзэдуна и его соратников и полностью обнажавшее теоретическую и практическую несостоятельность маоизма, вынудило

новое китайское руководство, возглавляемое Дэн Сяопином, предать анафеме «истекшее двадцатилетие», оказавшееся «потерянными годами» для китайского общества и принесшее китайскому народу огромные страдания. По самым минимальным подсчетам, левацкий социально-экономический эксперимент Мао Цзэдуна стоил китайскому народу 60 млн. человеческих жизней (из них 20 млн. человек умерли с голоду в 1959—1962 гг.). Недаром политический режим, созданный в эти годы маоистами, сегодня в Китае официально называют даже феодально-фашистским режимом. «Культурная революция», представлявшая собой непрекращавшийся в течение десяти лет жестокий террор, обрушила удары на 200 миллионов человек, брошенных в тюрьмы и концентрационные лагеря, сосланных в деревни и т. п., 10 миллионов из них погибли. С 1966 по 1974 гг. в стране были подвергнуты, так сказать, законным порядком суду 270 000 китайских граждан, причем 65% приговоров были ошибочными, как признают теперь сами китайские руководители.

Казалось бы, ужасающие итоги двадцатилетнего господства маоизма в Китае должны были заставить китайских руководителей одуматься, сделать кардинальные выводы из этих итогов, полностью и окончательно осудить маоизм, вернуть страну на путь научного социализма. Этого, однако, увы, не произошло. Вся ответственность за содеянное была возложена на «банду четырех», то есть жену Мао Цзэдуна Цзян Цин и его ближайших соратников Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня, Ван Хунвэня, и некоторых других «козлов отпущения» — Линь Бяо, Чэнь Бода, Кан Шэна и т. д. Великий же кормчий, хотя и подвергнутый порицанию «за ошибки», в конечном счёте был выведен из-под удара, так сказать, «сохранен» в качестве «самого большого марксиста нашего времени». Его идеи были заново истолкованы и взяты на вооружение для прокладки нового «китайского пути» к социализму, который на этот раз должен представлять собой «комбинацию из элементов социализма и капитализма». Другими словами, маятник начал обратное движение — вправо, и как далеко он зайдет в этом направлении, пока никому

не известно, в том числе и самим китайским руководителям, которые прямо заявляют, что не знают, чем станет Китай к концу XX века.

Как в этой связи не вспомнить прозорливые слова В. И. Ленина о том, что «каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелкобуржуазный реформизм, то есть прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма» [1].

Бросается в глаза, однако, то, что, в какую бы сторону ни отклонялся этот маятник, его колебания совершаются на постоянной, неизменяющейся оси, которая, если отказаться от образа и перейти на язык науки, представляет собой великодержавный шовинизм, выступающий в Китае в форме маоизма. Все процессы, идущие в последние двадцать с лишним лет в Китае, независимо от того, какую ориентацию — «левую» или правую — они принимают, имеют в своей основе шовинизм, в конечном счете определяющий политику китайского руководства внутри страны, а также на международной арене. Советская наука давно пришла к выводу, что маоизм представляет собой социализм на словах и «шовинизм на деле». Поэтому без отказа от маоизма, этого «шовинизма на деле», ни о каком подлинном социализме в Китае не может быть и речи. Всякие попытки найти «китайский путь к социализму» на основании идей Мао Цзэдуна приведут к созданию нового «лжесоциализма», который принесет китайскому народу новые бедствия и страдания.

Книга Михала Грубого посвящена рассмотрению маоизма и того вреда, который он уже принес китайскому народу, Коммунистической партии Китая и международному коммунистическому движению в

период, когда «маятник» двигался «влево». В ней не нашли достаточно полного отображения процессы, имевшие место после Мао. Эти процессы сложны, противоречивы и неоднозначны. У них, безусловно, есть немало положительного, однако они протекают в конечном счете на почве шовинизма, преследуют великодержавные гегемонистические цели, а это значит, что положительное содержание будет неизбежно утрачено и они приведут страну к новому кризису.

Экономическое положение Китая продолжает оставаться крайне сложным. В стране не хватает энергоресурсов, продуктов питания, тканей, обуви, жилья, жизненный уровень населения очень низок, многие миллионы людей не имеют работы, ощущается острая нехватка квалифицированной рабочей силы; образованные специалисты, инженеры и техники составляют менее 1% населения страны.

Не лучше положение и в области культуры — огромные массы населения неграмотны, не хватает школ, учителей, преподавателей вузов, врачей. Страна переживает острейший идеологический кризис, ибо маоизм, столь оберегаемый сверху, потерял авторитет у китайского народа, особенно молодежи, оказавшейся полностью дезориентированной.

Все это хотя и беспокоит китайских руководителей, но, по-прежнему ослепленные великоханьским шовинизмом, они ищут выхода не там, где следует. Правильность нашего вывода подтверждается тем, что важнейшими задачами, стоящими перед Китаем на 80-е годы, они считают борьбу с гегемонизмом (то есть с реальным социализмом и прежде всего с Советским Союзом), реализацию программы «четырех модернизаций» (с ее акцентом на милитаризацию) и возвращение Тайваня.

Автор книги не ставил перед собой цель рассмотреть все теоретическое наследие и практику Мао Цзэдуна. Его задача была гораздо скромнее. В своей работе он хотел выделить лишь отдельные черты идеологии и политики маоизма, показать их связи с антикоммунизмом, троцкизмом и анархизмом, вскрыть некоторые проявления их в Европе. Некото-

рые положения, изложенные в книге, носят дискуссионный характер.

Автор счел необходимым предварить рассмотрение смыкания маоизма с антикоммунизмом, троцкизмом и анархизмом в Китае и современной Европе анализом философских и методологических основ маоизма, показав главным образом, как Мао Цзэдун и его последователи фальсифицируют и вульгаризируют марксистскую диалектику. «Если говорить о самой сущности маоистской философии и методологии, — делает вывод М. Грубый, — то это эклектическая смесь субъективно искаженной марксистско-ленинской философии, вульгарного материализма, псевдосоциализма». К данному определению можно добавить, что «эклектическая смесь» маоизма включает в себя также идеализм, метафизику, волюнтаризм и просто различного рода софизмы. Все это явствует из анализа философских взглядов Мао Цзэдуна, сделанного автором.

Значительная часть книги М. Грубого посвящена разбору современного европейского троцкизма и анархизма и их связей с маоизмом, в которых, как правильно подчеркивает автор, выражается их общее служение интересам антикоммунизма. Для того чтобы глубже вскрыть это явление, автор рассмотрел элементы троцкизма и анархизма в самом маоизме, а также социальные их истоки в современном Китае, уделяя особенно внимание движению хунвэйбинов во второй половине 60-х гг.

Касаясь других проявлений оппортунизма в современной Европе, связанных с маоизмом, автор знакомит читателей с движением «новых левых» и его вдохновителем Гербертом Маркузе, подвергает обстоятельному разбору и критике взгляды известного ренегата Роже Гароди. В книге подробно анализируется подход последнего к китайской проблеме в целом, его несостоятельная попытка доказать, что история Китая развивалась по своим особым законам и маоистская «модель социализма», мол, имеет право на существование как следствие особенностей исторического развития Китая и результат якобы прямого перехода от «азиатского способа производства» к социализму.

Стремясь оправдать маоистскую «модель социализма» в КНР, Р. Гароди, как известно, дал положительную оценку даже «культурной революции», которая, с его точки зрения, являлась «необходимым этапом» (?!) в строительстве социализма в Китае.

Полный крах маоистского эксперимента со строительством мелкобуржуазного, казарменного социализма, причем крах, признанный даже самим китайским руководством, явился наиболее убедительным доказательством научной несостоятельности и теоретического убожества исследовательской деятельности Р. Гароди и других оппортунистов и антикоммунистов в Европе и США в области китаеведения, и изучения маоизма в особенности.

Здесь можно вспомнить и о другом трубадуре маоизма в Европе, злобном антикоммунисте Стюарте Шраме, который, подобно Р. Гароди, восхвалял маоистскую «модель социализма» и буквально до небес превозносил идеи Мао Цзэдуна, якобы создавшего китайский вариант марксизма. Критика в современном Китае левацкого маоистского «социализма», проклятия по поводу «культурной революции» и фактическое развенчание маоизма (независимо от того, хотят этого китайские руководители или нет) ставят С. Шрама и ему подобных в весьма щекотливое положение, перечеркивая всю их «научную» деятельность за рассматриваемое двадцатилетие. В аналогичном положении оказалась широко известная в Европе сторонница маоизма Хань Суин, недавно высмеянная во французском журнале «Экспресс»[2] за свою беспринципность в анализе событий, происходящих в Китае, да и немало других «специалистов» по китайскому вопросу, служивших интересам международного антикоммунизма.

Все эти факты подтверждают правильность вывода М. Грубого о том, что международный антикоммунизм подходил к идеям Мао Цзэдуна сугубо прагматически, рассматривая маоизм в качестве важного инструмента в идеологической борьбе против научного коммунизма. Нынешнее китайское руководство, которое также смотрит на маоизм прагматично, стремится уберечь этот подпорченный инструмент от окончательной дискредитации, рассчитывает

на соответствующую плату со стороны боссов империализма за сохранение «печального», как его называет М. Грубый, наследия Мао Цзэдуна.

Книга кончается рассмотрением судеб маоизма в Китае после Мао Цзэдуна. «Сегодня уже совершенно ясно,— заключает М. Грубый,— что смерть Мао Цзэдуна не означала автоматической гибели маоизма, этой враждебной марксизму-ленинизму идеологии. Деятели, которые остались у власти, как и раньше, занимают одинаково националистическую, великодержавно-экспансионистскую и гегемонистскую позицию».

Разумеется, критическое состояние китайской экономики, политической и социальной жизни, науки и культуры вынуждает новое руководство страны искать выхода из сложившегося положения, маневрировать, вносить известные коррективы в маоизм, сохраняя в нем самое главное — великоханьский шовинизм (с его «китаизацией марксизма», антисоветизмом и другими атрибутами), которому подчиняются все остальные элементы китайской политики и экономики. «Симптоматично,— подчеркивает автор,— что «четыре модернизации» не содержали конкретных требований повышения жизненного уровня народа. Эта задача не только не провозглашалась главной, как это предполагает основной закон социализма, но ее даже не ставили в один ряд с задачами строительства современного сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники».

М. Грубый обращает внимание и на то, что вопросы экономики выдвигаются сегодня в Китае на первый план прежде всего в связи со стремлением создать к концу текущего столетия развитый военно-промышленный комплекс, без которого китайские лидеры не представляют себе руководящего положения в мире. Это значит, что развитие экономики КНР фактически подчиняется шовинистическим великодержавным амбициям, то есть «политика пекинских лидеров, как и раньше, командует экономикой», хотя сегодня в Китае и не прибегают к авантюристическим методам экономического строительства, разработанным Мао Цзэдуном, а лихорадочно ищут новых путей ускоренного создания мощного военно-

экономического потенциала.

Но, пожалуй, наиболее ярким свидетельством того, что шовинизм в КНР сохраняется и поныне, является внешнеполитический курс нынешних лидеров Китая. Современное руководство страны не только сохраняет маоистский шовинизм, гегемонизм и экспансионизм в своей политике на международной арене, но по ряду вопросов идет еще дальше. Маскируясь борьбой против мифического «гегемонизма» социалистических стран, Пекин значительно активизировал свою подрывную деятельность в Юго-Восточной Азии, начал быстро проникать в Юго-Западную Азию, одновременно развивая военно-политические отношения со странами НАТО и Японией. Причем все это делается под видом сплочения китайского народа «со всеми странами и народами, борющимися за мир, справедливость, против политики войны и агрессии, проводимой гегемонизмом», как заявил новый премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян. Китайских лидеров нимало не смущает то, что среди «борцов за мир, справедливость, против войны и агрессии», с которыми они «решили сплотиться», на первом месте оказались самые реакционные и воинственные силы современности. Не менее показательно и то, что китайские руководители спешат заверить эти силы в своей верности им на долгое время и враждебности к Советскому Союзу. «Здравый смысл подсказывает,— убеждал Дэн Сяопин корреспондента газеты «Крисчен сайенс монитор» в ноябре 1980 г.,— что, если Китай осмеливался не пасовать перед СССР, когда он был беден... то зачем ему добиваться примирения с СССР после того, как он станет богат...» Далее китайский лидер утверждал, что СССР и впредь будет представлять угрозу для Китая и Запада, а Китай и в будущем сохранит хорошие отношения с США.

Словом, США и другие развитые капиталистические страны должны помочь Китаю как можно быстрее стать «богатым», а он в свою очередь не поскупится на «дружбу» с США и враждебность по отношению к СССР и другим социалистическим странам.

Читая такое, невольно ловишь себя на мысли, что присутствуешь при некой циничной коммерче-

ской сделке, где одна из сторон в качестве товара предлагает другой ненависть, вражду и иные подобного рода вещи.

Хотя иногда отдельные представители нынешнего китайского руководства вне страны и выступают фарисейски с оливковой ветвью в руках и трафаретными фразами о миролюбии, их позиция в отношении войны фактически остается такой же, как и при «великом кормчем», утверждавшем, подобно троцкисту Пасадасу, что войну можно уничтожить только войной. А раз так, то надо готовиться к войне, уверяя народы, что война не страшна.

«Китайский народ не верит в устрашающие разглагольствования о том, будто ядерная война приведет к гибели человечества»,— утверждает вслед за Мао Цзэдуном нынешний министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. Не следует поэтому и разоружаться. Народы... «не должны в стремлении защищать мир во всем мире возлагать надежду на разоружение»,— заявил Хуан Хуа вслед за Дэн Сяопином, цинично сказавшим в 1978 г.: «Конференция по разоружению нас не интересует... Мы участвовали в сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, так как многие страны просили нас об этом».

Нельзя не видеть того, что сближение Пекина с агрессивными кругами Запада, и в первую очередь США, происходит на основе враждебности к делу мира, разрядки и разоружения, вражды к социалистическому содружеству и прежде всего к Советскому Союзу. «Партнерство империализма и пекинского гегемонизма,— подчеркнул в связи с этим Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для американского и китайского народов» [3].

Книга М. Грубого, рассматривающего в качестве наследия Мао Цзэдуна прежде всего великодержавный шовинизм (о чем говорит ее подзаголовок «К критике великодержавно-шовинистической сущности маоизма»), напоминает и предупреждает об этой опасности.

В. Кривцов

Введение

Главными вопросами, вокруг которых сегодня происходит борьба между буржуазной и ревизионистской идеологией, с одной стороны, и марксистско-ленинской — с другой, являются вопросы о роли и месте революционных сил современности.

Основное содержание нашей эпохи — переход от капитализма к социализму, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Самой же отличительной чертой этого процесса является рост трех революционных сил: мировой социалистической системы, международного рабочего класса и национально-освободительного движения.

Поставленный Великой Октябрьской социалистической революцией вопрос «кто кого» был решительно и бесповоротно решен историей в пользу социализма. Первая страна социализма — Советский Союз, преодолев за шестьдесят с лишним лет своего существования испытания, не имеющие аналога в истории, вышел из них еще крепче, сделал огромный шаг вперед по пути строительства нового общества и своим примером вдохновил другие народы. Содружество социалистических государств выросло в могучую позитивную силу современности. Совместными усилиями братские государства нанесли ощутимый удар по чудовищной доктрине империализма, доктрине «ба-

лансирования на грани войны», и проложили путь для разрядки международной напряженности на основе мирного сосуществования государств с противоположными общественно-экономическими и политическими системами.

Объективные изменения в соотношении сил на международной арене в пользу социализма отнюдь не означали примирения между капитализмом и социализмом. На различных уровнях между ними продолжается противоборство в сферах политики, идеологии, экономики. Стратегическая цель империализма — воспрепятствовать борьбе народов за мир, демократию и социализм — остается неизменной. Меняются только тактические средства в ее достижении. Частично прямые нападки против социализма уступили место изощренным формам идеологического наступления, закамуфлированного разглагольствованиями о «наведении мостов», «демократизации», «либерализации», «модернизации», «конвергенции» и тому подобным идеям, смысл которых, в сущности, заключается в том, чтобы страны социализма были деформированы извне и изнутри на потребу империалистическому Западу.

Идеологи империализма ищут и находят союзников в представителях мелкобуржуазных идейных политических направлений в основном ревизионистского типа. Его воинствующие теоретики возлагают большие надежды на так называемую «эрозию» научного коммунизма и усматривают ее в любом отклонении от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В этом они видят хорошую возможность вбить клин в мировую социалистическую систему, в коммунистическое и национально-освободительное движение, расширить поддержку и пути проникновения в эти движения идей, чуждых марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму.

Эти идеологи в качестве одного из средств борьбы против коммунизма используют маоизм. Буржуазные синологи уделяют Мао Цзэдуну и его идеологии огромное внимание. О маоизме написано множество книг, преследующих единственную цель — противопоставить маоизм марксизму-ленинизму и научному коммунизму.

В последние 20 лет в Китае, а затем на международной арене активизировалось реакционное общественно-политическое движение, называемое маоизмом. Прежде чем появиться на международной арене, он продолжительное время вызревал в самом китайском революционном движении и в Компартии Китая в форме так называемого «китаизированного марксизма». Возникновение, эволюция и окончательное оформление маоизма, глубоко враждебного марксизму-ленинизму, мировому революционному процессу, не является в своей сущности только идеологическим течением, а прежде всего политическая практика, которой непосредственно и самым вульгарно-прагматическим образом подчинена вся «теоретическая» деятельность маоистов. В этом смысле развитие маоизма было непосредственно связано с политической деятельностью Мао Цзэдуна и его группы, с фракционной борьбой за власть — сначала внутри Коммунистической партии Китая, а затем и в международном рабочем и национально-освободительном движении.

Исходя из этого, развитие маоизма можно разделить на три этапа:

1. 1917—1934 гг.— период формирования «взглядов Мао Цзэдуна».

2. 1935—1959 гг.— период формирования «идей Мао Цзэдуна», так называемого «китаизированного марксизма».

3. 1960—1976 гг.— период «созревания» маоизма (в каждом из вышеприведенных этапов в эволюции маоизма наблюдались более или менее краткие периоды, существенно отличающиеся друг от друга, содержание которых определялось политическими интересами Мао Цзэдуна и его тактикой в борьбе за удержание власти в партии) *.

В зарождении и формировании идеологии и политики маоизма участвовала, кроме самого Мао Цзэдуна, большая группа лиц, начиная с Чэнь Бода и кончая Яо Вэньюанем, каждый из которых внес в эту «теорию» свой личный вклад.

---

* Подробнее см.: Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977, с. 16. — *Прим. ред.*

К исходу второго этапа относятся и окончательное формирование маоистской теории «новодемократической революции», и первые попытки маоистов претворить эту теорию в практику.

Победа в 1949 г. национальной революции и ее развитие по пути научного коммунизма в самом Китае были серьезным препятствием на пути признания маоизма идеологией КПК, и тем не менее Мао Цзэдун и его группа, не отступавшие от своей стратегической цели, полностью заменили в КПК марксистско-ленинскую теорию идеями Мао Цзэдуна, прибегнув к лавированию, маскировке, двурушничеству.

Для третьего периода характерным является то, что завершается процесс формирования идей Мао Цзэдуна в «систему» общественно-политических взглядов, которая откровенно противостоит теории и практике научного коммунизма, международного коммунистического и рабочего движения. В этот период маоизм выходит за пределы Китая и объединяется с другими оппортунистическими и антикоммунистическими движениями, открывает второй фронт борьбы против социализма и мира. От идеологической борьбы против научного социализма маоизм постепенно переходит к открытой политической борьбе с социалистическим содружеством, он выступает в качестве пособника самых реакционных империалистических сил. В самом Китае маоисты осуществляют контрреволюционный переворот и навязывают Компартии Китая свою оппортунистическую ревизионистскую идеологию, формирующуюся в великоханьский гегемонизм и шовинизм. IX и X съезды КПК официально провозглашают маоизм идеологией партии и общества.

Маоизм питается из многих источников. Его возникновение и формирование неотделимо от истории Китая, уровня развития китайского общества, его структуры, места и роли различных классов в нем, содержания идей, накопленных обществом, от особенностей самого процесса познания и в конце концов от характера социальной психологии и этики китайского общества.

При всей своей национальной специфике маоизм не представляет собой сугубо китайский феномен: в нем множество черт, присущих всем мелкобуржуазным идеологиям, мелкобуржуазной политической практике и шовинизму вообще. Поэтому не случайно он сходен с мелкобуржуазными течениями — народничеством, анархизмом, троцкизмом и т. д. Основным элементом, ядром политики и идеологии маоизма является национализм, вытекающий из его мелкобуржуазно-классовой природы. Маоизм стал идеологическим конгломератом, возникшим на почве мелкобуржуазного общества в результате политического прагматизма, которым пропитался Китай в первой половине XX века. При этом характерно, что маоизм не воспринял лучшие, прогрессивные стороны китайских идеологических и социально-психологических традиций, а впитывал из них только самые худшие, реакционные. Он полностью игнорирует ту часть китайской традиционной идеологии, которую можно объединить с коммунизмом, миролюбием и демократизмом, а принял из нее только идеи о гегемонизме, насилии, милитаризме, автократии, то есть компоненты, используемые антикоммунистами.

Маоизм содержит черты, присущие как правому, так и «левому» оппортунизму. Это прежде всего национализм, в некоторых аспектах с чертами правого ревизионизма. Сочетание в маоизме экстремизма, китайского национализма и великодержавного шовинизма не вызывает сомнений. Великоханьский шовинизм, пронизывающий всю маоистскую концепцию внутренней и внешней политики Китая, постепенно вылился в антисоветизм. Рассуждения ревизионистов о поливариантности марксизма и его различных центрах создают в рабочем движении ложную предпосылку ставить под сомнение исторически сложившийся авторитет Советского Союза как главной решающей силы международного рабочего движения и ведут к ослаблению единства действий международного рабочего класса и к расколу в рядах коммунистических партий.

Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что китайские маоисты в борьбе против Советского Союза охотно объединяются с крайне правы-

ми силами. Ярчайшим примером этого является их откровенная помощь режиму Пиночета в Чили; здесь «левая» политика как бы тесно соседствует с фашизмом и вообще с самыми реакционными силами.

Маоистская критика ленинизма как марксизма нашей эпохи носит правооппортунистический характер. В этом маоисты едины с западноевропейскими, и особенно с западногерманскими, «критиками» марксизма, марксологами самых различных мастей, а также с троцкистами. Взгляды, которые высказывал в отношении Великой Октябрьской социалистической революции и строительства социализма в Советском Союзе известный ревизионистский публицист Исаак Дойчер, во многих аспектах как бы смыкаются с отдельными маоистскими позициями.

Любопытно, что маоизм стал излюбленным предметом исследования и анализа целого ряда правых ревизионистов, и прежде всего Р. Гароди, Э. Фишера, теоретика так называемой «радикальной революции» Г. Маркузе, а из чехословаков — Ивана Свитака, Милана Пруха, Отто Шика и других. Тождественное находилось у обеих сторон, симпатии были взаимными. И хотя на словах этот вид правого оппортунизма маоисты отрицали, на деле же было как раз наоборот. Известна, например, их реакция на так называемые чехословацкие события и откровенная поддержка режима Дубчека.

И в этом проявилось типичное для китайского маоизма противоречие: расхождения теории с практикой. Теория как дополнительная поддержка нужна им, собственно, лишь для оправдания уже начатых практических мероприятий.

Как только маоисты в своих трескучих общенациональных кампаниях переходили от теории в плоскость практики, от лозунгов-призывов к действиям, наступал печальный финал, так как маоисты в своей политике отказались от марксистско-ленинских принципов, заменили их своими путанными, неапробированными экспериментами, обреченными на провал с самого начала.

В последний период буржуазные идеологи воспевали Мао Цзэдуна и его идеи, некоторые из них даже призывали «учиться у Китая». Закономерен

вопрос: какие новые идеи, новые ценности маоистов привлекательны для буржуазных идеологов? Естественно, те, которые свидетельствуют о националистическом отходе китайских лидеров от всеобщих принципов научного коммунизма, пролетарского интернационализма, вносят раскол в международное коммунистическое и рабочее движение. Главной и определяющей чертой буржуазной интерпретации маоизма является прагматический взгляд на идеи Мао Цзэдуна. Теория и практика маоизма ими оцениваются как средство идеологической борьбы против научного коммунизма.

Происходило переделывание «маоцзэдунъидей» в якобы цельное учение «маоизм». Существо этой «эволюции» заключалось в преднамеренной фальсификации главных работ и идей Мао с целью изобразить автора с самого начала его теоретической деятельности «последовательным марксистом», защищавшим и развивавшим марксизм-ленинизм в новых исторических условиях.

К такой фальсификации маоисты готовились уже с конца тридцатых годов. Чтобы упрочить свои позиции в Компартии Китая и идейно подавить в ней марксистско-ленинские интернационалистские силы, Мао Цзэдун и группа его приверженцев предложили в 1938 г. на 6 пленуме ЦК КПК концепцию «китаизированного марксизма» в качестве якобы единственно пригодного для Китая «марксизма» — «идей Мао Цзэдуна».

Затем эти идеи в 1945 г. на VII съезде КПК были закреплены в качестве идеологической основы деятельности Компартии Китая. В поддержку своих националистических амбиций маоисты тогда предприняли шаги по фальсификации политической истории своей Компартии и деятельности Мао Цзэдуна и его приверженцев в партии. 7 пленум ЦК КПК, проходивший в апреле 1945 г., утвердил подготовленное Мао Цзэдуном особое «Решение по некоторым вопросам истории КПК», в котором вопреки исторической правде он был представлен не только как основатель партии Китая, но и как единственный носитель и создатель правильной марксистско-ленинской линии в партии, «вождь», который «бле-

стяще развил учение Ленина — Сталина о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах...» [4].

Затем «деятельность» в этом направлении была продолжена в 1949—1951 гг., когда в КНР готовились к изданию три тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна». При редактировании включенных в названную публикацию работ были существенно изменены те принципиальные тезисы, которые носили совершенно националистический и антимарксистский характер. Одновременно из библиотек были изъяты номера газет яньаньского периода, в которых были опубликованы статьи и выступления Мао Цзэдуна в первоначальном виде. Вместо них были «вновь изданы» те же газеты, но уже с новыми вариантами его старых статей.

Цель подобной фальсификации «трудов» Мао Цзэдуна ярко проявилась в период «культурной революции», когда маоистская пропаганда отбросила всякий камуфляж и откровенно заявила, что «председатель Мао гениально, творчески и всесторонне унаследовал, защитил и развил марксизм-ленинизм, привел его к третьему великому, совершенно новому этапу развития — этапу идей Мао Цзэдуна, а мир вступил в новую революционную эпоху, великим знаменем которой являются идеи Мао» [5].

Тезис об идеях Мао Цзэдуна как совершенно новом этапе развития марксизма-ленинизма был затем закреплен в документах IX съезда КПК в 1969 г. Этот же тезис, по существу, содержался и в новом уставе КПК, который принял X съезд партии в августе 1973 г. и в котором выражение «идеи Мао Цзэдуна» помещено рядом со словами «марксизм-ленинизм». Тем самым подчеркивалось, что идеи Мао, мол, являются следующим, высшим этапом развития марксизма-ленинизма.

В качестве поддержки этих претензий маоизма служила и фальсификация главных работ Мао Цзэдуна, написанных им до 1949 г., которую маоисты провели в 50-е годы.

Статьи и выступления Мао, написанные или произнесенные им до 1949 г., были опубликованы в различной периодике — в журналах «Синь циннянь»,

«Сянфэнь», «Чжунго нунминь», «Дунфан гэмин», «Чжунго вэньхуа», «Миньчжу», газете «Цзефан жибао» и других.

Некоторые работы вышли также самостоятельными брошюрами, например выступление Мао на 6 пленуме ЦК КПК в 1938 г. (под названием «На новом этапе», г. Чунцин), выступление на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани в мае 1942 г. (под названием «Вопросы литературы и искусства», издательство «Цзэфан», 1943 г.), брошюра «Обследование деревни», Харбин 1948 г., запись лекций «Диалектический материализм», г. Далянь, издательство «Дачжун шудянь» (периода 1945—1949 гг.).

Первое издание «Избранных произведений» Мао Цзэдуна появилось в 1944 г. (Яньань), а затем в 1946 г. в Дальнем вышло новое трехтомное издание «Избранных произведений», в 1948 г. в Харбине издательство «Дачжун шудянь» выпустило еще однотомник его произведений. В него вошли (в основном в оригинале) статьи и выступления, начинавшиеся работой «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань (1927)».

В конце концов в 1951 г. в Пекине выходят первые три тома следующего издания «Избранных произведений Мао Цзэдуна», а в 1960 г. к ним был добавлен 4-й том. В издание были включены статьи, выступления и другие работы Мао Цзэдуна периода 1921—1949 гг. Как раз это издание работ маоисты объявили «каноническим», «официальным», «пересмотренным, дополненным и исправленным» автором. На основе «новейшего» издания маоистская пропаганда строит свою версию о «развитии марксизма» Мао Цзэдуном.

Однако сравнение «канонического» издания произведений Мао Цзэдуна 1951 и 1960 годов с оригиналами вскрывает беспрецедентную переделку произведений автора. Редактирование, дополнение и исправление ранних работ Мао самим автором в действительности было неприкрытым подлогом, в результате чего некоторые важнейшие работы с точки зрения объяснения взглядов Мао Цзэдуна на главные проблемы марксизма-ленинизма предстают перед

читателем в совершенно ином свете. Это были не только обычное издательское редактирование, отдельные исправления, но существенная переработка ранних работ Мао таким образом, чтобы они приобрели новое «марксистское» звучание.

Поэтому критическое изучение работ Мао Цзэдуна наталкивается на значительные трудности, заключающиеся в наличии неизбежного несоответствия «официальных» взглядов с первоначальными, создававшими основу формирования идеологии и политики Мао, проводившихся в жизнь особенно в 60-е годы.

Нынешние работы синологов Советского Союза и других социалистических стран, исследующих источники, классовую сущность, историю, политику и идеологию маоизма, позволяют определить, на основе каких идей (китайских и зарубежных) он формировался, какие идейные течения его обусловили, почему маоизм испытал влияние того или иного идейно-теоретического течения.

Вопрос об идейных источниках маоизма и мировоззрения Мао Цзэдуна кратко исследуется в работе советских синологов М. Алтайского и В. Георгиева «Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэдуна». Авторы доказывают, что на мировоззрение Мао повлияли, с одной стороны, традиционно китайские общественные идеи, прежде всего конфуцианство и легизм, а с другой — анархизм. Влияние конфуцианства, легизма и даосизма, китайских утопических представлений на маоизм вкратце оценивается в коллективной работе ученых социалистических стран «Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма».

В книге «Источники и развитие „идей Мао Цзэдуна“» А. М. Румянцев показывает связь его идей с китайскими традициями (конфуцианством и легизмом), исследуя прежде всего влияние легизма на идеи и практику маоистов.

Идейные и теоретические источники маоизма обстоятельно проанализированы также в сборнике советских авторов «Критика теоретических концепций Мао Цзэдуна».

П. Н. Федосеев, обращая внимание на эклектический характер маоизма, показывает, какое влияние

на него оказали китайская феодальная философия, мелкобуржуазный социализм, буржуазный национализм, крестьянский полународнический радикализм, троцкизм и анархизм.

Глубокий анализ политики и идеологии маоизма содержится в трудах члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова.

В изучении идеологии и политики маоизма важное место занимает мемуарная литература, особенно работы П. П. Владимирова, О. Брауна и Ван Мина. Из буржуазных синологов и теоретиков идейными истоками маоизма и его отношением к китайским традициям в той или иной степени занимались А. Коэн, Б. Шварц, С. Шрам, И. Фэрбэнк, К. Витфогель, Р. Гароди, О. Латтимор и другие.

Помимо вышеприведенных источников в данной работе были использованы переводы китайских оригинальных материалов, документов и теоретических статей.

Разоблачение и принципиальная критика различных мелкобуржуазных, анархических, троцкистских и тому подобных идеологий — это постоянно актуальная задача. Существует реальная возможность, что вместе с ростом и усилением рабочего класса, с дальнейшим подъемом национально-освободительного движения в развивающихся странах некоторые из этих идеологий в той или иной своей разновидности появятся вновь. Такое можно образно сравнить с тлеющим углем, который в природе при благоприятных климатических условиях может стать источником пожара и принести тем самым безмерный вред.

Предлагаемый труд не претендует на комплексный анализ затронутых проблем, что потребовало бы объединения усилий нескольких научных учреждений. Нашей целью является подчеркнуть отдельные аспекты связей идеологии и политики маоизма с антикоммунизмом, троцкизмом и анархизмом и показать некоторые их проявления в Европе.

Мао Цзэдун умер, но его печальное наследство в самом Китае живо, и вред, который он причинил своим авантюризмом китайскому народу, международному коммунистическому и рабочему движению, безмерен.

Маоистская фальсификация марксистской диалектики

Полную оценку маоистскому «методу» дать весьма трудно, так как он, собственно, не является научным. Маоизм эклектичен как с точки зрения содержания, так и в выборе своих методов. Совершенно произвольно он связывает все со всем, некоторые правильные марксистские тезисы им дополняются ревизионистским искаженным толкованием основных марксистских положений и методологических проблем.

Каждой философии и каждой философской системе следует давать оценку в зависимости от того, как в них решается основной вопрос философии. На это обращал внимание уже Фридрих Энгельс. Нам необходимо исходить из этой позиции и в критике маоистского искажения марксизма-ленинизма. На фоне искажения основного вопроса философии в китайском маоизме неизбежно появится целый ряд других ошибок философского и философско-методологического характера.

Маоизм, как известно, абсолютизирует субъективную сторону деятельности человека. Он, собственно говоря, фетишизирует эту деятельность как решающую и объективную сторону материального развития. Отсюда, например, происходит переоценка роли

живого труда и явная недооценка механизации и машинного производства. Согласно маоизму, решающим фактором истории становятся массы. Исходя из посылки о превосходстве людского потенциала, маоисты выстраивают концепцию о своей непобедимости в случае будущей мировой войны.

Мао Цзэдун всегда находился под влиянием субъективизма, отсюда и его попытки привнести изменения в марксизм-ленинизм. Идеи он отождествляет с материальной силой, считая, что именно от них зависит и состояние производительных сил. Если поглубже проанализировать эту посылку, то получается, что речь идет, оказывается, об «идеях» самого Мао Цзэдуна.

Маоисты понимают историю субъективистски и волюнтаристски. Воля человека существует, по мнению маоистов, независимо от объективных законов и исторических событий, она существенно изменяет общественные и исторические процессы. Иначе говоря, это надо понимать так, что определяющим фактором современной истории является воля вождя Мао Цзэдуна. Итак: маоизм только на словах признает диалектический и исторический материализм, но в действительности решающим фактором истории он считает субъективную деятельность. Формально признавая первичность материи, общественного бытия, маоизм в действительности исходит из определяющей роли субъекта, духа, идеала, то есть фактически он все в большей степени сползает на идеалистические позиции. Следовательно, хотя маоисты и прокламируют первичность бытия и вторичность сознания и познания, в действительности они исходят из первичности познания, первичности идеологии. «Маоцзэдунъидеи» считаются всемогущей магической силой. В связи с этим они говорят о «духовной» атомной бомбе.

В духе старой китайской диалектики маоизм утверждает, что материальное переходит в идеальное, а идеальное вновь превращается в материальное. В крайнем случае, особенно в общественном процессе, происходит «материализация идей Мао Цзэдуна». То, что противоречит маоизму, автоматически квалифицируется как враждебное. Таким образом, субъ-

ективизм и волюнтаризм действуют вместо реального осознания объективных закономерностей развития общества.

Первоначально сформулированный Энгельсом тезис о двух главных сторонах основного вопроса философии маоисты стремятся расширить дополнительным элементом — проблемой отношения между метафизикой и диалектикой. Тенденцию «дополнить» основной вопрос философии Мао Цзэдун проявил еще в своих известных лекциях по диалектическому материализму. В вышедшем в Китае позднее (1961) учебнике «Диалектический материализм» это делается уже совершенно открыто. «...Противоположность мировоззрений наряду с разногласиями между материализмом и идеализмом включает в себя также противоположность между диалектикой и метафизикой» [6].

В философском подходе здесь уже содержится деление на метафизическое и диалектическое, а не как следует — на материалистическое и идеалистическое. Ведь диалектический и метафизический подход свойственен, собственно, как материалистам, так и идеалистам.

Следовательно, маоисты в основном вопросе философии (об отношении мышления к бытию) считают самым существенным противоречие между диалектическим и метафизическим. Следующим противоречием, которое они абсолютизируют, является противоречие между теорией и практикой, между возможностью и действительностью. Из этого маоисты делают вывод, что основной вопрос философии является одновременно вопросом практической деятельности. Стало быть, идеи у них первичны, а бытие вторично. Поэтому можно навязывать положение, что основной предпосылкой успеха в практической сфере являются «идеи Мао Цзэдуна».

Маоистская философия, переоценивая роль субъективного фактора, придает слишком большое значение идее «революционного энтузиазма». Решающим моментом в процессе исторической практики человечества у них и является именно этот «энтузиазм» масс. Так маоисты пришли к выводу, что идеальное

переходит в материальное и что, следовательно, «идеи великого Мао» переделывают мир. Это перерастает в культ личности Мао Цзэдуна. Ему приписывают прямо-таки магическую силу.

В целом можно сказать, что маоизм как философия есть эклектическая смесь идеализма, стихийной диалектики и отдельных элементов марксизма. В области гносеологии он впадает в идеализм, переоценивает роль идеи и опять же на этой основе создает культ личности, особенно личности Мао Цзэдуна.

Маоизм, таким образом, является эклектической смесью марксизма-ленинизма с псевдонаучными, антимарксистскими взглядами, часто почерпнутыми из китайской общественной мысли. Он не имеет характера философской системы, не является цельным мировоззрением. В нем сочетается фальшивое и неправильное с правильным и правдивым. Поэтому маоизм ухитряется оперативно реагировать на все изменения и быстро приспосабливаться к новой ситуации. Именно поэтому он является подходящей почвой для «левого» оппортунизма, основанием для по-маоистски трактуемых «национальных интересов» Большинство теоретических положений маоизма весьма утилитарно связаны с достижением конкретных политических целей. Речь идет о кратковременных целях, и маоизм, теоретически обосновывая их необходимость, отстаивает методы и средства, направленные на достижение этих целей. Короче говоря, налицо черты утилитарного прагматизма, практицизма в голом виде. Статья Мао Цзэдуна «Относительно практики» была написана прежде всего с целью доказать, что о проблемах китайской революции имеют право судить только те, кто в ней непосредственно и длительное время участвовал. На этом основании было выражено сомнение в отношении выводов Коминтерна по китайскому вопросу и о деятельности китайских представителей в нем. Работа «Относительно противоречия» идеологически подготавливала раскол в КПК, борьбу маоистов против марксизма-ленинизма. Эта борьба началась в период кампании за исправление стиля работы

(«чжэнфын») *. Аналогичную роль сыграла работа Мао Цзэдуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа». Этой работой была начата подготовка нового раскола в партии, борьба — вновь с помощью кампании «чжэнфын» — против марксистов-ленинцев, началось насаждение троцкистских идей о «перманентной революции» и ревизия генеральной линии международного коммунистического движения.

В качестве другого примера произвольного обращения с марксизмом можно привести и концепцию Мао Цзэдуна о производительных силах и производственных отношениях и ее воплощение в сфере конкретной экономики. Ориентация на молниеносное укрепление социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве КНР без обеспечения необходимой технической основы была в явном противоречии с принципом развития производственных отношений на основе совершенствования производительных сил. Еще в 1955 г. Мао Цзэдун делал вид, что соблюдает этот принцип, и провозглашал, что социальную революцию надо осуществлять одновременно с «революцией» в технике. Но уже в 1956 г. он отвергает этот принцип, формулируя свое толкование закона соответствия производительных сил и производственных отношений в социалистическом строительстве следующим образом: «Цель социалистической революции состоит в освобождении производительных сил. Замена единоличной собственности в сельском хозяйстве и кустарной промышленности социалистической коллективной собственностью и замена капиталистической собственности в частной промышленности и торговле собственностью социалистической неизбежно приведут к колоссальному освобождению производительных сил. А это создаст социальные условия для мощного развития промышленного и сельскохозяйственного производства»[7]. Не случайно вместо тезиса о развитии

---

* Политическая «кампания по исправлению стиля работы», проводившаяся по инициативе Мао Цзэдуна в 40-е годы, целью которой была расправа с политическими противниками Мао, в первую очередь с теми, кто выступал против его националистического курса. — *Прим. ред.*

производительных сил здесь появляется тезис об их «освобождении». Существо нового курса, навязанного Мао Цзэдуном, заключалось как раз в том, чтобы на неопределенное время задержать развитие производительных сил и техническое оснащение сельского хозяйства и использовать лишь выгоды простой кооперации немеханизированного крестьянского труда. Очевидно, отсутствие материально-технической базы должна была восполнить политическая сила государства. Таким образом, в маоистской практике не ориентировались на закон соответствия производительных сил и производственных отношений при социализме, ни в коей мере не шла речь о разрешении противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Налицо было явное игнорирование объективных закономерностей общественного развития, искусственное обострение противоречий. Тезис Мао Цзэдуна «чем хуже, тем лучше» в этом смысле парадоксален. Бедность и отсталость масс, если исходить из него, является движущей силой социалистической революции. «Помимо прочих особенностей шестисотмиллионное население Китая заметно выделяется своей бедностью и отсталостью. На первый взгляд это плохо, а фактически — хорошо. Бедность побуждает к переменам, к действиям, к революции» [8].

Своим субъективистским подходом к целому ряду категорий и понятий и особенно игнорированием диалектики Мао Цзэдун искажает марксизм-ленинизм. Там, где стихийно, без знания дела используется материалистическая диалектика, возникает неправильный, метафизический подход. Проблема в том, что высказывания Мао Цзэдуна долгое время казались диалектическими и материалистическими и не всегда удавалось обнаружить как их метафизическую подоплеку, так и их метафизические последствия (еще более существенно то, что в первые годы КНР метафизические постулаты Мао не всегда находили приложение в практике). Диалектика в работах Мао выглядела одной из любимых его тем. Создается впечатление, что он прямо выбрал ее в качестве специальной области занятий. Однако при этом

он умышленно обращался с ней произвольно и тем самым все больше искажал ее.

Наиболее часто встречающиеся ошибочные утверждения Мао — дань древней китайской философии, особенно конфуцианству и даосизму. Почему? Именно потому, что старокитайская философская мысль уже сама стихийно подошла к пониманию противоречий как главной движущей силы развития. Она рассматривала (правда, в большинстве случаев метафизически) борющиеся противоположности как отправной момент существования жизни, ее изменений, движения и развития. Лаоцзы * со своим универсальным законом — «дао», и Конфуций, указывавший пути воспитания человека, своим метафизическим пониманием противоположностей послужили тому, что Мао Цзэдун абсолютизировал (точно в традициях китайского мышления) теорию противоречий.

Весьма существенную роль в маоизме сыграли тезис о «единении двух начал и раздвоении единого» и связанная с ним дискуссия.

Дискуссия началась в газете «Гуанмин жибао» 29 мая 1964 г. публикацией статьи Ай Хэнъу и Линь Циншаня. В ней отстаивался тезис о том, что основным законом объективного мира является «единение двух», а основным методом познания — «раздвоение единого».

5 июня 1964 г. против таких взглядов весьма критически выступил Сян Цин, который утверждал, что «раздвоение единого» — это всеобщий закон, а не только метод познания. В действительности, вся эта проблематика была искусственно обострена, так как маоисты с помощью дискуссии хотели обосновать борьбу внутри Компартии Китая против своих политических противников и подготавливаемую ими для этой цели «культурную революцию». Аналогичную аргументацию они стремились применить и в области международного рабочего движения. Цели были,

---

* Лаоцзы (6—5 вв. до н. э.) — согласно китайской традиции основоположник даосизма. По предположениям некоторых историков, учение этого философа было изложено в книге «Даодэцзин», содержавшей элементы наивной диалектики. — *Прим. ред.*

следовательно, явно прагматическими. Речь шла об уже упоминавшемся дополнительном обосновании практики теорией, что весьма часто встречается в маоизме. Идея «раздвоения единого» уходит своими корнями в глубокое прошлое. Ее мы найдем уже в древних и средневековых философских системах и школах. Она содержится как в конфуцианстве, так и в даосизме. Древняя и средневековая китайские философии основывались на подыскивании каждому явлению его противоположности, этаких устойчивых пар без наличия внутренней связи между ними, и уже в них содержались утверждения о взаимном превращении противоположностей друг в друга.

Ограниченное переходит в бесконечное, бесконечное — вновь в ограниченное, производство переходит в потребление, а потребление вновь в производство, сын становится отцом, а отец — сыном, жена — мужем, а муж — женой, пишет Мао Цзэдун. Если задуматься над этими утверждениями, их нелогичность и антидиалектичность бросаются в глаза. Все они искусственны, зиждутся на старокитайской стихийной диалектике и насильственном навязывании. Поэтому они не могут быть правильными, не могут служить исходными принципами в жизни.

С точки зрения марксизма-ленинизма и его теории противоречий у Мао отсутствует основной тезис о борьбе и единстве противоположностей, об их взаимопереходе и относительном равновесии. Противоречия сконструированы им чисто механически, механически существует и их взаимное движение. В таком маоистском виде они не могут создать приемлемую базу для дальнейшего научного познания.

Мао Цзэдун, в сущности, сводит все богатства законов и категорий диалектики к единственному вопросу о борьбе противоположностей. В апреле 1964 г. он, например, совершенно откровенно заявил: «Энгельс говорил о трех законах диалектики, но в два из них я не верю — основной закономерностью является единство и борьба противоположностей, переход количества в качество есть единство противоположностей количества и качества, а отрицание отрицания вообще не существует».

Конечно, закономерности, выведенные из борьбы противоположностей, относятся к основным закономерностям материи и общества. Борьба противоположностей, безусловно, является движущей силой всякого развития, но проблема возникает тогда, когда эта борьба абсолютизируется и подается в качестве единственного закона материалистической диалектики, если неправильно определены противоположности. Мао Цзэдун будто бы и исходит из Ленина, но в действительности своей неправильной характеристикой противоречий выступает против него. Там, где Ленин рекомендовал конкретный исторический подход к противоречиям, Мао Цзэдун до абсурда обостряет противоположности и говорит об их совершенной непримиримости. С точки зрения Мао Цзэдуна, существует только абсолютный антагонизм, причем он утверждает, что лишь таким образом познаваемые противоречия являются движущей силой развития общества. Ленин, однако, принимал антагонизм только за один, особый случай противоречий, считая, что при социализме антагонизмы исчезнут, но противоречия останутся.

Концепция абсолютизированных и метафизически понимаемых и толкуемых противоположностей позже становится методологией авантюризма и волюнтаризма в социально-политической практике. Маоисты умышленно провоцируют самые различные конфликты, искусственно создают или обостряют противоречия в жизни общества, раздувают возможное возникновение чувства соперничества между исходно дружественными классами (рабочими и крестьянством), выступают против единства действий международного рабочего движения и разрушают его всеми средствами. Эта «высокая теория» имеет, таким образом, совершенно конкретные последствия, которые проявились особенно в китайской «культурной революции». Такие революции, согласно Мао Цзэдуну, должны через каждые семь лет повторяться и ввергать в хаос то, что обеспечивает прочный порядок и закономерно ведет к социализму.

На практике, значит, речь идет об искусственном создании противоположностей, одни классы или социальные группы противопоставляются другим,

рабочий класс противопоставляется крестьянству, противоречия искусственно вносятся в ряды партии.

Маоистский подход к противоречиям в практике превращает в фетиш социальные противоречия, отражая мелкобуржуазный характер маоизма. К такой идеологии полностью относятся слова К. Маркса: «Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие,* потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное, как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике» [9].

Маоизм на словах признает единство противоположностей, однако в практике это игнорирует. Следуя логике маоистов, дело обстоит так: или единство, или борьба. Если налицо борьба, то не может быть единства. У Мао Цзэдуна стабильность в обществе и сплоченность в партии выглядят как неестественное положение «застоя», которое требуется «расшевелить».

«Если бы постоянно сохранялась сплоченность, то это было бы стоячее болото,— говорил Мао Цзэдун,— это была бы полнейшая тишь. Надо разрушить старую основу сплоченности и через борьбу сплачиваться на новой основе» [10].

Так как маоизм считает все общественные противоречия антагонистическими, он соответствующим образом трактует и форму борьбы: как острую, непримиримую классовую борьбу; в практической политике при социализме он считает необходимым прибегать даже к провокациям или созданию острых социальных конфликтов между трудящимися.

Из этого вытекает и положение Мао Цзэдуна: «Создать противоречие весьма важно. Например, наше отношение к правым — дать им свободу, разрешить им высказываться...». Речь здесь идет опять об искусственном создании противоположностей.

До какой степени опасной и вредной может быть эта тенденция во внутренней и внешней политике, видимо, и доказывать не требуется. Перед нами догматически-субъективистское толкование отдельных мест из работ Маркса, Энгельса, Ленина и ни в ко-

ем случае не истинная интерпретация классиков. В маоистском понимании речь идет не о революции, а о мелких восстаниях, о создании противоречий в в территориально ограниченных масштабах, о противоречиях для противоречий без учета конкретной исторической обстановки.

Так, например, на второй сессии VIII съезда КПК в 1958 г. и на совещании ЦК КПК в Бэйдайхэ в августе 1959 г. Мао Цзэдун говорил о необходимости «подготовиться к расколу» и «не бояться раскола». Он прямо поставил задачу: «создать противоречия», в том числе с Советским Союзом и его коммунистической партией. В 1964 г., когда Коммунистическая партия Советского Союза и многие другие братские компартии предпринимали усилия для нормализации отношений с Компартией Китая, Мао Цзэдун убеждал членов китайского руководства в целесообразности ликвидировать всякие отношения с Советским Союзом и даже рекомендовал превратить советско-китайскую границу «в сплошную кровавую рану».

Мао Цзэдун понимает противоречие как столкновение внешних противоположностей, «механически поставленных друг против друга». «Без жизни нет смерти, без смерти нет жизни. Без верха нет низа, без низа нет верха. Без беды нет счастья, без счастья нет беды. Без легкого нет трудного, без трудного нет легкого. Без помещика нет арендатора, без арендатора нет помещика. Без буржуазии нет пролетариата, без пролетариата нет буржуазии. Без империалистического национального гнета нет колоний и полуколоний, без колоний и полуколоний нет империалистического национального гнета. Так обстоит дело со всеми противоположностями»,— пишет Мао Цзэдун в своей работе «Относительно противоречия»[11].

Так же механически в маоистской конструкции противоположностей излагаются их взаимозависимость и взаимозаменяемость, что сводится к простой перемене мест. «Угнетатели и угнетенные взаимно переходят друг в друга; именно таковы отношения между буржуазией, помещиками, с одной стороны, и рабочими, крестьянами — с другой... Сын

превращается в отца, отец в сына, женщина превращается в мужчину, мужчина в женщину...

Война переходит в мир, мир переходит в войну. Мир — противоположность войны. Если бы не было войны, то откуда взялось бы слово „мир“?»[12].

Вышеприведенные известные примеры ясно показывают, как сильно было влияние древнекитайской диалектики на Мао Цзэдуна. Некоторые из его цитат звучат как эхо трактата «Даодэцзин» философа Лаоцзы.

Для иллюстрации можно привести несколько его высказываний:

«Все вещи содержат противоречия... Это всеобщий закон, и действует он во все времена и во всех странах без исключения... Это основной закон природы и общества, следовательно — и сознания...»

«Противоречие — это движение, вещь, процесс, а также мышление...»

«Отрицать, что в вещах существует противоречие, значит, отрицать все...»

Эти и подобные идеи характерны для мышления Мао Цзэдуна. Несмотря на их краткое цитирование, заметны упрощенность и тезисный характер этого типа мышления. Оно упрощает вещи и явления, скрывает суть. К сожалению, следует отметить, что на этих идеях основана «революционная созидательная практика» в Китае, которую отличают бесконечные рискованные эксперименты.

27 февраля 1957 г. Мао Цзэдун посвятил целое теоретическое выступление тому, как правильно разрешить противоречие в народе. Оно вошло в «Красную книжку» — «Цитатник» («Мао чжуси юйлу») и упоминается в нем 36 раз, то есть чаще всех.

Уже через два года после своего первого издания в 1966 г. тираж книжки достиг 740 млн. экземпляров. В издательской мировой практике это был беспрецедентный случай. Массовое распространение «Цитатника» свидетельствовало о том, что маоистское руководство развивает огромную активность, чтобы в нужном для себя духе влиять на китайское население. Так как сущностью «Цитатника» является теория Мао Цзэдуна о противоречиях, то именно

эту теорию следует изучить с особым вниманием и вооружиться аргументами для борьбы с ней.

Однако самое важное заключается в том, что маоизм и маоисты на базе этой теории принимают практические решения, последствия которых для китайского общества могут быть катастрофическими. Явно националистическая и даже шовинистическая окраска в маоистской практике заметна, например, по известному высказыванию Мао Цзэдуна о применении марксизма-ленинизма в китайских условиях: «Сочетание всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции — это материализм. Первое со вторым представляет единство противоположностей, то есть диалектику. Почему заимствуют механически? Потому что не разбираются в диалектике.

У Советского Союза есть комплекс своих, советских методов. Опыт Советского Союза — это одна сторона, а китайская действительность — другая сторона, здесь опять-таки налицо единство противоположностей» [13]. Это утверждение Мао Цзэдуна, сделанное им в 50-е годы, своим острием направлено против Советского Союза и его опыта в строительстве социализма. Маоисты не признают этого опыта и говорят о специфических китайских условиях, которые, по их словам, почти противоположны советским, или, лучше сказать, маоисты искусственно выискивают и создают противоречия там, где их нет и никогда не было.

Однако, таким образом, можно противопоставить в качестве противоположностей практически любую пару общественных явлений или такую пару создать искусственно.

Как уже было сказано, Мао Цзэдун утверждает, что одна противоположность переходит в другую путем взаимной перестановки мест. «В определенных условиях,— говорит он,— плохое может привести к хорошему, а хорошее может иметь и плохие последствия». Но рассуждая так, можно хорошим охарактеризовать что угодно, например контрреволюцию или войну, и утверждать, что в конце концов все вело к хорошему. Мао Цзэдун воздает хвалу даже японцам за их агрессию в Китае, так как благодаря

этому здесь появились якобы возможности для революционного восстания китайского народа и для взятия власти коммунистической партией революционным путем. Однако уже с первого шага ясно, что это софистика. Так можно практически оправдать любое явление. Метафизический подход, соединенный с софистикой, невольно вызывает сомнение в том, насколько вообще можно говорить о действительно научном, марксистском подходе. Вся эта «диалектика» зиждется на принципиально иной основе, чем всеобщие принципы марксизма-ленинизма. Это чистый прагматизм и практицизм, последующее теоретическое обоснование практики или неправильные теоретические положения, насильственно внедряемые в практику.

Здесь отсутствует анализ конкретных исторических условий, научный подход к проблемам общества.

Мао Цзэдун, далее, ставит себе в заслугу, что он якобы обогатил и развил марксистскую теорию познания. Он говорит: «Маркс и Энгельс не объяснили принципиального скачка от практики к чувственному познанию и от него к познанию рациональному. Ленин это также не объясняет. Он в «Материализме и эмпириокритицизме» объяснил только теорию материализма, но совершенно не объяснил теории познания» [14].

Однако в том, что говорит об этой проблеме Мао Цзэдун, нет ничего нового. Это варьирование уже известных положений о роли практики как критерия познания, только с той разницей, что здесь придается практике еще большее значение, она абсолютизируется. К тому же имеется в виду не конкретная исторически преобразующая деятельность трудящихся масс, а политическая практика маоистской верхушки. Подобно другим, Мао Цзэдун занимается вопросом соотношения логического и чувственного познания. И опять-таки его отличает то, что так называемому книжному познанию он противопоставляет непосредственную действительность, которая, однако, не получив верного теоретического осмысления, может привести к абсурдным выводам. До известной степени это недооценка или даже отрицание теории: «Человек не может познать какое бы то ни

было явление без соприкосновения с ним, то есть если его собственная жизнь (практика) не протекает в условиях этого явления... Если хочешь узнать теорию и методы революции, то тебе нужно принять участие в революции. Все подлинные знания берут свое начало из непосредственного опыта. Однако человек не может непосредственно испытать все в мире, большинство наших познаний есть фактически результат косвенного опыта, это познания, которые мы получили от наших предков из прошлых веков, а также которые приобрели люди в других местах. Эти познания являются продуктом непосредственного опыта людей, которые жили раньше, или чужого непосредственного опыта. Поэтому человеческие познания слагаются из двух частей — данных непосредственного опыта и данных косвенного опыта»[15].

В целом эта «теория» достаточно наивна, а главное, не содержит ничего нового и тем более — и это весьма существенно — затушевывает всю проблематику. С точки зрения теории познания между косвенным и непосредственным опытом различие не столь важно, как некоторые другие ее аспекты.

Практически же речь идет не о чем ином, как об аргументации привилегированного положения армии и маоистов в революции. Только они имеют непосредственный опыт, только они способны принимать решения на «уровне».

Позднее появились разные принципы и лозунги, как, например, «движение за исправление стиля» и другие, и все с той целью, чтобы лишить влияния китайских коммунистов, работающих в Коминтерне, учившихся в Москве и вообще в любом месте среди «белых», просто всех, кто мыслил как коммунист, интернационалист. И все это под предлогом отсутствия у них непосредственного опыта участия в китайской революции. Тех, кто учился в Советском Союзе, Мао Цзэдун огульно назвал догматиками.

И известная теория «большого скачка», которая характеризуется четко националистическим подходом к проблемам социализма, была, собственно, предлогом для ревизии взглядов Маркса, Энгельса, Ленина, и особенно для нападок на Советский Союз, его революционную практику и его опыт в строительстве

социализма. Маоисты только для вида признавали классиков, но в действительности утверждали, что в китайской практике и опыте Маркс, Энгельс и Ленин были превзойдены.

В своем выступлении на второй сессии VIII съезда КПК 3 мая 1958 г. Мао Цзэдун говорил: «Есть еще одна боязнь — боязнь пролетарской учености, боязнь Маркса. Маркс стоит очень высоко, и добраться до него можно только по очень длинной лестнице. Некоторые пасуют: «Мне ведь никогда не добраться!» А следует ли так думать? Подходяще ли? Маркс ведь тоже был человек, у него тоже два глаза и две руки. Он был почти такой же, как и мы. Только в голове у него родилась великая теория марксизма. Он написал для нас много книг. Но ведь большинству товарищей вовсе не обязательно прочитать их все. Мы имеем много работы, но не имеем времени на чтение всех книг. Достаточно прочитать часть основных произведений. Ленин во многом из того, что сделал и объяснил, превзошел Маркса. Он развил многие положения Маркса и создал новые. Во многом сделанном нами мы тоже превзошли Маркса. Октябрьская революция осуществлена Лениным. Марксу не довелось совершить такого. И такую великую революцию, какой является китайская, Марксу также не удалось осуществить. В его время революция не увенчалась успехом. Октябрьская же революция и китайская революция победили. В нашей практике мы превзошли Маркса» [16].

Эти и подобные взгляды привели к тому, что классиков марксизма в Китае изучали очень немногие или совсем не изучали, что китайские руководители знали Маркса, Энгельса, Ленина весьма плохо. Вместо этого им вручались сборники цитат Мао Цзэдуна, которые стали предметом массового чтения. И это вело к созданию особого типа китайского догматического ревизионизма, основанного на непререкаемости «идей Мао Цзэдуна».

Мао Цзэдун исходит и из искаженного понятия «практика». Безусловно, у него мы можем найти и правильные высказывания о практике, в которых дословно повторяются тезисы Маркса и Ленина. Вот его типичное высказывание: «Правильные идеи чело-

века возникают только из общественной практики, из трех ее форм — производственной борьбы, классовой борьбы и научного эксперимента»[17]. Однако, как только речь заходит о конкретизации какой-либо формы практики, то оказывается, что вся практическая деятельность людей сводится только к классовой борьбе в маоистском понимании. О научном эксперименте Мао говорит: «Научное экспериментирование, которое я имел в виду, касается в основном естественных наук. В общественных науках, в философии, в политэкономии и в военных науках экспериментировать нельзя. Нельзя проводить эксперименты в диалектике, ибо законы теории выводятся на основе обобщения... Даже военные маневры не годны для лабораторного экспериментирования»[18].

Если марксизм понимает способ производства как совокупность производственной деятельности людей (рабочих, крестьян и интеллигенции), направленной на создание материальных благ, то Мао Цзэдун под этим понимает главным образом физический труд. Отсюда вытекает проводившаяся Мао в широких масштабах практика высылки неугодных людей на «перевоспитание физическим трудом» в деревню.

Классовая борьба у Мао Цзэдуна не означает совокупность всей революционной деятельности людей, направленной на изменение общественных отношений; под классовой борьбой маоизм в действительности разумеет борьбу Мао Цзэдуна и его группы за захват и удержание власти, ослабление и ликвидацию антимаоистских сил и манипулирование массами.

Вопросы противоречий и практики находятся в центре маоистского философствования. Эта философия была сформулирована непосредственно Мао Цзэдуном впервые в партийной школе в Яньани в конце тридцатых годов и вошла в брошюру Мао «Диалектический материализм». В 50-е годы его статьи о противоречии и практике были переработаны и включены в «Избранные произведения» Мао Цзэдуна. Позже последовали статьи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957) и «Откуда у человека правильные идеи?» (1963). Их содержание в большинстве своем антимарксистское, а в последнее время — прежде

всего программно антисоветское. За марксизм в них выдается то, что им в действительности никогда не было. Субъективно-волюнтаристский метод решения проблем, встающих в процессе общественно-политической практики, здесь приобретает характер абсолютного произвола в сфере идеологии. Задним числом подводится теоретическое обоснование под то, что уже осуществлено в практике, что служит для политического манипулирования массами. Мы уже кратко упоминали о главных истоках маоистской философии. Вернемся вновь к этому вопросу, но уже с той целью, чтобы проследить, как могли повлиять на Мао Цзэдуна идеи древности.

Мао Цзэдун получил классическое китайское образование, иными словами, он учил наизусть конфуцианские тексты. Конфуцианство, с его реалистическим подходом к жизни, глубоко запало в его образ мышления, несмотря на то, что позже, особенно в семидесятые годы, он остро критиковал это учение.

Учение Конфуция в свое время являлось выдающейся философией; однако в форме, которую ему придали поколения толкователей, оно стало догматическим официальным учением феодального Китая. В виде неоконфуцианства это учение в определенной степени аналогично средневековой схоластике. Знание этой философии, то есть знание ее текстов наизусть, было, например, условием приема на государственную службу. Неоконфуцианство возникло в XI—XII веках. Это была эклектическая мешанина конфуцианских взглядов с даосизмом и буддизмом. В такой форме неоконфуцианство предстало в качестве официальной идеологии китайского феодального общества. Его положения и правила мышления, его методология должны были соблюдаться неукоснительно. Таким образом, это учение превратилось в тормоз дальнейшего прогресса, препятствие свободному мышлению. Конфуцианство, как его интерпретировал Чжу Си *, изучалось во всех школах и стало,

---

* Чжу Си — философ-неоконфуцианец XII в.; основной удар направил против буддийской мистики. После него все классики конфуцианства уже почти всегда изучались лишь в его интерпретации и с его комментариями. — *Прим. ред.*

собственно, синонимом китайской образованности, китайских традиций. Оно до сегодняшнего дня влияет на мышление тех, кто получил такую подготовку, например, своей убежденностью в высоком предназначении китайского народа. Практически во всех начинаниях прибегали к авторитету Конфуция (аналогично тому, как ссылались на Аристотеля христиане в Западной Европе, для которых он был первым учителем).

Что мешало маоистам в учении Конфуция и почему они развязали вокруг его философии столь мощную пропагандистскую и политическую репрессивную кампанию?

Конфуцианство — типичная философия золотой середины. Ее целью является устранение, насколько возможно, всех противоречий, то есть эта философия по своей сути выступает против маоистского «обожествления» противоречий и тем более против искусственного их создания там, где их в действительности нет. Это — одна причина. Другая заключается в том, что эта философия в течение столетий была идеологией правящего класса феодалов. Она должна была сглаживать общественные противоречия, приводить их в равновесие, к состоянию идеального общественного мира. В своей критике конфуцианства, как претендовавшего на господствующую идеологию, маоисты правы во многом. Но в свою очередь они ударяются в крайность, абсолютизируя проблему отрицательного в культурном наследии, и с водой выплескивают и ребенка.

Во время «культурной революции» маоисты ограничивались критикой только отдельных аспектов конфуцианства. Другие аспекты, особенно такие политические методы, как прагматизм и практицизм, разработанные конфуцианством до мельчайших оттенков, маоисты используют в целом спокойно.

Конфуций учил оберегать традицию «ли», то есть этикет и церемонии. Их он считал священными, подобно сыновнему почитанию родителей, что постепенно было перенесено вообще на взаимоотношения с вышестоящими и вело к абсолютному повиновению. Это касалось и самого «сына неба» — китайского императора. Однако вполне понятно, что такие прин-

ципы верноподданничества и покорного послушания прежде всего помогали ему властвовать.

На первый взгляд Конфуций был гуманистом. Однако его принцип «жэнь», то есть любовь к человеку, был классово ограничен и распространялся только на высшие слои общества. Простой человек, по его размышлениям, не был способен к такой абстрактной любви. По существу, это означало четко классовое разграничение общества и требовало от каждого неукоснительно выполнять свои обязанности строго на своем месте.

В своей неоконфуцианской форме конфуцианство превратилось в закоснелую догму, не допускавшую никаких отклонений. Все инициаторы реформ и революции в Китае должны были обязательно нацеливать массы против неоконфуцианства, которое служило только фиксации существующего положения. В этом заключался следующий аргумент кампании против учения Конфуция. Определенной группе в Китае нужно было изменить прежде всего укоренившиеся принципы, чтобы можно было эффективно атаковать сложившийся режим. Именно с такой целью Мао Цзэдун использовал форму борьбы с конфуцианством.

Мао Цзэдун получил конфуцианское воспитание в духе исключительности китайского народа и его исторической миссии. В своих «идеях» он попытался слить воедино конфуцианство и легизм с великоханьским шовинизмом, подобно тому как это имело место в расистской теории Лян Цичао* при рассмотрении им вопросов социального дарвинизма (в этой связи небезынтересно напомнить, что концепция социального дарвинизма была основой расистских теорий Розенберга и Гитлера).

Мао Цзэдуна особенно привлекали разделы китайской истории, возвеличивавшие националистические деяния отдельных китайских императоров — Цин Шихуана, Лю Бана, Уди и других, которые изо-

---

* Лян Цичао (1873—1929) — один из представителей буржуазной идеологии в Китае, продолжателей реформаторского движения, возникшего в Китае в конце XIX в.; писатель, лидер группы противников социализма в 20-х годах. — *Прим. ред.*

бражались предвзято, почти что спасителями человечества.

Кроме трактатов об этих исторических личностях, Мао Цзэдун также ознакомился с философией Герберта Спенсера *, его теориями об обществе и историческом развитии. Существует и подробно составленный Мао Цзэдуном конспект книги Ф. Паульсена «Основные принципы этики». Этот философствующий историк-идеалист XIX в. подчеркивал «духовную» сущность мира. Под его влиянием Мао Цзэдун написал свое первое философское сочинение «Энергия разума». Паульсен находился под сильным влиянием Канта, точно так же как и учитель Мао Цзэдуна Ян Чанцзи. В этот ранний период жизни Мао Цзэдуна совершенно четко просматривается его склонность к идеалистическому подходу к действительности и подчеркиванию решающей роли «духа», разума и личности в преобразовании общества. Советский ученый В. Ф. Феоктистов пишет, какими были первоначальные взгляды Мао Цзэдуна. Они звучали так: «Мы должны полностью развить способности нашего тела и нашего духа»; «Если мы подчиняемся богам, так почему бы нам не подчиняться велениям своего собственного разума? Наше Я — это и есть бог; какой еще может быть бог вне нас?» [19].

В статье «Изучение физической культуры» (апрель 1917 г.) в журнале «Синь циннянь» Мао Цзэдун утверждает, что основу добродетели, мудрости и высокой морали «создает физическая крепость». «Добродетель и мудрость отсылают нас снова к физическому состоянию человека; без тела нет ни мужества, ни мудрости... Тело наделено знаниями, как тележка; мораль находится в нем как дома... Только крепкие телом могут достичь успехов в учебе и добродетели» [20].

«Сильная личность» отражает «дух нации». В такой якобы дуалистической концепции делается акцент на важность физического развития, однако речь

---

* Герберт Спенсер (1820—1903) — английский социолог и психолог, один из родоначальников позитивизма. Существенной особенностью его теории являлась антинаучная и реакционная попытка анализировать общественную жизнь в терминах биологии. — *Прим. ред.*

идет скорее о воспитании сильной и энергичной личности, насыщенной идеями.

Кроме указанной выше ориентации на традиционные источники — китайскую философию и конфуцианский политический прагматизм,— мышление Мао Цзэдуна с самого начала было ярко отмечено анархическими идеями (см. ниже). Об этом свидетельствовала его статья «Широкий союз народа» (1919 г.). В ней Мао Цзэдун опирается на взгляды русского анархиста Кропоткина. Короче, здесь речь идет об апологетике борьбы различных групп в революции, апологетике их теоретических и практических методов. Этот элемент анархизма в китайском мышлении присутствует до последнего времени.

Следуя концепции Троцкого, Мао Цзэдун делает основную ставку на армию. Подобно Ли Лисаню *, он видел возможность ускорить революцию с помощью армейских путчей. В 20-е годы Мао разделял целый ряд антимарксистских взглядов. Например, он следующим образом «разрешил» вопрос о движущих силах китайской революции: ее носителями, оказывается, будут армия и крестьянство. Эту стратегическую концепцию он проводил в самой революции. Мао имел и другие неправильные взгляды. Например, в своей статье «Пекинский политический переворот и торговцы» он считает торговую буржуазию гегемоном китайской революции. «Чем шире будет организация торговцев, тем больше будет их влияние, тем больше будет сила, руководящая народом всей страны, и тем самым революция быстрее победит»[21]. В другой статье в 1919 г. он утверждает, что полуарендаторы будут принадлежать к полупролетариату, а безземельные крестьяне — к пролетариату[22]. Критерием, по Мао, здесь является величина доходов.

До 1935 г., когда Мао захватил руководящие посты в КПК, его взгляды на процессы, происходившие в ходе национально-демократической революции, были в значительной мере хаотичны.

С 1938 г. Мао Цзэдун ратует за особый, специфически китайский национальный вариант коммунизма,

---

* Ли Лисань (1899—1967) — проводник ошибочной «лево»-оппортунистической линии КПК в 1930 г. — *Прим. ред.*

о чем наглядно свидетельствует ряд его статей и выступлений, позиция по отношению к Коминтерну. Сущностью «китайского национального коммунизма» являлась абсолютизация некоторых теорий национально-демократических революций и ревизия марксизма-ленинизма с национально-демократических позиций.

В работе «О новой демократии» (1940 г.) Мао попытался ревизовать основной принцип марксизма-ленинизма — принцип о всемирно-исторической миссии рабочего класса. Ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую он подменяет теорией о «новодемократической революции», то есть крестьянской революции, которая поведет к диктатуре «союза всех революционных классов», иначе говоря — в крестьянской стране, по существу, к передаче власти крестьянству. Эти идеи «о новой демократии» он развил шире на VII съезде Компартии Китая в 1945 г.

Таким образом, отход от марксизма-ленинизма и научного социализма и прямая ревизия марксизма у Мао Цзэдуна наблюдались давно. Со временем он только развил свои ошибочные взгляды на вопросы о движущих силах революции. Ими он считал крестьянство и армию. Конечно, в значительной мере это объясняется специфическими китайскими условиями. В Китае рабочие, как действительно революционный класс и гегемон революции, были малочисленны и сосредоточены только в больших городах. Несмотря на то, что в этих частных условиях Мао Цзэдуну приходилось опираться на любые слои китайского общества, которые в той или иной мере сочувствовали революции, он не должен был подчиниться стихийному ходу событий, а, наоборот, должен был глубже анализировать объективные процессы, проходящие в обществе, и бороться за подчинение стихийной революционности крестьянства и других мелкобуржуазных слоев общества пролетарской гегемонии. При знании марксизма-ленинизма такого скатывания Мао Цзэдуна к правому и «левому» оппортунизму не было бы.

Фальсифицирование марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата продолжается. В 1976 г. в Китае прошла кампания «изучения диктатуры пролетариата». Какую цель преследовали ее организаторы? В чем был ее смысл? Вполне очевидно — добиться полной замены руководящих кадров из числа передовых рабочих и крестьян, особенно в экономике, лицами, поддерживающими группу Мао Цзэдуна. Неправильное понимание роли пролетариата, к которому Мао причислял бедное крестьянство и солдат, позволило адептам маоизма «обосновать» эту кампанию и теоретически.

Этот один из типичных примеров применения теории в практике говорит о многом. Вначале делается передержка в значении понятий и в теории вообще, а затем на практике применяется то, что находится в полном противоречии с объективной действительностью и с интересами трудящегося народа. Подобная вызывающая удивление софистика в соединении с утилитарным прагматизмом на практике может привести просто к катастрофическим результатам. Свидетельство тому — кризис, в котором бьется китайское общество более 20 лет.

У Мао Цзэдуна и его приверженцев можно встретиться и со старыми, уже известными народническими взглядами на то, что крестьянство — главная движущая сила истории; с сильными элементами анархизма, с его призывами к «бунту» (мировая деревня должна взбунтоваться против мирового города), а также с переоценкой роли насилия. Здесь и известные уже из теории мелкобуржуазного утопического социализма идеи, содержащие требование уравниловки, подчеркивающие аскетизм, провозглашающие революционной только бедноту, и целый ряд других анархических взглядов.

Взаимосвязь теории и практики Мао Цзэдун отождествляет с взаимосвязью между субъективным и объективным. Так, например, он говорит о том, что для идеализма характерны расхождение между субъективным и объективным, оторванность познания от практики, в другом случае он говорит об историческом единстве субъективного и объективного, теории и практики, познаний и действий. А в связи с тем, что

практика основывается на определенных идеях, теориях, планах и проектах (то есть объективное основывается на субъективном), Мао Цзэдун считает преобразование личных познавательных способностей, преобразование отношения субъективного мира к объективному основной составной частью революционной борьбы пролетариата и народных масс за переустройство объективного мира и собственного субъективного мира. Это ведет к извращенному пониманию основного вопроса философии. По Мао получается, что он не является вопросом чистой теории, а скорее это основной вопрос познания и преобразования внешнего мира. В сущности, утверждали адепты маоизма, это вопрос отношения между субъективным и объективным. Процесс познания, рассуждали они, отражает бытие в сознании, отражает объективное в субъективном, процесс преобразования мира — это применение мышления к бытию во взгляде субъективного на объективное*. Преобразование мира состоит из двух задач: преобразование объективного и субъективного мира. Мао Цзэдун придавал решающее значение преобразованию субъективного мира, использованию политики как решающей силы, утверждал, что, прежде чем преобразовывать объективный мир, необходимо преобразовать субъективный.

Как видно, в данном случае имело место совершенно сознательное преувеличение субъективного фактора. Субъективное в революционной практике в этом понимании совершенно очевидно превалирует над объективным. Социалистическим человек не рождается, а согласно теории Мао, человек уже субъективно к этому предопределен. Диалектика субъективного и объективного здесь вновь поставлена с ног на голову, маоисты возвращаются к немецкой классической философии, к Гегелю и Фихте**.

---

* Подробнее см.: Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977, с. 107. — *Прим. ред.*

** Фихте, Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ, второй по времени после Канта крупнейший представитель немецкого классического идеализма. — *Прим. ред.*

Согласно Мао, философия начинается с гносеологии, в то время как онтология и ее предмет, то есть принципы материального единства мира, вопросы материи, опускаются. Так, в Яньани Мао Цзэдун говорил: «Правильное познание достигается после многократно повторяющегося перехода от материи к духу и от духа к материи, то есть от практики к познанию и от познания к практике». Критикуя товарищей, которые это «неправильно» понимают, Мао добавляет: «По-моему, есть возможность перехода материи в разум и разума в материю» [23].

Как утверждали маоисты, идеи Мао Цзэдуна — это «всемогущая сила», или, по определению Линь Бяо, «ключ к решению любых вопросов, с помощью которого можно достигнуть мгновенных и зримых результатов». При помощи этих идей можно, якобы, осуществить все: обеспечить успех в рыболовстве, проводить сложные хирургические операции, добиться победы в теннисе и в строительстве социализма. Учение Мао Цзэдуна является всеобщим инструментом преобразования мира. Видимо, так надо понимать это утверждение. Всюду господствует всесильный дух Мао, только он, согласно заявлениям маоистов, способен вести мир к осуществлению революции.

Отождествление материи с практикой, но практикой маоистской, служит единственно для дальнейшего затушевывания проблемы, а именно их отправного момента о том, что какая-либо иная практика, мол, уже не заключает в себе такой планетарной значимости. В связи с чем вспоминается старое китайское поверье, что каждое утро китайский император снова «создавал мир». Эту легенду высмеивал еще Гегель.

Одной из больших опасностей, помогающей маоистам напускать туман не только на философскую проблематику, но и ставить под угрозу международное рабочее движение, является фальсификация терминологии, использование известных марксистских понятий в абсолютно искаженном смысле. Как далеко можно отойти от марксизма-ленинизма, уже указывалось на примере интерпретации по-маоистски

такого понятия, как противоречие. Коротко было сказано и о трактовке ими понятия практики. И при этом маоизм, по декларациям маоистов, призван «обогащать» марксистскую науку.

Если говорить о самой сущности маоистской философии и методологии, то это — эклектическая смесь субъективно искаженной марксистско-ленинской философии, вульгарного материализма, псевдосоциализма. Диалектику маоизм излагает субъективно-механически, совершенно метафизически понимает теорию развития. К теории познания маоизм подходит вульгарно-материалистически, эмпирически, неправильно трактует отношение между материальным и идеальным, субъектом и объектом. В одном случае маоизм волюнтаристски, идеалистически отдает предпочтение объективно-идеалистическому пониманию в интерпретации, знакомой нам по теории Гегеля и Маха, в другом — скатывается к субъективному идеализму. Он механически отождествляет опыт и практику, абсолютизируя опыт как непосредственный источник познания. Тем самым происходит фальсификация марксистской теории в вопросе о единстве чувственного и рационального моментов в познании. Он волюнтаристски излагает отношения между объективными закономерностями и субъективным фактором, которому отводит гораздо большую роль, чем тот в действительности заслуживает. Диалектическое развитие общественных явлений, как целое, маоизм понимает метафизически и идеалистически: с этой точки зрения он искажает вопросы классовой борьбы, гегемонии рабочего класса в революции, общественного прогресса и целый ряд других вопросов.

Все это — результат субъективистского, волюнтаристского подхода к явлениям, утилитарного отношения к социальной реальности, некритического самолюбования, вылившихся в культ личности Мао Цзэдуна.

Основой маоистской идеологии является механическая концепция взаимоперехода противоположностей друг в друга. Больше того, эти противоположности создаются искусственно, в действительности они не существуют.

Вульгаризация и фальсификация теории противоречий ведет к серьезным ошибкам в практике. Таким образом, маоистская теория становится опасной в практическом отношении и, больше того, маоистские извращения чреваты весьма серьезной ревизионистской деформацией марксизма практически по всем основным вопросам.

В заключение этой теоретической части нашего исследования считаем необходимым напомнить, что одним из тех, кто в Чехословакии дал правильную и своевременную оценку маоистской деформации марксизма-ленинизма был Владимир Румл. В подготовленной им в 1964 г. для «Руде право» статье содержались критика маоистской теории противоречий и политической практики, объяснение спровоцированного маоистами разрыва с Советским Союзом, критическая оценка понимания Мао Цзэдуном войны как исторической необходимости, дающей возможность победить мировому пролетариату.

Методологически и гносеологически, по утверждению В. Румла, маоистскую ревизию марксизма-ленинизма можно охарактеризовать как замену материалистической диалектики метафизической. Автор подчеркивает антиисторичность маоистского подхода, его субъективизм и волюнтаризм.

Основным отступлением маоистских «теоретиков» от марксистско-ленинского научного толкования, по его мнению, необходимо считать искажение ими закона противоречий. «Методологической основой догматизма, что нагляднее всего видно именно на примере взглядов китайских догматиков, является неправильное и антинаучное понимание закона о противоречиях, — отмечает В. Румл. — Они понимают противоречия только как параллелизм двух существующих рядом определений и при этом воспринимают их субъективистски. Это означает, что для них совершенно неясны внутренние связи и динамика всего процесса. Китайские догматики не раскрывают внутренне противоречивую структуру общества, его единство противоположностей так, как это объективно происходит в действительности. Таким образом, они подходят к явлению действительности или

односторонне, или воспринимают его эклектически. Именно антимарксистское понимание закона противоречий при анализе общественных явлений ведет к тому, что в этих догматических взглядах мы находим вместе с субъективизмом и эклектизм, что ставит рядом несовместимые утверждения, непозволяющие постигнуть действительность в целом, а дающие возможность этого только в отношении одной определенной ее стороны. В этом, собственно, причина того, почему маоисты не могут постичь реальную динамику развития общества.

Современные европейские троцкизм и анархизм, их связь с маоизмом. На службе антикоммунизма

Китайская пропаганда твердила на весь мир, что своей деятельностью Мао Цзэдун содействовал развитию марксистско-ленинской философии. Часто его имя приравнивалось в Китае к классикам марксизма-ленинизма, но говорилось и писалось, в основном, о нем самом.

В новом уставе, принятом IX съездом КПК, даже записано, как об этом уже упоминалось, что Мао Цзэдун «унаследовал, отстоял и развил» марксизм-ленинизм, поднял его на совершенно новую ступень. Маоизм здесь преподносится в качестве третьего этапа развития марксизма-ленинизма, соответствующего новой эпохе общественного развития, эпохе крушения империализма и победы социализма во всем мире.

Стремление изобразить марксизм-ленинизм устаревшим и изжившим себя учением не ново. Уже Бернштейн провозглашал, что требуется «модернизировать марксизм». С того времени с этим лозунгом выступает каждая новая разновидность ревизионизма.

В идеологии маоизм проводил широкую ревизию всех трех составных частей марксизма-ленинизма. Однако речь ни в коем случае не может идти о полной системе взглядов, о мировоззренческой системе.

В данном случае — это чисто прагматический, механистический подход Мао Цзэдуна и его сторонников к теории развития общества. Политическая практика, ее актуальные проблемы и их решения «теоретически» обоснованы, благо способностей к крючкотворству маоистской пропаганде не занимать. Такой подход не способствует развитию, а ведет к приспособленчеству и оппортунизму в теории развития общества. Научный коммунизм как теория строительства социализма практически сводится к апологетике политической практики данного момента.

Открытое сближение маоизма с троцкизмом началось, как известно, в конце 50-х годов, когда пекинское руководство выступило со своими специфическими оценками внутренней и внешней политики Китая.

В работе «Анализ классов китайского общества» Мао Цзэдун совершенно в троцкистском духе фактически отождествлял войну и революцию. В 30-е годы эта идея в работах Мао появлялась не однажды. Известно, что вопрос о необходимости китаизировать марксизм-ленинизм в Китае подняли как раз троцкисты. Это они старались сверх меры подчеркнуть «специфику Китая» и особые закономерности китайской революции.

В конце 30-х годов Мао Цзэдун ухватился за это и начал исподволь конструировать свой «китаизированный марксизм».

Кроме этого, китайский вариант марксизма-ленинизма связан с троцкизмом еще целым рядом других обстоятельств. Самыми серьезными из них стали появившиеся в 50-е годы шовинистические великоханьские тенденции. Здесь маоисты опирались на троцкистскую теорию перманентной революции. Они считали, что с ее помощью можно будет осуществлять развитие Китая. Маскируясь «левой фразой», они старались аргументировать свой шовинизм на международной арене. Одновременно они постепенно готовили «культурную революцию».

Другой важной предпосылкой сближения маоизма с троцкизмом явился крах политики «трех красных знамен», что поставило Мао перед необходимостью «доказать» невозможность «быстрого» построения

социализма в Китае. Подходящие «аргументы» нашлись в троцкистской теории о невозможности построения социализма в отдельных странах без победы мировой революции.

Важной причиной сближения маоизма с троцкизмом был все нарастающий антисоветизм пекинских лидеров, ведь троцкизм зарекомендовал себя как одно из крупнейших антисоветских идейно-политических движений.

Как видим, теория перманентной революции повлияла на Мао Цзэдуна, который уже в 1955 г. начал выпячивать вопрос о противоречиях в социалистическом обществе. К этому в более конкретной форме он возвращается в начале 1957 г. в своей статье «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа».

В этой работе, с одной стороны, он подменяет объективно существующие классовые противоречия в китайском обществе субъективными противоречиями «между нами и нашими врагами» и противоречиями «внутри народа». С другой стороны, он утверждает, что в социалистическом обществе основными противоречиями являются противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между надстройкой и экономическим базисом [24].

Маоистская теория перманентной революции нашла отражение в решениях 6 пленума ЦК КПК восьмого созыва (10 декабря 1958 г.), где говорится: «Мы, сторонники марксистско-ленинской теории перманентной революции, считаем, что больше не будет существовать „стены ни между революциями демократической и социалистической, ни между социализмом и коммунизмом“». Иначе говоря, это означает, что между социализмом и коммунизмом не может быть никаких различий.

Маоисты пошли еще дальше, когда в 1962 г. сформулировали тезис «о продолжении революции в условиях диктатуры пролетариата». В полной аналогии с троцкистами они заявляли, что в социалистическом обществе продолжают существовать антагонистические классы — пролетариат и буржуазия, что между ними происходит острая классовая борьба по принципу «кто кого». При помощи этой теории маоисты

вместе с троцкистами попытались распространить закономерности буржуазно-демократической революции на революцию социалистическую, а условия перехода от капитализма к социализму — на переходный период от социализма к коммунизму.

Маоисты взяли на вооружение также троцкистский тезис о том, что, пока не победит мировая революция, в социалистических странах возможна реставрация капитализма. Это якобы распространяется и на Советский Союз, и на другие социалистические страны.

Маоистская теория «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата», называемая также «перманентной социалистической революцией», не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Она исходит из предположения, что и в капиталистическом мире, и в социалистических странах, в которых якобы существуют антагонистические классы, неизбежны повторения революций. Такой революцией по-маоистски является и «культурная революция» в Китае.

Сближение маоистской и троцкистской теорий на основе принципов перманентной революции продемонстрировал и X съезд Компартии Китая (1973). В его выводах можно прочитать, что перманентная революция при социализме есть объективный закон и что в самом Китае она будет продолжаться еще много десятков лет.

X съезд КПК показал, что маоисты подобно троцкистам отрицают мирное строительство народного хозяйства и поддерживают лозунг мировой революции с оружием в руках.

Перманентная революция, распространенная и на социалистические условия, дала маоистам возможность «теоретически обосновать» различные массовые акции насилия, среди которых была и печально известная «культурная революция». Теория о том, что нужно перенести волну «культурной революции» и в другие социалистические страны, с международной точки зрения весьма вредна и привела к печальным последствиям в некоторых азиатских странах. Эта теория послужила основой и многочисленных анархических акций промаоистски настроенной запад-

ноевропейской молодежи. Названные акции ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, но находятся люди, квалифицирующие их как коммунистические. И тем очевиднее их вред для политической деятельности компартий Европы.

Теория перманентной революции ведет к саботажу борьбы за мир, к игнорированию принципа мирного сосуществования двух различных мировых систем. Тем очевиднее ее вред для международного рабочего движения, ибо она провоцирует ненужные и неуправляемые конфликты там, где еще далеко не созрела революционная ситуация.

Программу разоружения Троцкий назвал пагубной фикцией и фактической помощью империализму.

В Пекине в тон ему вторят, что в современную эпоху якобы не может быть и речи о разоружении и тем более о всеобщем мире и безопасности [25].

Быстрое сближение маоизма с троцкизмом наталкивалось на сопротивление в самом Китае. Можно с полным правом предполагать, что как раз эта тенденция к сближению и являлась фоном многих схваток, проходивших в пекинском руководстве. Пример с Линь Бяо показал это особенно ярко, что подтверждает и «Дело Линь Бяо», где он критикуется за то, что «установил связь» маоистской теории продолжения революции с троцкистской и что «считал ее повторением «перманентной революции» Троцкого». Методы, которые были использованы в китайской «культурной революции», ничем не отличались от методов анархизма, его индивидуального террора. И в том и в другом случае были «нежелательные» функционеры и общественные деятели, доведенные до крайнего отчаяния, которых даже физически уничтожали.

Для ориентации маоистской группы в руководстве КПК на троцкизм имелись определенные предпосылки. Ведь китайская народная революция была совершена прежде всего силами армии и крестьянства. Именно на военных Мао Цзэдун делал ставку в своих атаках на марксистов-ленинцев, армия помогала ему в наступлении на коммунистическую партию и ее аппарат. До сегодняшнего дня руководство КПК опирается прежде всего на армию, армейские руководители стали фактически представителями властей

отдельных провинций. Армия во многих сферах выполняла функции органов партии и часто их даже подменяла.

У маоистов и современных троцкистов главной революционной силой называются крестьянство, мелкая буржуазия. Рабочий класс представляется им неспособным на революционные действия. Эта концепция нашла распространение в развивающихся странах, но имеет хождение и в развитых странах.

Преувеличение роли крестьянства в китайской революции привело маоистов к преувеличению роли национально-освободительного движения в мировом революционном процессе. Это во многом объясняет стремления китайских маоистов добиться в указанном процессе роли гегемона.

Троцкистская концепция перманентной революции стала составной и существенной частью антисоветской платформы маоистов. Они ведут атаки на Советский Союз и другие социалистические страны, которые прочно стоят на позициях марксизма-ленинизма и не допустили у себя в странах ни правого, ни «левого» оппортунизма. Маоисты критиковали Советский Союз и его коммунистическую партию за то, что они якобы отошли от революционной концепции (перманентной революции) и пошли по пути мирного сосуществования и сотрудничества с капиталистическими странами. Под этим предлогом маоисты вели острую борьбу против социалистических стран, называя их ревизионистскими и прокапиталистическими.

Вред такой политики очевиден. Она ведет к ослаблению единства действий коммунистических и рабочих партий, к расколу в международном рабочем движении. Не в силах добиться гегемонии в международном рабочем движении, руководство КПК пытается хотя бы расколоть его с тем, чтобы успешнее проводить свою тактику и стратегию, преследующие узкоэгоистические, националистические и шовинистические цели.

Международное коммунистическое движение столкнулось с направлением, мелкобуржуазным по своим социальным корням, националистическим по политическим целям, левооппортунистическим по идеологическим установкам. В немалой степени этим маоизм обязан троцкизму.

О духовной и идейной близости с маоистами говорят сами сегодняшние троцкисты, которые при этом подчеркивают, что примат принадлежит троцкизму.

«Вы не можете утверждать, что все вопросы, которые вы выдвигаете в качестве революционных выводов, являются результатом исключительно ваших теоретических и политических работ,— писал маоистскому руководству руководитель латиноамериканских троцкистов Я. Пасадас.— Это выводы IV Интернационала»[26]. Газета «Ред флэг», орган английских троцкистов, оценивает маоистский документ, известный под названием «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения», следующим образом: «Это все наши идеи, наши выводы, наши анализы... Китайцы это называют «25 пунктов», мы это называем троцкизмом»[27].

Действительно, маоистский тезис о войне как движущей силе революции, как единственном средстве решения противоречий между капитализмом и социализмом, высказывание Мао о том, что «перестроить мир можно только с помощью винтовки», что «война — это мост, по которому человечество перейдет в новую историческую эпоху», и, наконец, известное его высказывание: «И если в результате мировой войны погибнет половина человечества, то погибнет и империализм, а оставшееся население получит возможность без препятствий строить новое общество»[28] — это все иногда совершенно дословно повторяет положения Троцкого о войне и революции.

Троцкий утверждал, что мировая революция будет развиваться с помощью войны и явится ее заслугой. В статье «Еще раз о задачах военного строительства» он откровенно писал, что «если, в общем говоря, война есть продолжение политики, для нас война будет продолжением революции». Отношения СССР с капиталистическими государствами он считал классовой борьбой, которая должна «в определенные моменты быть откровенно революционной, то есть военной, в другие моменты реформистской, то есть принимать дипломатическую форму»[29]. В схеме международных отношений Троцкого торговля и культурное сотрудничество стран с различным общественным

строем невозможны, равно как невозможны и такие формы классовой борьбы, как экономическое соревнование двух систем, идеологическая борьба. Антиленинский, милитаристский тезис Троцкого о войне как продолжении революции привел к появлению вымыслов буржуазных идеологов о так называемом «красном империализме» и «агрессивности Советского Союза».

«Другая сторона авантюристической и вместе с тем паникерской в своей основе теории перманентной революции заключается в том, что перспективы революции она связывает исключительно с войной,— указывает кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.— Так замыкается круг: единственный якобы путь отражения военной угрозы — это социалистическая революция, а главный шанс революции — мировая война. Из этой концепции вытекает, по сути дела, необходимость вести «борьбу за войну», а не за мир» [30].

Современных троцкистов нисколько не интересует ни то, что в сегодняшней ситуации речь может идти только о страшной термоядерной войне, ни то, какие великие жертвы это потребовало бы от человечества. Человечество их не интересует. С цинизмом, характерным для маоистов, троцкисты говорят о миллионах смертей, о разрухе и атомном пепле, под которым будет, по их химерическим подсчетам, погребен мировой капитализм.

Я. Пасадас требует, чтобы Советский Союз и другие социалистические страны открыли «превентивную ядерную войну», так как это будет «историческим выигрышем времени». Он уверяет, что такая война кончится через несколько дней и «не будет для людей чрезмерным злом, если мыслить историческими категориями». «Коммунистические партии говорят „мир“, „не хотим войны“, „мы за мир“. Мы это, однако, не говорим... — пишет Я. Пасадас. — Чтобы добиться мира, нужно в первую очередь уничтожить поджигателей войны, а чтобы это сделать, нет иного способа, как война... Мы не можем направлять свои усилия на борьбу за мир, если перед нами враг с оружием в руках... Наши симпатии на стороне революционной войны».

Не все современные троцкисты откровенны подобно Я. Пасадасу. Он прослыл не только человеконенавистником, но и честолюбивым политиканом, который в интересах саморекламы заканчивает свои собственные статьи словами «Да здравствует Пасадас!».

Другие троцкистские лидеры и печатные органы не рекламируют столь открыто необходимость атомной войны, но поддерживают все ведущие к ней тенденции. Например, парижский секретариат IV Интернационала призывает социалистические страны поставить население капиталистических стран перед выбором, напоминающим атомный шантаж: «Или осуществите социалистическую революцию сами, или во имя этой революции и вашего освобождения мы развяжем атомную войну».

Мирное сосуществование государств с различным общественным строем и Программа мира, разработанная съездами КПСС, программа, которая получила одобрение и активную поддержку в международном и коммунистическом движении, для них неприемлемы.

Отношение к войне и миру, безусловно, не единственный пункт, в котором маоизм смыкается с троцкизмом. Возьмем хотя бы заявление маоистов, отрицающее тот факт, что мировая социалистическая система стала решающей силой современного общественного развития, или утверждение о том, что центром мирового революционного движения является Китай, что Восток — «главная зона бурь и революций», которая пробудит ото сна обмещанившийся пролетариат Запада. Разве эти заявления не напоминают рассуждения Троцкого из его книги «Запад и Восток» (1924 г.), в которой говорится, что «центр мирового революционного движения полностью перейдет на Восток» и что «нужна революция на Востоке, чтобы дать толчок к революции европейского пролетариата!» [31].

У троцкизма заимствованы также элементы маоистской теории и практики милитаризации труда и государства. В Китае в конце «культурной революции» вместо диктатуры пролетариата была установлена военно-бюрократическая диктатура, ее главным

инструментом стала армия, органы народной власти были заменены «революционными комитетами», а вся страна от фабрик и университетов до народных коммун и театров превращена в одну огромную военную казарму.

Китай дает определенное представление о том, что бы сделали маоисты с какой-либо другой страной, если бы они оказались там у власти и получили бы возможность от слов перейти к делу.

Задолго до Мао Цзэдуна, который в 1968 г. заявил, что «вся страна должна стать огромным военным лагерем», Троцкий протаскивал идею милитаризации труда и государства и его переустройства по образцу армии. Он ставил армию над всеми, объявил ее учителем и судьей, образцом в жизни и труде. Троцкий призвал трудящихся учиться у армии.

Троцкий считал военизированный труд единственно возможной формой труда при социализме и поэтому предлагал наделить армию особыми хозяйственными полномочиями и функциями и поставить во главе заводов и фабрик офицеров.

Когда мы видели, как маоисты превращали трудящихся чуть ли не в рабов, как заводы и фабрики Китая становились практически галерами, на память приходили призывы троцкистов 20-х годов к немилосерднейшему принуждению трудящихся, призывы к превращению принуждения в метод осуществления политики, к тому, чтобы не колебаться перед методом «неумолимой палочной дисциплины в отношении трудящихся масс». «Не остановимся перед использованием тюрем, ссылками и казнями в отношении людей, которые неспособны понять наши стремления»,— говорили троцкисты.

Из приведенных примеров совершенно очевидно, что за псевдооригинальными рассуждениями Мао Цзэдуна стоят Троцкий, его сподвижники и идеологические «наследники». Оригинальность идей Мао Цзэдуна здесь по меньшей мере весьма сомнительна.

Было бы наименьшим злом, если бы все это оставалось чистой теорией. Однако уродливая практика китайских маоистов превратила Китай в тюрьму для трудящихся масс, в огромную военную казарму.

Периодическая «реанимация» давно развенчанных оппортунистических, антимарксистских концепций сама по себе не является чем-то новым. И это абсолютно не доказательство того, что названные концепции содержали определенные элементы истины. Их живучесть можно объяснить существованием капиталистических отношений еще на значительной части планеты и тем, что эти концепции отражают взгляды на общественное бытие собственно непролетарских слоев. Эти концепции несут на себе печать колебаний этих слоев, их предрассудков, психологии, их ошибочно понятых интересов. В. И. Ленин писал: «Мелкобуржуазный реформизм, то есть прикрытое добренькими демократическими и «социал» — демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний» [32].

Разоблаченные в прошлом теории периодически объявляются в измененном идеологическом обличье, с обновленным набором идейно-политических лозунгов и претендуют на внимание народившихся поколений. История борьбы В. И. Ленина, КПСС и других марксистско-ленинских партий, опыт борьбы Коминтерна против троцкизма неопровержимо доказывают, что непременным условием разоблачения левацкого доктринерства, ультрареволюционных авантюристических установок в политической практике является борьба против правого оппортунизма и социал-реформизма, всестороннее творческое развитие марксизма-ленинизма с учетом меняющейся обстановки. Оппортунизм может быть окончательно разгромлен только ведением борьбы на два фронта — как против правого, так и против «левого» уклонов.

Борьба на два фронта — это не кратковременная кампания, а постоянная обязанность коммунистических и рабочих партий, политическое условие усиления революционных классовых битв против главного врага — империализма.

Как подчеркивал В. И. Ленин, между правым и «левым» оппортунизмом существует глубокая связь.

Левацкий уклон неоднократно возникал в рабочем движении как реакция на правооппортунистические «грехи» лидеров II Интернационала. И наоборот, левацкие шараханья в конечном счете всегда питали взгляды правых оппортунистов, социал-реформистские настроения, а своими безрассудностью и авантюризмом отталкивали многих людей. Таким образом, оба эти уклона — питательная среда друг для друга, две стороны одной и той же медали.

Если судить только по набору политических лозунгов, по фразеологии, то «левый» и правый оппортунизм в области идеологии и тактики выглядят как бы крайними противоположностями.

Правый оппортунизм апеллирует к тем, кого привлекают иллюзорные идеи мирной «трансформации» капитализма. Оппортунизм «левого» толка обращается к тем, кто протестует против капитализма, хочет активно действовать, но еще не понимает единства своих интересов с коммунистами, рабочим классом, с мировым социализмом. За кажущейся противоположностью скрыта, однако, глубокая общность этих двух направлений. Характерно, что когда обстановка обостряется и в результате этого до конца раскрываются идейные позиции, острие политической борьбы как правого, так и «левого» оппортунизма неизменно направляется в одну сторону — против коммунистических и рабочих партий, против реального социализма. Антикоммунизм, антисоветизм и антипартийность — вот стержень идеологии и политики обеих разновидностей оппортунизма. Если в идейно-теоретическом плане отличие между правыми и «левацкими» искажениями просматривается, то в области практической политики история преподнесла немало примеров переплетения этих «уклонов» и даже самого тесного сотрудничества оппортунистов обоих направлений. Всегда, когда в результате укрепления коммунистических и рабочих партий в различных странах и их интернационального единства оппортунистические направления и группы оказывались на краю своей гибели, лидеры последних, казалось находившиеся на диаметрально противоположных «идейных» позициях, стремились создать беспринципный блок, объединенный одной практической

целью: бороться против революционного авангарда рабочего класса.

Не случайно в период подготовки и проведения международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., и после него особенно, усилились нападки и правых, и «левых» оппортунистов на марксистско-ленинские партии. Это объясняется тем, что мировое коммунистическое движение вступило в новый этап всемирной революционной борьбы, растет его авторитет и влияние на массы трудящихся. В ряде стран компартии стали крупной национальной политической силой. В самом коммунистическом движении все больше крепнет интернациональная сплоченность его рядов. В этих условиях правый и «левый» оппортунизм чаще смыкаются для борьбы против коммунистов, поют в унисон в одном антикоммунистическом хоре. На основе антисоветизма и принижения революционной роли международного рабочего класса, с целью раскола и разобщения революционных сил создаются уродливые концепции-гибриды; иногда даже трудно сказать, к какой разновидности оппортунизма — правой или «левой» — относятся эти путаные беспринципные «идейные» платформы.

Э. Фишер, известный «пророк» правых оппортунистов, в тон троцкистам возвестил, что рабочий класс утратил свою революционность. Он апеллирует к «новой молодой силе», которая, с его точки зрения, не должна признавать в рабочем классе авангарда революционного движения.

В последнее время наблюдается значительная активизация «левацких» троцкистских групп, выступающих под маской коммунистических организаций. Почему так происходит? Откуда вдруг эта активность? На кого опираются различные троцкистские группки? Почему именно они присваивают себе лозунг единственно подлинно радикальной революционности? Эти и подобные вопросы встают перед нами. Вызваны ли они характером эпохи, когда кризис капитализма продолжает разрастаться, или какими-то другими конкретными факторами? А может, в действие вступают и те и другие причины?

Этим группам весьма помогло то обстоятельство, что руководство КПК выступало под фальшивым знаменем псевдореволюционности, или, лучше сказать,— «ультрареволюционности», со своей, по существу, антимарксистской, антиленинской платформой, нацеленной не только на раскол коммунистического движения, но и на раскол антиимпериалистического движения вообще. Объективно такая платформа в интересах империализма, хотя это не всегда так четко проявляется, как, например, в случае китайской помощи режиму Пиночета в Чили. Китайская поддержка империалистических сил имеет свои скрытые цели; маоисты действуют не всегда с открытым забралом.

В указанном обстоятельстве следует учитывать и определенные проблемы, которые объективно возникают в связи с трудностями построения развитого социалистического общества. Бесспорно, что мировой революционный процесс переживает огромный подъем, однако количественный рост его участников, субъектов мировой революции, многомиллионных масс трудящихся, к числу которых, понятно, относится и непролетарские слои — крестьянство, интеллигенция, молодежь, студенчество и другие, вызывает определенное распыление наиболее активных революционных сил и порождает проблему, заключающуюся в том, как эти огромные массы лучше выучить и подготовить к революционной борьбе, к активной творческой работе, поднять их инициативность. Для строительства развитого социалистического общества требуется, чтобы подготовленность масс к этому делу была качественно на более высоком уровне.

И вот в такой ситуации появляется маоизм (а вместе с ним и троцкизм, с их раскольническими замыслами). С одной стороны, он наталкивается на сознательный отпор революционных масс, но с другой — вносит в международное рабочее движение хаос, идейную путаницу, раскол. Он выступает против единства международного рабочего класса, создает для него проблемы, сковывающие его революционные действия. Маоизм побуждает рабочих к активности в решении только внутренних проблем рабочего

класса, которые могут увести его в сторону от других важных целей революционной борьбы.

Стратеги империализма давно поняли неэффективность фронтальной борьбы против социализма и коммунизма. Такая борьба уже не привлекает сторонников. Не достаточно эффективен и социал-реформизм, так как исторически он себя слишком скомпрометировал, особенно откровенным сотрудничеством с капитализмом. Остается, следовательно, путь проникновения в само международное рабочее движение с помощью различных форм ревизионизма, которые только маскируются под марксизм, а на самом деле уже давно являются антимарксистскими и объективно прокапиталистическими. Маоизм, взявший на себя роль раскольника международного рабочего движения, использует в качестве своего исторического союзника троцкизм. Его мелкобуржуазная ориентация соответствует некоторым взглядам маоистов на состав и формирование будущего «коммунизированного маоистского» общества. Троцкизм, так же как и маоизм,— это компромисс с мелкобуржуазной идеологией, как писал В. И. Ленин, «с мелкобуржуазным уклоном».

Империализм берет на вооружение левую фразеологию троцкистов и использует троцкистов в раскольнических целях против мирового коммунистического движения.

Левые лозунги и идеи для империализма не представляют опасности. Разлагающее и анархическое направление троцкизма весьма скоро наталкивается на противодействие. Индивидуальный террор встречает сопротивление со стороны народных масс. Левацкие фразы, не выдерживая сопоставления с реалиями капитализма, оказываются развенчанными. Как орудие империалистической политики троцкизм служит антикоммунизму так же верно, как перед его разоблачением и разгромом в Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Это облегчает положение маоизма, продолжающего дело троцкистов.

Понятно, что идеологи империализма не злоупотребляют вчерашними антисоветскими и антикоммунистическими шаблонами троцкистов: широко используются клеветнические тезисы троцкизма о «рефор-

мистском перерождении» коммунистических стран, об их «обуржуазивании» и т. п. Как одно из средств борьбы с коммунизмом они стали чаще использовать и саму псевдореволюционную фразеологию троцкизма.

Троцкизм всегда поставлял не только «аргументы», но и кадры для империалистической пропаганды. Не случайно в 40-х и 50-х гг. в так называемой «советологии» видное место заняли такие известные троцкисты, как С. Хук, Дж. Кеннон, И. Дойчер и др. Однако услугу империализму оказывают не только отдельные лица, но и организации троцкистов; проповедью ультралевой идеологии они отвлекают часть трудящихся от участия в подлинно революционном движении.

Троцкизм не враг, а скорее союзник империалистических идеологов. Факты показывают, что пресса монополий не отказывает в рекламе троцкистским лозунгам. Антикоммунистическая пропаганда охотно использует в своих целях различные «резолюции» и «призывы» так называемого IV Интернационала. «Всемирные конгрессы» указанного Интернационала — это не более как сборища малочисленных групп политических карьеристов и демагогов. Один из таких «всемирных» конгрессов, проходивший в 1963 г., даже был вынужден заявить, что IV Интернационал ни в одной стране не добился прочного влияния на массы.

Буржуазные издательства в последние годы неожиданно и все в большем количестве стали выпускать книги Троцкого и о Троцком. Искусственно пестуется культ его личности. Американцы даже отсняли грубый антисоветский фильм «Убийство Троцкого», в котором он выдается за «единственного подлинно революционного» вождя. Одна из главных целей этой идеологической акции заключалась в стремлении принизить историческое значение В. И. Ленина и его теоретического наследия — ленинизма.

Оппортунисты маоистского пошиба в международном коммунистическом движении выказали одобрение этим акциям. Троцкисты сразу же почувствовали духовную близость с маоистами. Данное обстоятельство приветствовали руководители IV Интернационала. Уже в сентябре 1960 г. Интернационал отправил специальное письмо в адрес ЦК КПК, в

котором заявлял, что приветствует позицию руководителей Китая и «стоит на их стороне».

Вожди троцкистского Интернационала, обращаясь к своим приверженцам, указывали, что позиции, которые заняли китайские лидеры, создают для троцкизма такую базу, какой он никогда не имел раньше. Прямым подтверждением этого является поддержка некоторых троцкистских групп и группок прямо из Китая. Ясно выраженная троцкистскими лидерами прокитайская точка зрения, безусловно, дезориентирует часть международного пролетариата и разлагающе действует особенно на молодежь и студенчество. Следует вновь подчеркнуть, что здесь предстают не троцкизм и не маоизм в чистом виде, а разнородный конгломерат всевозможных «левых» фраз, которые, однако, маоисты пытаются использовать в своих раскольнических действиях.

Определенный рецидив троцкизма в последнее время имеет свои глубокие социальные причины. Чем острее наблюдаются противоречия и классовая борьба в отдельных капиталистических странах, тем чаще люди ищут выход из сложных ситуаций на путях революционных. Проблема заключается в том, что среди поднимающихся масс наряду с представителями рабочего класса одновременно находятся представители самых различных непролетарских слоев, особенно обедневшее и нищенствующее крестьянство. Именно на эти несознательные слои троцкизму воздействовать намного легче. Складывается такая ситуация, когда, с одной стороны, он вносит раскол в ряды пролетариата, союзники которого недостаточно надежны, а с другой стороны, и этого нельзя не видеть, действительно революционная ситуация помогает преодолевать эти уклоны.

Троцкизм, поддерживаемый маоизмом, находит отдельных союзников особенно среди мелкой буржуазии, среди молодежи и студентов, организованных непосредственно или косвенно в движении так называемых «новых левых».

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, говоря о причинах проникновения троцкизма, отмечал, что речь прежде всего идет о мелкой буржуазии, угнетенной и разо-

ряемой империализмом, социальное положение которой непрочное, у которой отсутствуют самодисциплина, способность к организации и которая нередко ищет выход из сложившейся ситуации в крайне «отчаянной» революционности. Приманкой для этих слоев являются фальшивые лозунги троцкистов о немедленной и одновременно «всемирной» социальной революции.

«Повышенную восприимчивость к „ультралевизне“,— говорит Б. Н. Пономарев,— проявляют, как известно, и отдельные группы радикальной интеллигенции, молодежи, студенчества. Они остро реагируют на несправедливости и противоречия современного капиталистического общества, выступают нередко как активная антиимпериалистическая сила, но не сознают пока, что покончить с несправедливостью, отстоять свои идеалы и интересы они могут лишь путем совместных действий с рабочим классом и что борьба с таким опытным и безжалостным противником, как империализм, требует сплоченности и политической организации, требует руководства со стороны авангарда рабочего класса.

Действуя в студенческой, интеллигентской среде, троцкисты играют на ее растущем протесте против гнета монополий, бюрократизации политической и общественной жизни в условиях современного капитализма...» [33].

Эти тенденции отчасти можно проиллюстрировать и на чехословацких кризисных событиях 1968—1969 годов. И здесь проявились как троцкистские, так и маоистские псевдоидеи в соответствующем симбиозе. И хотя, конечно, на определенное время возобладала идеология правых, делалось это рука об руку с левацкими элементами, которые своим экстремизмом лили воду на мельницу правых. Последние использовали известные троцкистские и маоистские положения так, как они подходили для их демагогии. Однако и здесь идеология троцкизма и маоизма не использовалась целиком, а только ее отдельные положения находили отражение в некоторых взглядах правых с учетом новых условий. Демагогия правых лидеров допускает слияние всего и вся, если это в «интересах» их дела.

В этом смысле характерно повышенное внимание троцкизма как международного явления к Чехословакии. Идеологи троцкизма призывали к полной анархии, к ликвидации и разрушению реального социализма в стране, которая была и идеологически и экономически ослаблена. В период так называемой «пражской весны» в апреле 1968 г. в журнале «Четвертый интернационал» была опубликована статья о событиях в Чехословакии. В ней утверждалось, что в ЧССР речь идет не о совершенствовании социалистической демократии, а о создании так называемой действенной «рабочей демократии». Троцкисты полностью поддержали также лозунг о «независимости профсоюзов». Они утверждали, что должны защищать интересы рабочего класса от коммунистических партий и социалистического государства.

Еженедельник «Литерарни листы» опубликовал серию антисоветских статей троцкиста И. Дойчера «Неоконченная революция». В этих статьях отвергалась так называемая «советская модель» строительства социализма в ЧССР. Утверждалось, что это будто бы механическое копирование советского опыта без учета чешской и словацкой специфики.

Оценивая чехословацкие события, троцкисты отрицали их контрреволюционный характер, а интернациональную помощь социалистических стран в августе 1968 г. приравнивали к империалистической «интервенции». Они пытались не допустить процесса консолидации социалистической Чехословакии и призывали молодежь, чтобы она отбросила «социал-реформистский», «бюрократический социализм» и присоединилась к единственной революционной программе троцкизма.

Деятельность контрреволюционеров в Чехословакии была по заслугам оценена как троцкистами, так и маоистами. Эти контрреволюционеры были названы единственными «подлинными патриотами». Пекинская пропаганда даже призывала чехословацких граждан к восстанию и вооруженной борьбе, заявляя, что якобы им будет оказана «полная поддержка» со стороны семисотмиллионного китайского народа и всех «подлинно революционных народов мира». В тот период, да и позднее, эти подрывные силы вы-

ступали против любых попыток, направленных на консолидацию, и особенно против нормализации отношений с другими социалистическими странами. Раскол, вызванный чехословацким кризисом, весьма устраивал маоистов. Они рассчитывали, что другие социалистические страны отойдут от союза с СССР. Раскольническую деятельность продолжает проводить часть чехословацкой послеавгустовской эмиграции, особенно Людек Пахман, Иван Свитак и некоторые другие. Для обоснования своих утверждений они прямо ссылались на отдельные известные положения троцкизма и маоизма. Особенно в этом усердствует Иван Свитак, который в некоторых своих статьях, упиваясь идеологией маоизма, с восхищением цитирует председателя Мао. Будущее мира Свитак видит в каком-то неомаоизме, который будто бы закономерно наступит после поражения Советского Союза. Неомаоизм представляет собой мешанину идей, заимствованных у подлакированного маоизма, и требований правых, в которых сформулирован так называемый «демократический социализм» или, что одно и то же, «социализм с человеческим лицом». Вместе с маоистами Свитак оголтело нападает на Советский Союз, обвиняя его в преследовании «империалистических целей». Вместе с ними он утверждает, что всемирная революция может быть осуществлена только после устранения Советского Союза.

На примере Ивана Свитака видно, до чего может дойти представитель правых, до каких полных ненависти и антигуманных требований — «социализм с человеческим лицом».

Как уже отмечалось, нельзя говорить о каком-то общем влиянии троцкизма или маоизма на чехословацкий кризис. Речь идет об эклектическом переплетении всевозможных правых и левых пропагандистских фраз. Чехословацкий опыт полностью подтвердил правильность ленинского анализа, утверждающего, что теоретическо-методической основой любой ревизии марксизма-ленинизма является утрата классового подхода. Такая утрата привела к целому ряду деформаций и ревизионистских искажений действительности. В. Румл характеризует это следующим образом: «Объективный научный анализ современного

положения чехословацкого общества был заменен метафизическим тотальным отрицанием, которое отвергло все достигнутые результаты в социалистическом строительстве. Было отброшено учение об историческом общественном значении рабочего класса, а на роль движущей силы социального развития выдвигались интеллигенция или молодежь. В духе идей Э. Фишера, например, были вытащены на свет различные элитарные представления о руководящей роли интеллектуалов. Рабочий класс в них служил в качестве орудия для идеологического манипулирования массами, которые на практике не способны подняться выше борьбы за свои непосредственные материальные или локальные интересы и являются только объектом исторического развития, управляемого духовной элитой. Только на поздней стадии правые на основе шовинистически и антисоветски понимаемого «национального единства» начинают обращаться и к рабочему классу и к кооперированному крестьянству. Но и в этом случае этим классам отводится второстепенная роль, они должны только придать социалистический характер идеологии правых и поддержать их активность.

Правый и «левый» оппортунизм объединяет также отрицание руководящей роли коммунистической партии в социалистическом строительстве. Под лозунгом «борьбы против аппарата и консервативных сил» начались атаки на коммунистов, последовательно выступавших с марксистско-ленинских позиций, а тем самым на идейное и организационное единство партии.

В деятельности правых и «левых» ревизионистов в международном масштабе есть общие черты. Они проявляются в идеологическом обосновании анархической стихийности, субъективистского волюнтаризма и подрыва существующего социалистического строя» [34].

В этом плане чехословацкие контрреволюционеры прибегли к помощи ряда троцкистских положений и лозунгов. С анархизмом их связывает деструктивный характер собственных идей. Черты анархизма и определенную склонность к нему можно было наблюдать и в Чехословакии в 1968—1969 гг. Анархизм,

призывающий к индивидуальному террору, во многом сливается с фашизмом; их не всегда можно четко различить.

Обычно носителем анархистских и левацких тенденций является мелкая буржуазия. Однако объективные возможности мелкобуржуазной революционности настолько обусловлены временем и ограниченны, что мелкая буржуазия не может реализовать свои радикальные планы по переустройству общества. Мелкобуржуазные революционеры могут сыграть положительную историческую роль только тогда, когда объединятся с революционным пролетариатом. На определенном этапе, особенно в период народно-демократической революции, эти мелкобуржуазные радикалы часто исторически прогрессивны как борцы за демократию, свободу, национальную независимость.

Однако иногда они легко скатываются на позиции реформизма, компромисса. Они непоследовательны и шарахаются из одной крайности в другую. Уже В. И. Ленин в своей известной работе «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» остро критиковал такой тип мелкобуржуазного радикала, чей радикализм смахивает на анархизм. Он назвал это «мелкобуржуазной революционностью».

«Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно»[35], — отмечал В. И. Ленин. Мелкий буржуа, доведенный трудностями капитализма «до невменяемости», легко впадает в крайнюю революционность, вместо того чтобы проявить выдержку и самообладание, организованность, дисциплину и стойкость.

В период, когда борьба пролетариата была еще слабой и когда в ней преобладали формы, присущие началу движения, самым действенным выразителем многочисленных оттенков мелкобуржуазной революционности являлся анархизм. Ленин квалифицировал его как «буржуазное мировоззрение наизнанку». Индивидуалистические взгляды и идеалы анархистов, как это отмечал В. И. Ленин, находились в прямом

противоречии с социализмом и не затрагивали будущего буржуазного строя, а были обращены к его прошлому, к воле слепого случая над разрозненными мелкими производителями. И Ленин добавлял: «Анархизм — порождение *отчаяния.* Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария» [36]. Эта психология анархизма отмечена безысходным отчаянием человека, которого не удовлетворяет его положение, который знает, что изменений ждать нечего, от своей безнадежности он переходит к отчаянным средствам террора, разрушению, уничтожению. Он тешит себя несбыточной мыслью, что таким путем добьется радикального изменения. Такие же черты разрушения в избытке встречаются в идеологии фашизма. Неудовлетворенность толкает мелкую буржуазию к сближению с теми, кто якобы может изменить в ее пользу развитие общества. Она делает это некритически, без разбора, а в случае своего объединения с фашизмом даже и против своих интересов. И именно ее многих представителей фашизм в конце концов уничтожает, видя в них слишком ненадежных союзников. Вместе с тем известно, что немало наиболее активных приверженцев, например, Гитлера являлись выходцами из рядов мелкой буржуазии.

Однако анархист — это не типичный мелкий буржуа. Это буржуа, который уже перешагнул через самого себя, порвал со своим собственным классом и не может избавиться полностью от своей принадлежности к нему. Чувствует он себя, правда, более свободно, но эта свобода, которую он сам себе искусственно сконструировал, не является подлинной. Для подлинной свободы еще не созрели объективные условия.

Позже анархизм оформляется в движение, и в этом качестве его действия практически утратили всякое революционное содержание. Наоборот, он становится тормозом подлинной революционности. И хотя он продолжает выступать от ее имени, но агрессивность, стихийность, жестокость анархизма уводят его от революции. Часто анархисты переходят на позиции раскольников подлинной революционной борьбы.

Пока рабочее движение делало первые шаги, анархисты будто бы не придавали ему значения, стремились к сотрудничеству с рабочими организациями для того, чтобы подчинить их собственным целям. Но когда марксистские взгляды завоевывают признание, враждебность анархизма по отношению к пролетарской идеологии становится все более откровенной.

Анархисты выступали против организованных форм борьбы, принципиально отрицали любое государство, в том числе государство диктатуры пролетариата, и толкали рабочих к стихийным насильственным акциям. Они обвиняли вождей рабочего класса в карьеризме, в забвении заветов революции, в том, что они «проводят самую плохую буржуазную политику».

Анархисты развили раскольническую деятельность против I Интернационала, создали нелегально Альянс социалистической демократии и заявили, что в эту коллективную организацию принимаются люди, у которых «разум, энергия, честность и конспирация соединены больше всего с революционным порывом».

Анархисты игнорировали законы социально-экономического развития, а потому не были способны на хотя бы приблизительно правильный анализ объективной действительности: они были не в состоянии определить те социальные силы, которые имеют революционное будущее и на которые они могли бы ориентироваться. Они верили, что будущее можно организовать по их субъективному желанию, что для достижения этой цели любые средства хороши. Яд, нож, петля — все это, по мнению крайних представителей анархизма, является оружием истинного революционера, бунтовщика и мятежника, готового уничтожать все.

Ленин уже в 1901 г. характеризовал анархизм в том смысле, что он «за 35—40 лет... своего существования... не дал ничего кроме общих фраз против *эксплуатации*»[37]. Индивидуальность и субъективизм анархистов, их элитарность быстро привели к тому, что они разошлись с рабочим движением и в конечном счете стали выступать против него.

В условиях массового движения пролетариата анархисты все больше превращались из революционных фразеров в яростных дезорганизаторов революционной борьбы. Под своими черными знаменами они собирали опустившихся, деклассированных элементов, интеллектуальных маньяков со склонностью к насилию и уничтожению, людей, полных ненависти к окружающему миру.

Этим духом были пронизаны контрреволюционные выступления анархистов уже в период Великой Октябрьской социалистической революции, подобным образом они выступали и в Испании, где главную задачу они видели не в том, чтобы победить в войне и разгромить фашистов, а в немедленной социальной революции. В Арагоне, где им удалось захватить власть, они обобществили почти все имущество граждан и запретили всю политическую деятельность, кроме анархистской. Под предлогом коллективизации и под присмотром вооруженных групп они забирали у крестьян землю и скот, заставляли их работать за низкую «для всех одинаковую» плату. Так горе-коллективизация привела в результате к натуральному хозяйству, при котором каждая деревня должна была жить за счет собственных источников (совсем не случайно совпадение с формами труда маоистских сельскохозяйственных коммун по образцу Дачжая). Преступления, насилие и экспроприация стали официальной линией анархистов, что играло на руку Франко. С проявлениями анархизма мы встречаемся и сегодня, особенно в ряде латиноамериканских стран, а также в Европе. Группы анархистов, привносящих дезорганизацию в массовое движение, оживают при каждом обострении политической ситуации.

Целый ряд черт анархизма Ленин критикует уже в своей книге «Детская болезнь „левизны" в коммунизме», и хотя в этом случае «левачество» не представляет собой абсолютного возврата к анархизму, оно понимается шире. Анархизм составляет его большую часть. Кроме того, он сильно повлиял, например, на народническое движение. Почему мы это подчеркиваем? Именно в Китае анархизм столкнулся с аналогичными условиями, а так как он мог апел-

лировать к радикально или псевдорадикально настроенным крестьянским слоям, он получил здесь значительный отклик. Анархизм оказал сильное влияние на многие акции «красных охранников» (хунвэйбинов), о чем будет сказано ниже.

Для «китайского марксизма» тесная связь с анархизмом весьма характерна. Для многих китайских интеллектуалов, у которых ярко проявлялись мелкобуржуазные наклонности, анархизм часто был намного привлекательнее марксизма, так как сулил решения проблем вроде бы более быстрые и с первого взгляда радикальнее. Люди едва ли могли сразу же разгадать иллюзорность этого радикализма.

Китайский анархизм имеет давние традиции, Так, уже в 1913 г. в журнале «Взаимопомощь» китайские анархисты напечатали 79 собственных работ, не считая переводов. Уже к 1919 г. китайцы имели в переводе все основные работы классика анархизма П. Кропоткина, это, например, работы: «Анархизм как философия и идеал», «Взаимная помощь как революционный фактор», «Великая французская революция», «Исследования о Бакунине», «Хозяйство и его роль в истории» и другие.

Как заявляли китайские марксисты, анархизм был первым западным общественным учением, нашедшим в Китае союзников. Следовательно, борьба за марксизм в Китае была в известной степени борьбой против анархизма, хотя вначале оба эти направления тесно сотрудничали.

Парадоксальным является то, что социалистическая терминология проникла в Китай через работы, изданные анархистами (например, работа Ф. Энгельса «Роль семьи, частной собственности и государства» впервые вышла в отрывках в 1908 г. в журнале анархистов «Небесная справедливость» — «Тяньи бао»). В том же журнале анархисты напечатали выдержки из «Коммунистического манифеста».

Отношения между марксистами и анархистами, сторонниками П. Кропоткина, были в Китае вначале весьма близкими. По воспоминаниям бывшего анархиста Ляо Биншуаня известно, что и первые контакты с Коминтерном не обошлись без участия анархистов.

Так, например, в одном Пекине из девяти членов кружка по изучению марксизма пятеро были анархистами. Организаторы кружка в Кантоне пользовались, кроме марксистских книг, и анархистской литературой. Среди членов кантонского кружка были два коммуниста-марксиста и семь анархистов. В Шанхае, наоборот, анархисты не вступали в марксистские кружки, но члены последних не выступали и против «левацких» тенденций анархистов.

Анархизм, так же как и троцкизм, с которым он тесно связан, являлся составной частью маоистских методов. Это особенно видно на примере злоупотребления идеей ориентации на китайскую молодежь в период выступлений хунвэйбинов. Таким образом, китайская молодежь оказалась одним из многочисленных носителей всевозможных анархистских тенденций, методов и практики. Главным методом вновь стал уже известный и «проверенный» историей метод индивидуального террора.

Так, например, при чистке партии и разгроме «правых» в 1958 г. Мао Цзэдун и его сподвижники говорили о том, что сложились благоприятные условия для осуществления их особых авантюристических концепций. Суть этих концепций сводилась к тому, что Китай должен перейти прямо в стадию коммунизма, минуя социализм. Одновременно они старались доказать, что подобное коммунистическое общество не следует создавать с помощью индустриализации страны, что надо опираться на народные коммуны в деревне, ибо крестьянство, дескать, более революционно по сравнению с рабочим классом.

Мао Цзэдун все же вынужден был признать, что китайское крестьянство не воспринимает его левацкие установки. В статье «Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна!» содержится такое признание: «Все видят, что нынешние наши отношения с крестьянами по некоторым вопросам носят напряженный характер. Наиболее зримо это проявилось после уборки богатого урожая в сельском хозяйстве в 1958 г. Закупки хлеба, риса, сои и других сельскохозяйственных продуктов на сегодня не выполнены. Создавшуюся атмосферу характеризуют следующие высказывания: „Производство и распределение не поддаются контролю“...».

И далее: «...Мы очень далеко запускаем руки, очень много забираем, поэтому крестьяне вынуждены частично выращивать продукты тайно, распределять их нелегальным способом» [38].

В 1958 г. первый заместитель министра общественной безопасности КНР привел некоторые «новые факты», связанные с недовольством китайских крестьян и крестьян неханьских* национальностей в связи с учреждением народных коммун. Это справедливое недовольство маоисты квалифицировали как «враждебные выпады». Заместитель министра говорил: «2 октября 1958 г. в городе Тайюань была перехвачена листовка, призывающая население к борьбе против народных коммун. В ней говорилось: „Время пришло, требуется быстро что-то делать. Наше последнее имущество в опасности. Нам не разрешают иметь домашних животных. Долой коммуны!“».

В деревне Синьбао (провинция Шаньси) были распространены такие слухи: «При создании коммуны каждый может иметь только один костюм, один комплект постельного белья, лишнее должно быть отдано в коммуну». Под влиянием этих слухов отдельные крестьяне начали шить из нескольких костюмов один, надевать праздничную одежду на работу в поле. Одна крестьянка из-за боязни потерять свое, идя на работу, одевала на себя несколько костюмов.

В семи районах уезда Люсуань (провинция Цинхай), где проживало население четырех национальностей, в апреле 1958 г. разразился серьезный бунт. При его подготовке вожди бунтовщиков, заместитель руководителя уезда и другие организаторы, поставили такие цели: в первый день захватить Сюньчжу, на второй — взять Синин, в третий день напасть на Ланьчжоу, а затем сосредоточить все силы для нападения на Пекин. За три дня к бунтовщикам присоединилось около 4000 человек. Они заняли большую часть территории уезда. 25 апреля войска

* При сопоставлении с другими национальностями страны китайцы в отношении себя употребляют термин не «чжунгожэнь», а «ханьжэнь» (китаец). — *Прим. ред.*

Народно-освободительной армии Китая подавили бунт. При этом 434 человека были убиты, 449 бунтовщиков — арестованы. В этом мятеже участвовало 156 членов КПК (68% всех членов партии, проживающих в уезде) и 266 комсомольцев (45% всех комсомольцев уезда).

17 октября 1958 г. в уезде Циншань (Синьцзян-Уйгурского автономного района) взбунтовалось более 100 уйгуров. Они силой захватили учреждения местных органов власти, банк, связали и увезли с собой председателя кооператива, работников банка и учителей школы.

40 крестьян одного уезда провинции Сычуань, вооруженные ножами и другим оружием, 18 ноября 1958 г. вызвали волнения в деревне Чжайпин. Восставшие проникли в деревню с шестиугольными знаменами, на которых была надпись: «Свергнуть председателя Мао Цзэдуна». Мятежники убили председателя суда, начальника уездного комитета общественной безопасности и нескольких работников прокуратуры. При подавлении этого бунта армией два человека погибли и десять были арестованы.

Причины этих и сотен других локальных мятежей наверху усматривались не в недовольстве авантюристической политикой Мао Цзэдуна и его группы. В этих выступлениях доведенных до отчаяния масс маоисты видели происки «классовых» врагов. «Классовая линия» Мао Цзэдуна предполагала организацию широких политических действий с применением методов наказания за спровоцированные преступления.

Так, еще перед «культурной революцией» в стране была начата большая кампания за создание «истории своей семьи». Каждый китаец должен был написать свою биографию (все события своей жизни, начиная с семилетнего возраста); то же самое сообщить и о родителях. Окончание этой кампании в стране и обобщение всех данных должно было быть закончено через 7—8 лет. В семьи с этой целью приходили так называемые «рабочие бригады», выяснялись неясные моменты в биографиях людей, организовывались беседы, после которых члены семьи в обязательном порядке подписывали составленные

«заявления». То, что они забывали сообщить, надо было через некоторое время вспомнить и в виде письменного «признания» передать членам «рабочих бригад».

Кроме этого, в стране проходила закрытая всекитайская кампания под названием «четырех доказательств», включающих в себя аспекты «истории», «экономики», «связи» и «организации». «История» предполагала оценку биографии каждого гражданина; требовалось, чтобы на собраниях каждый говорил обо всем, что вызывало у него хоть малейшее сомнение в жизни другого человека. В «экономике» разбиралось отношение каждого к общественной собственности, особенно тех лиц, которые в той или иной мере были материально ответственны за общественное имущество. Предусматривалось провести специальный «анализ», показывающий, не присвоило ли то или иное лицо общественное имущество. Это распространялось и на капиталистические элементы, которые за национализированное имущество получали проценты от государства. Понятие «связи» предполагало объяснение того, кто с кем встречается и поддерживает отношения, характер этих контактов и т. п. Особой оценке подлежали контакты с иностранцами и лицами, которые с ними связаны. «Организация» означала чистку в партийных органах и некоторых массовых общественных организациях.

Эта кампания имела строго секретный характер. На заседаниях и собраниях, на которых сообщались директивы по проведению кампании или зачитывались основные указания, запрещалось вести протоколы и даже делать заметки. При реализации кампании «четырех доказательств» руководствовались «23 пунктами», будто бы разработанными самим Мао Цзэдуном. Они обычно вывешивались на время собраний, и участники заучивали их содержание. Не разрешалось ни записывать, ни обсуждать эти материалы вне собрания. В связи с этой кампанией китайским гражданам запрещалось встречаться и разговаривать с иностранцами. В целом ряде провинций страны была учреждена старая система круговой поруки с целью шпионажа за населением по месту жительства. Так, по некоторым сообщениям,

в г. Хэйхэ (пограничный город, расположенный напротив Благовещенска) были учреждены уличные комитеты в масштабах жителей одной улицы, делившиеся в свою очередь на группы по 10—20 семей каждая. К компетенции руководителя уличного комитета и старшин групп относился политический контроль за всеми гражданами в округе. Старшина наблюдал за поведением и передвижением отдельных членов группы и передавал свои наблюдения руководителю уличного комитета. Случалось так, что если даже кто-либо заночевал у знакомых, то об этом сразу же узнавал старшина. На проводимых ежемесячно семинарах старшин инструктировали представители органов безопасности в духе требований и взглядов китайского руководства. Такая система давала возможность полного «политического» контроля за населением по месту жительства.

Кроме перевоспитания трудом, было организовано «домашнее» перевоспитание. Его суть была простой: к активистам дома приходили работники органов безопасности и сообщали им, что на того или иного гражданина поступили компрометирующие материалы. Причем никто не знал, что за материалы, о чем идет речь. После такого «объективного» обвинения исключались, например, дружеские разговоры соседей с подозреваемым. Отношение к нему становилось сдержанным и часто пренебрежительным.

Как рассказывали некоторые жители Китая, в борьбе против своего народа маоисты, помимо официальных установок, использовали и другие методы. Например, если кто выскажется критически о политике Мао Цзэдуна или усомнится в ней, то с ним начинает «свою работу» партийная организация. На практике это выглядело так: «провинившегося» приглашали на беседу, о нем наводили справки у всех его соседей. После этого его окружал заговор молчания, он полностью игнорировался окружающими. Подобными способами и методами изолировались, как правило, «неподходящие» для маоистского руководства люди, их отстраняли от активной общественной жизни.

Идеи Мао Цзэдуна не получили бы такой широкой огласки, если бы они не сопровождались гигантской

пропагандистской кампанией. Сама пропаганда его идей — это любопытное и в значительной мере сложное явление. Рассмотрим хотя бы самые важные ее проявления.

Китайская печать, подчеркивая значение самого процесса изучения работ Мао Цзэдуна, заявляла, что это — деятельность «весьма положительная». Пропаганда утверждала, что от нее зависит успех или поражение социалистической революции и социалистического строительства и даже судьба всего человечества. Поэтому требуется изучать произведения Мао Цзэдуна постепенно, «перманентно», систематически.

Армейская газета «Цзефанцзюнь бао» писала о произведениях Мао Цзэдуна: «Несокрушимая сила нашей страны заключается в том, что мы обладаем мощными, непобедимыми идеями Мао Цзэдуна»; и далее: «Народ нашей страны, вооруженный идеями Мао Цзэдуна,— это сильный, смелый, мудрый, единомыслящий народ... Мы не боимся ни империализма, ни ревизионизма, не боимся ни черта, ни дьявола. Мы победим при всех обстоятельствах, преодолеем все затруднения и преграды, поразим любого врага» [39].

Требуется подчеркнуть, что в рядах Компартии Китая в конце 50-х — начале 60-х годов были коммунисты, которые прямо или косвенно выступали против игнорирования марксизма-ленинизма (против примитивных «отечественных» теорий, которые назывались «новейшим марксизмом»).

Например, один из видных представителей, член Политбюро ЦК КПК, имя которого не называлось, характеризовал идеи Мао Цзэдуна, как писали газеты хунвэйбинов, следующим образом: «...Мы принимаем идеи председателя Мао Цзэдуна, мы используем эти знания во всех видах деятельности, учимся на его работах. Однако его книги устарели и теряют свое значение...»

Аналогичные выступления наблюдались постоянно, и особенно в период «великой пролетарской культурной революции».

В целях ослабления влияния коммунистической партии и административных органов КНР Мао Цзэдуну и приверженцам его культа требовались «новые

силы», стоящие в стороне от борьбы за социализм, вне партии. Другими словами, маоистам потребовалось создать новое движение, которое бы противостояло всем прогрессивным силам страны. Такое движение невозможно было создать без борьбы против руководства партии и Коммунистического союза молодежи Китая, без провозглашения «новых» идей, целей и задач. Мао Цзэдун понимал всю сложность этого процесса и тогда призвал студентов и школьников усилить борьбу против «ревизионизма».

Вскоре после этого маоисты начали создавать отряды «красных охранников» и «революционных бунтовщиков» * (последние создавались из старшего поколения «красных охранников» — это была политически незрелая молодежь, обманутая шовинистическим угаром, главным образом молодые служащие и частично рабочие).

Первые хунвэйбины появились в Пекине во второй половине мая 1966 г. в средней школе при политехническом университете Цинхуа («Жэньминь жибао», 18.08.1967). Вскоре после этого они появились в средней школе при Пекинском университете и в других местах. Хунвэйбины, вначале весьма неопытные, были в политической жизни Китая совсем новым явлением. Их, по признанию китайской официальной печати, в каждом учреждении насчитывалось немногим более десяти, и они даже там не играли никакой заметной роли, не то что в жизни страны. Поэтому нелегко было понять, по чьей инициативе они оказались на политической сцене Китая. Однако последующие события и высказывания самих маоистов дали на этот вопрос совершенно ясный ответ. Хунвэйбины появились по личной инициативе Мао Цзэдуна. Примерно три месяца потребовалось маоистам для того, чтобы хунвэйбины стали на собственные ноги и могли выйти на «большую дорогу».

«Днем рождения» хунвэйбинов в КНР считают 18 августа 1966 г., когда Мао Цзэдун на центральной пекинской площади впервые официально участвовал в их смотре. Тогда несколько людей с повязками

---

* Имеются в виду отряды хунвэйбинов и цзаофаней. — *Прим. ред.*

на рукавах поднялись на главную трибуну и такую же повязку надели Мао Цзэдуну. «Мао Цзэдун надел нашу красную повязку, — говорилось тогда в китайской прессе. — Он подтвердил создание наших отрядов. Председатель Мао является высшим военачальником хунвэйбинов»[40]. На поздравления толпы Мао только произнес: «Я решительно вас поддерживаю». Кстати, напоминается, что в документах 11 пленарного заседания ЦК КПК, которое проходило непосредственно перед этим, о хунвэйбинах и их организациях не было даже упоминания, из чего вытекает, что они появились без согласия на это партии. Таким образом, Мао Цзэдун 18 августа 1966 г. «узаконил» милитаризованные ударные отряды фанатичной студенческой молодежи. Они предназначались для развязывания политического террора против партийных, комсомольских и административных кадров и запугивания широких слоев населения. С целью предоставления молодежи свободного времени для выполнения погромной миссии 13 июня 1966 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение об изменении системы приемных экзаменов и отсрочке приема новых студентов в вузы на полгода, что прервало учебу не только в вузах, но и в средних, а затем и начальных школах страны более чем на 4 года. В результате бросили учебу 750—800 тысяч студентов вузов, 40 миллионов учащихся средних школ. И это произошло в стране, где 80% населения неграмотно или малограмотно! Большая часть студентов по вине маоистов так и не вернулась в университеты и институты.

После учреждения организации хунвэйбинов в Пекине маоисты приступили к организации отрядов по всей стране, поставив задачу использовать их в качестве ударной силы против оппозиционно настроенных руководящих работников КНР, против «нежелательных» членов партии и комсомола, против интеллигенции. По плану Мао Цзэдуна с помощью хунвэйбинов надо было разоблачить враждебную для маоистов «линию» и поднять массовое движение снизу. Одновременно маоисты рекламировали движение хунвэйбинов как школу «воспитания преемников» линии Мао в процессе практического участия молодежи

в «культурной революции». В ней, по сообщениям зарубежной печати, в целом по стране участвовало 30—40 млн. хунвэйбинов.

Одним из первых шагов в этом направлении была организация официальных встреч между руководством КНР во главе с Мао Цзэдуном и хунвэйбинами (с августа по декабрь 1966 г. таких встреч состоялось свыше десяти).

Маоисты, скрывая свои истинные цели, направляли усилия и действия хунвэйбинов под девизом добиваться ликвидации «четырех старых» (привычек, обычаев, идеологии, культуры) и создания «четырех новых». В процессе подобной «ликвидации» у молодежи прививался «вкус к бунту». «Бунт — дело правое»,— написал Мао Цзэдун в письме хунвэйбинам 1 апреля 1966 г., свидетельствуя свою полную поддержку бунтовщикам. Началась печально известная кампания по уничтожению классического культурного наследия, переименованию улиц, больниц, школ и т. п. План действия «Сто тезисов», разработанный в то время хунвэйбинами, содержал не только маоистские лозунги и концепции, но в нем нашли полное отражение и элементы анархизма и дух мятежности. Часть пунктов «Ста тезисов» (1, 5 7, 13, 20) требовала широко и «обоснованно» вести пропаганду идей Мао Цзэдуна, направленную на повсеместное внедрение его культа. Было приказано на каждой улице укрепить щиты с его изречениями, в каждой семье вывесить портреты и цитаты из высказываний Мао Цзэдуна, установить транспаранты и щиты с его цитатами в скверах, декламировать их в автобусах, троллейбусах, трамваях, самолетах и поездах. Каждый китаец был обязан всегда иметь при себе сборник цитат из работ Мао Цзэдуна (печально известный «Цитатник») и неустанно его изучать. Все рикши и владельцы велосипедов, водители и машинисты поездов были обязаны вывесить таблицы с изречениями Мао и его портреты.

В интересах истины следует сказать, что в «Ста тезисах» содержались и требования, по форме противоречившие установкам Мао. Например, в пункте 44 говорилось: «Буржуазные сукины сыны, получающие зарплату, слушайте! Перед освобождением

страны вы сидели на шее народа, вы допускали произвол, а теперь продолжаете получать высокую зарплату, которая в несколько раз и в десятки раз превышает зарплату рабочих. Вы вампиры, сосущие кровь народа, вы преступники. Приказываем вам, чтобы с сентября 1966 г. вы снизили свою высокую зарплату до уровня заработка простого рабочего... тем, кто имеет вклады в банках, запрещаем брать из них хотя бы один фэнь (копейка. — *Прим. ред.*). Если не послушаетесь этого приказания, пеняйте сами на себя, мы ни с чем не посчитаемся» (листовка, изданная осенью 1966 г. в Пекине хунвэйбинами «школы маоцзэдунизма» — бывшей средней школы № 26 столицы).

В пункте 51 хунвэйбины требовали «ввести ограничение жилой площади для буржуазных сукиных сынов, которые занимают слишком много места», а излишки жилплощади у них отобрать. В пункте 56 «буржуазным паразитам» приказывалось, чтобы они все заработанные ранее деньги сдали государству, запрещалось их расходовать. В пункте 48 предлагалось ликвидировать все преимущества «темных элементов» на заводах и фабриках, а пункт 99 рекомендовал штрафовать всю «черную банду».

Маоистское руководство попыталось воспрепятствовать этому уже в самом зародыше. Чжоу Эньлай 1 сентября 1966 г. на собрании представителей хунвэйбинов высших и средних школ заявил, что они не компетентны решать этот вопрос, что им должен заниматься ЦК КПК во главе с Мао (речь шла о льготах буржуазии, которая получала 5% от своего капитала, перешедшего в руки государства. «Культурная революция» этой льготы также не тронула, требование хунвэйбинов, таким образом, осталось без ответа.).

В конце августа после создания крупных отрядов хунвэйбинов (каким был, например, штаб высших и средних пекинских школ, объединяющий 90 тыс. человек, или «охранный отряд хунвэйбинов») Мао Цзэдун и его приверженцы борьбу против «четырех старых» начали переориентировать на «открытие огня по штабам», что означало — на борьбу против городских и провинциальных партийных и комсомольских

комитетов. В деятельности хунвэйбинов начался новый период.

С 1 сентября 1966 г. хунвэйбинам, проживающим в различных городах страны, было официально разрешено приезжать в Пекин в интересах установления «контактов». С ростом рядов хунвэйбинов маоисты приступили к их более строгому организационному и идеологическому формированию. После требования Чжоу Эньлая о том, чтобы хунвэйбины «имели устав из нескольких пунктов», 2 сентября в Пекине появились «Правила для хунвэйбинов», в которых объяснялись программа, задачи, цели и условия организации.

Одновременно маоисты предприняли следующий шаг. С целью лишить своих противников одной из главных форм массовой организации и пропаганды они приостановили издание местных газет и журналов, в том числе и молодежных. В августе 1966 г. было прекращено издание печатных органов ЦК КСМК — журнала «Чжунхуа циннянь» и газеты «Чжунго циннянь бао».

Был разогнан пекинский городской комитет комсомола. В списке людей, подлежащих «критике», непрерывно фигурировали фамилии секретарей ЦК КПК. В начале сентября было закрыто более 100 редакций журналов и большинство местных и центральных газет.

В конце 1966 г. прекратил существование китайский комсомол. Многие выдающиеся представители комсомола Китая подверглись преследованиям. Одновременно были разогнаны и другие молодежные организации страны. Хунвэйбины и «революционные бунтовщики» набирали силу.

Несмотря на это, хунвэйбины не представляли молодежное движение в Китае. У них не было даже ни единой программы, ни устава, они были организационно разобщены.

Политические противники Мао Цзэдуна создали собственные отряды хунвэйбинов с явным умыслом использовать против маоистов их собственную форму борьбы и добиться подчинения движения своему контролю. Одновременно они думали, что схватки

между организациями хунвэйбинов и сумбур, порожденный ими, заставят Мао Цзэдуна отказаться от своих планов. Среди оппозиции Группе по делам культурной революции (ГКР при ЦК КПК) (Мао Цзэдун, Цзян Цин, Линь Бяо и др.) известны своей деятельностью охранные отряды хунвэйбинов столицы восточного района (сокращенное название — «Восточная охрана»), западного района («Западная охрана») и района Хайдянь, примыкающего к Пекинскому университету («Хайдяньский патруль»). После ликвидации этих отрядов силами армии аресту подверглось свыше тридцати их руководителей. Их место заняла организация Комитет совместных действий («Ляньдун»), продолживший борьбу с Группой по делам культурной революции. Известен случай с газетой хунвэйбинов «Синь Бэйда» («Новый Пекинский университет»), опубликовавшей критические материалы на Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Против нее выступили члены пяти организаций хунвэйбинов. 12 ноября 1966 г. во второй половине дня в помещение временной редакции этой газеты ворвались хунвэйбины и разгромили ее. Аналогично вели себя студенты и преподаватели пекинского Института лесного хозяйства, руководимые Ли Чуншэнем, которые в середине декабря вывесили дацзыбао с утверждением, что Мао Цзэдун не может представлять все руководство ЦК КПК, роль Линь Бяо как руководящего деятеля ЦК партии еще более сомнительна, ибо его опыт вообще не идет ни в какое сравнение с опытом Лю Шаоци. Дацзыбао имела заголовок: «Устранить Группу по делам культурной революции при ЦК КПК и самим проводить революцию».

Подобных примеров было множество. Число организаций хунвэйбинов росло, и противоречия между ними углублялись. В каждой школе существовало сразу несколько организаций хунвэйбинов. Например, в средней школе № 6 в Шанхае возникло шесть организаций хунвэйбинов и несколько десятков боевых групп. 26 апреля 1967 г. «Жэньминь жибао» признает, что между этими группами «постоянны острые противоречия и раздоры».

Однако Мао Цзэдуну и его ближайшим сотрудникам удалось направить главную массу хунвэйбинов

на борьбу против партийного и государственного аппарата, комсомола и профсоюзов, то есть против своих политических противников. Хунвэйбинам строго указывали, кого они должны громить. А чтобы для этого они были лучше вооружены «аргументацией», в их распоряжение предоставили соответствующий материал, содержащий не только подробный анализ биографий противников, их статей, выступлений и докладов, многие из которых ранее не публиковались, но даже запись телефонных разговоров, в том числе и в семейном кругу. Им было разрешено бесплатно разъезжать по всей стране (только с осени 1966 г. по февраль 1967 г. китайские железные дороги перевезли более 20 млн. хунвэйбинов), для проживания предоставлены интернаты в городах, часть хунвэйбинов бесплатно получала одежду и питание. Содержание хунвэйбинов обошлось стране примерно в 17—24 млрд. юаней. Только с последней декады августа до конца декабря 1966 г. на них было израсходовано до 3 млрд. 120 млн. юаней. Например, в городах Ханьчжоу хунвэйбинам ежедневно выдавали 250 тыс. юаней [41].

Такие льготы привлекали большинство школьной молодежи к вступлению в отряды хунвэйбинов, однако позже, после активной фазы «культурной революции» и после разгрома своих политических противников, пекинское руководство начало требовать прекращения выдачи средств на содержание хунвэйбинов. Каждому из них был представлен счет, который сам хунвэйбин и его семья или родственники должны были оплатить. В начале 1967 г. в самых разных организациях, следующих за хунвэйбинами, была объединена молодежь в возрасте от 9 до 25 лет. Понятно, что при этих обстоятельствах движение хунвэйбинов не могло быть политически единым, в нем проявлялись различные направления и тенденции, иногда откровенно бандитского характера.

Буйство различных «левых революционных организаций» стало в Китае обычным явлением. Появлению бандитских шаек и развитию черного рынка в значительной степени содействовал недостаток товаров широкого потребления и плохое снабжение городского населения продуктами. Например, в 1966 г.

были повышены цены на некоторые продукты (рис, свинину, апельсины, огурцы). Кроме снабжения по карточкам зерновыми, растительным маслом, сахаром, хлопчато-бумажными изделиями, обувью и табаком, была введена карточная система также на мясо, овощи, топливо и керосин. Даже для посещения бань были введены специальные талоны. В 1967 г. ежемесячный рацион зерновых, картофеля и подсолнечника на одного работника составлял 12—15 кг., растительного жира — 125—150 г., сахара — 140 г., хлопчатобумажной материи и изделий из нее — от 3 до 7 метров в год. Эти нормы варьировались в зависимости от местожительства.

Внедрение культа личности Мао в Китае натолкнулось на сопротивление опытных партийных и комсомольских работников, закаленных в классовых боях и искренне преданных марксизму-ленинизму. Это сопротивление, однако, ослаблялось рядом факторов. К их числу относилась прежде всего политика маоистов, направленная на существенное расширение партийных рядов главным образом за счет представителей мелкобуржуазных слоев и особенно безграмотной массы рабочих, которым было привито чувство преклонения перед «вождем». Речь идет о так называемом «составе партии», другими словами — о продолжающей действовать политике Мао Цзэдуна, провозглашенной им уже в 50-х годах. Например, только с 1950 г. до 1956 г. численный состав Компартии Китая вырос почти в два раза (с 5,8 млн. чел. до 10,7 млн. чел.). Ряды комсомола укреплялись в те годы еще интенсивнее (с 1950 г. по 1956 г. число членов Коммунистического союза молодежи Китая возросло более чем в 7 раз — с 3 до 23 млн. членов), что, безусловно, сказывалось на его социальном составе. Сопротивление линии Мао ослаблялось проводимыми маоистами скрытыми массовыми репрессиями. Например, только в 1953—1957 гг. было уничтожено 3 млн. 600 тыс. человек [42]. Ввиду того что нет данных, какой процент из них составляли коммунисты и комсомольцы, только последующее развитие событий дает возможность предполагать, что этот процент был достаточно высок.

Организованные в те годы по инициативе сверху преследования коммунистов еще долго будут живы в памяти китайского народа. Трагический случай, происшедший с первым секретарем Тяньцзиньского городского комитета КПК Вань Сяотаном, является характерным и типичным для периода реакционного переворота 1966—1969 гг., цинично называемого маоистами «культурной революцией».

Рано утром 18 сентября 1966 г. несколько десятков обманутых «идеями Мао Цзэдуна» хунвэйбинов из организаций «Красное знамя», «Искры» и учебно-производственного техникума ворвались в квартиру Вань Сяотана, который с высокой температурой лежал в постели. Но это не остановило распоясавшихся юнцов. Они стащили тяжелобольного Вань Сяотана с постели и поволокли его во Дворец спорта на «митинг» борьбы с облеченными властью, «проникшими в партию и идущими по капиталистическому пути». Воплями «Размозжим собачью голову черному бандиту Ваню!» встретили его участники сборища. На него посыпался град гнилых груш и плевков, потом началась изощренная варварская пытка. Хунвэйбины посадили Вань Сяотана с низко опущенной головой на солнцепёк и продержали его в таком положении свыше семи часов без единого глотка воды. И все это время в ушах тяжелобольного звенело непрекращающееся многоголосье: «Дадао!» («Долой!»). Свою угрозу: «Ты останешься здесь до конца нашего митинга!» — предводители хунвэйбинов также выполнили. Только когда место судилища опустело, еще живого Вань Сяотана отдали родственникам и друзьям. Вскоре он скончался [43].

Вань Сяотан был обвинен в том, что Тяньцзиньский городской комитет партии, которым он руководил, «всегда и во всем — в промышленности, сельском хозяйстве, идеологии — следовал за ревизионистским пекинским городским комитетом партии и являлся его «филиалом», что как первый секретарь Тяньцзиньского горкома КПК он занимал буржуазную позицию, с самого начала был против линии пролетарской культурной революции, представляемой председателем Мао, что «торпедировал движение за изучение произведений Мао Цзэдуна», «бешено ата-

ковал революционные ряды», действовал вразрез с указаниями Мао Цзэдуна»[44].

Городская китайская печать, известив о смерти Вань Сяотана, ничего не сообщила о ее действительных причинах. Например, тяньцзиньская вечерняя газета написала: «Вань Сяотан умер 19 сентября 1966 г. после продолжительной и тяжелой болезни в возрасте 50 лет».

Когда Мао Цзэдун и его ближайшие сотрудники укрепили свое положение в стране, они рассчитались с отрядами хунвэйбинов так же сурово, как раньше сами эти отряды рассчитывались с неугодными для маоистов людьми.

Яо Дэншань, Не Юаньцзы и другие лидеры хунвэйбинов были осуждены. Яо во время «культурной революции» входил в организацию хунвэйбинов, которая называлась «16 мая». В начале 1967 г. он, будучи секретарем китайского посольства в Индонезии, был выдворен из страны пребывания. В Пекине его появление приветствовали. Он руководил хунвэйбинами при захвате и разгроме министерства иностранных дел КНР, участвовал в захвате представительских учреждений, в том числе и в поджоге посольства Великобритании. Не Юаньцзы, одна из авторов дацзыбао, которую Мао Цзэдун назвал «первой марксистско-ленинской дацзыбао в Китае», была также тесно связана с организацией «16 мая».

И того и другую обвинили в ряде преступлений, заставили отвечать за них. Хунвэйбины, конечно же, не предполагали, что разгон партийных комитетов и убийства высших руководителей (Не Юаньцзы, например, убила проректора Пекинского университета Цюй Сунхуна) обернутся в конце концов для них суровыми репрессиями.

И хотя маоистам удалось обмануть значительную часть китайской молодежи, все-таки создать для себя из хунвэйбинов и «революционных бунтарей» надежную опору они не смогли. Наоборот, неудовлетворенность проводившимся правительством курсом вела к различным акциям протеста со стороны хунвэйбинов. Таким образом, хунвэйбины оказались неудобными и опасными для руководящей маоистской клики, и особенно для Мао Цзэдуна. Требовалось продумать

создание движения, направленного против них. Частичное решение было найдено в возвращении к прежней организации комсомола, но его бывшие члены в большинстве своем уже растеряли доверие, а во вновь организованные группы молодежь не вступала даже тогда, когда Мао Цзэдун призвал прекратить репрессии против представителей хунвэйбинов. Лозунги, цели и смысл вступления в молодежное движение утратили интерес и привлекательность также и потому, что все развивалось хаотично, в большой степени стихийно. Дух бунта не испарился, элементы анархизма уже укоренились в характере китайской молодежи. В отдельных случаях маоисты без колебаний применяли и насилие. Эта неприглядная глава китайской истории еще не окончена. Из нее еще нельзя делать окончательные выводы.

Одним из методов перевоспитания революционной молодежи в новом конструктивном духе явилась высылка молодежи, особенно студенчества, в деревни. Новая кампания высылки молодежи из городов началась сразу же после указания Мао Цзэдуна 22 декабря 1968 г. Китайская печать утверждает, что за пять с лишним лет из городов было выслано более 3 млн. молодых людей. Зарубежные специалисты приводят другую цифру — более 25 млн. людей.

Переселение молодежи из города в деревни свидетельствует о стремлении организаторов «культурной революции» убрать из городских центров силу, которая еще вчера использовалась ими в борьбе за власть. Выдающийся китайский коммунист, представитель КПК в Коминтерне, член ЦК Компартии Китая 8 созыва Ван Мин писал, что группа Мао Цзэдуна посылает миллионы юношей и девушек в отдаленные, мало обжитые края и деревни, чтобы они не могли в городах организовать заговор против Мао и его группы под их же собственным лозунгом «бунт — дело правое».

Китайское руководство стремится снять с себя ответственность и за то, что направляло городскую молодежь на работу по профилю, не соответствующему полученному образованию. Не оправдывает эту меру и тот факт, что промышленные предприятия и учреждения крупных городов не могли обеспечить квали-

фицированной работой всех выпускников китайских высших и средних школ, поскольку здесь как раз прямая вина антисоциалистической политики Мао, направленной на ограничение гражданского строительства. Переселение молодежи в деревню было связано также с существованием строгой карточной системы на продукты питания в больших городах, нехваткой в них продуктов.

Проведением кампании переселения молодежи в пограничные и отдаленные провинции Мао Цзэдун одновременно стремился к большей ассимиляции местного населения, особенно в провинциях с национальными меньшинствами. Главный смысл — изменить соотношение населения в этих провинциях в пользу ханьцев (китайцев) и существенно увеличить число населения в пограничных и отдаленных провинциях. Эта политика ярко проявляется в Автономном районе Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в Тибете и других местах.

Как подтверждают беженцы, ушедшие в Монгольскую Народную Республику из Шилингольского аймака Внутренней Монголии, этот район начал активно заселяться молодыми китайцами; в каждый город было прислано 10 000 человек, в каждую коммуну 1000 и каждую бригаду 100 китайцев. В интересах китаизации Монголии в последнее время поддерживаются браки между монгольской и китайской молодежью, а бракосочетания между местными жителями все чаще запрещаются. Китайцы бывают весьма недовольны, если монголы говорят на своем родном языке, и всячески высмеивают монгольское меньшинство.

Выселяя молодежь в деревню, Мао Цзэдун и его приверженцы хотели усилить контроль за местными кадровыми работниками, членами партии, комсомола и всем населением той или иной провинции. В условиях, когда нормой отношений между людьми становится обязательный взаимный донос, пекинские лидеры хотят использовать опыт хунвэйбинов и цзаофаней в борьбе против возможной оппозиции.

Стремясь удержать городскую молодежь в деревне, печать Китая рисовала радужную перспективу и обещала работу всем выпускникам технических и

4 Зак. 1043

сельскохозяйственных техникумов и институтов. Однако появлявшиеся даже в центральной печати сообщения свидетельствовали об обратном — высланная в деревню молодежь не находила применения своим знаниям. В этом можно убедиться на примере «образцового» района типа Яньань, куда только из Пекина было выслано более 20 000 молодых людей. Газета «Жэньминь жибао» 28 мая 1972 г. сообщала, что 75%, или более 15 тыс. человек из них, работают не по специальности, а исполняют вспомогательные работы.

И подобное наблюдалось в стране, где масса населения неграмотна, где в народном хозяйстве ощущается острый недостаток кадров. Кампания переселения, которая была начата в 1968 г. и в дальнейшем активно развивалась, предполагала (и этим она отличается от всех предыдущих) высылку молодежи в деревню не временно (на 2—3 года), а надолго и в массовом порядке.

Такая политика в отношении молодежи вызывает острое недовольство: молодые люди вынуждены оставлять свою родину и бегут из Китая. Только в 1972 г. в Гонконг эмигрировало 28 000 человек. По сообщениям оттуда, в этом же году ежемесячно примерно 100 молодых китайцев добиралось до Гонконга вплавь через два залива, отделяющие этот город от Китая. В большинстве своем Китай покидает молодежь, которая доведена до отчаяния суровыми жизненными условиями, особенно в деревне, куда была выслана.

Эта вынужденная эмиграция глубоко уязвляет беженцев, они все время надеются на свое возвращение на родину. Пока же проживание в Китае для них не представляется возможным.

Бывший аспирант кафедры истории литературы Дан Шэнси говорил об этом: «Никогда я не представлял, что значит быть рабом, пока сам не испытал этого в лагере трудового перевоспитания. Нас поднимали в четыре часа утра и под охраной гнали на поля. Там мы должны были работать по 15—16 часов... После работы нас вели на «политические занятия», где мы должны были каяться в своих «грехах», осуждать самих себя и превозносить «мудрость»

председателя Мао, хвалить его за то, что он заботится о нашем будущем» [45].

Мы попытались только в самых общих чертах дать краткий исторический обзор китайского анархизма. Но его история еще не окончена. Ряд его тенденций продолжает проявляться. Важно, однако, то, что после бесспорного разочарования в событиях прошедшего периода среди анархически настроенной молодежи ширится волна скепсиса и недоверия, а первоначальный энтузиазм и готовность выполнять любой приказ давно улетучились. Поэтому можно сделать вывод, что развитие в направлении анархизма уже не будет проходить так, как прежде. «Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться», даже если этим «мавром» здесь оказались огромные массы молодежи и студенчества.

Другие проявления оппортунизма в Европе и их связи с маоизмом

Маоизм сравнительно легко проник в молодежную среду Запада. Это в своем роде парадоксально, так как из сказанного выше видно, что маоисты даже в самом Китае относились к молодежи далеко не лучшим образом.

Пекинские лидеры упорно пытаются вытравить из сознания китайской молодежи идеалы научного социализма, демократические, прогрессивные взгляды, подорвать ее интернациональные традиции. С середины 60-х годов китайская молодежь не участвовала ни в одной антиимпериалистической кампании. В Китае не отмечались торжественно такие дни, как Международный день студентов, Международный день солидарности молодежи и др. Молодежь страны не имеет возможности организовать ни одного митинга солидарности с борьбой чилийского народа.

«Молчание» китайской молодежи — это ее трагедия, вызванная политикой пекинских лидеров, лишивших многомиллионную армию девушек и юношей КНР права говорить и выступать в поддержку революционной борьбы своих сверстников на других континентах.

Маоисты изолируют китайскую молодежь от ок-

ружающего мира, но зато внимательно следят за международным движением молодежи. Выступления молодежи в странах Западной Европы, Азии, Африки и Америки были все время в поле зрения пекинских лидеров, которые стремятся максимально использовать молодежное движение в интересах своей великодержавной политики, направлять его, или хотя бы его отдельные отряды, против организованного рабочего и коммунистического движения, на борьбу против «великих держав», а в действительности — против Советского Союза, но ни в коем случае не на борьбу с влиянием монополий, не за демократизацию общества.

Пекин создал более чем в 50 странах промаоистские организации молодежи. Тем самым маоисты серьезно подрывают международное молодежное движение и отвлекают молодежь от действительно революционной деятельности. Им удалось особенно в 1968—1969 гг. основать ряд групп. Речь шла, как правило, о студенческих группах из мелкобуржуазных слоев. Несомненно, это были «ультрареволюционные», анархистские группы.

Одной из крупных акций этих «ультралевых» групп явились бурные выступления в мае — июне 1968 г. во Франции. Их псевдорадикальность вела в конце концов к ослаблению позиций рабочего класса, революционного движения и единства действий революционных сил в международном плане. Они ослабили позиции пролетариата и дали возможность правящему режиму постепенно и сравнительно легко расправиться с революционными выступлениями, особенно с массовыми забастовками. Отсутствие единства революционных сил дало возможность правительству принять контрмеры. В таком же плане, но в целом ряде других направлений, действуют маоистские организации против рабочего движения и международной солидарности подлинно революционной молодежи.

Ситуация, при которой маоизм относительно легко проникал в ряды молодежи и студенчества, облегчалась деятельностью псевдореволюционного движения так называемых «новых левых», основанного на идеях Герберта Маркузе. Он выдвинул теорию

«радикальной революции», которую лишь один шаг отделяет от «перманентной революции» Троцкого и маоистов.

Правящие круги западноевропейских стран видели в промаоистских организациях своего рода союзника в борьбе против демократических сил. Пекинские лидеры в свою очередь действовали в унисон с политикой правящих классов капиталистических стран, содействовали созданию молодежных групп при так называемых «марксистско-ленинских» партиях, которые слепо шли по стопам политики Пекина. Например, при «марксистско-ленинской партии Германии» в ФРГ образовалась молодежная организация «Красная гвардия», в Западном Берлине — так называемый «Коммунистический союз студентов», в Скандинавских странах — «Социалистическая лига молодежи марксистов-ленинцев Норвегии», шведская молодежная организация «Кларта», в Италии — «Красная звезда» и «Красные бригады», в Индии — «Студенческий координационный комитет коммунистов-революционеров» и т. д. Характерной чертой всех маоистских групп, в том числе и молодежных, является то, что все их взгляды и концепции пронизаны антисоветизмом.

По тактическим соображениям маоисты со временем перестали критиковать Всемирную федерацию демократической молодежи (ВФДМ) и Международный союз студентов (МСС) и стали проводить дифференцированную политику в отношении молодежных организаций социалистических стран. В начале 70-х годов они устанавливали отдельные контакты с молодежными организациями Албании, КНДР и др. Китайские представители даже участвовали в общегосударственной конференции Социалистической молодежи в Чили в 1971 г., а в 1972 г. приняли делегацию этой организации в Пекине, что, однако, не помешало им в 1973 г. «забыть» слова о дружбе и сотрудничестве, произнесенные ими на конференции. Чилийская молодежь не получила вообще от «китайских представителей» абсолютно никакой поддержки в своей борьбе против военной хунты. Наоборот, Пекин сегодня поддерживает хунту и морально, и материально.

Все акции промаоистски настроенной молодежи направлены на проведение различных провокаций, наносящих вред рабочему движению, забастовкам и борьбе студентов за демократизацию университетов. Эти группы неизбежно становятся союзниками сил, борющихся против демократии и социализма. Хаос, который вызывают своей деятельностью маоистские группки, представители власти пытаются использовать для обоснования репрессий в отношении демократических сил, прежде всего коммунистических партий и профсоюзов. Так было, например, в Италии, ФРГ, Канаде и в других странах. Эти акции против прогрессивных сил облегчали властям задачу проведения антикоммунистической пропаганды.

На рубеже 60-х—70-х годов и особенно в начале 70-х годов произошли значительные качественные изменения в соотношении сил между социализмом и капитализмом. Капитализм все более охватывался всеобщим кризисом, что особенно наглядно проявилось в 1974—1975 годах. Этот кризис постепенно приобретал всемирный характер в масштабах капиталистического мира. Он безжалостно бьет по жизненным интересам трудящихся масс Запада и других стран, зависимых от капиталистических монополий. Но одновременно в сознании трудящихся происходит значительный сдвиг в пользу коммунистических идей. В результате углубляется полярность различных идейно-политических концепций и направлений, которые выкристаллизовываются, дифференцируются; намного четче, чем раньше, открывается их классовая сущность. Наряду с прежними, уже известными направлениями традиционного социал-демократизма и буржуазного реформизма, с их без труда распознаваемыми тактикой и стратегией саботажа классовой борьбы, все чаще появляются такие уже известные неоконсервативные и неофашистские течения, которые даже не пытаются скрывать своих намерений безоговорочно поддерживать империализм любыми и опять же известными средствами. Эти крайне реакционные направления используют в отношении рабочего класса различные формы социальной демагогии или стараются подорвать его изнутри. За несколько последних лет появился целый ряд теорий,

утверждающих, что рабочий класс как таковой уже перестал существовать, что по крайней мере он дифференцируется и что в его рядах наблюдается постоянный рост представителей так называемой рабочей аристократии. Эти прокапиталистические, крайне реакционные теории, по замыслу их авторов, должны внести раскол в ряды трудящихся и противопоставить их друг другу.

Крайне регрессивное воздействие на революционное движение в мире оказывает маоизм, экспансивный шовинизм правящей верхушки КНР. Он является ярким примером скатывания от левой фразы к союзничеству с самыми реакционными кругами империализма и неофашизма. В Западной Европе в маоизме преобладают совершенно иные черты, чем в Китае, хотя это также анархические, неотроцкистские, левацкие псевдорадикальные и «ультрареволюционные» направления. Маоизм проявляется в первую очередь в различных разновидностях «новых левых», основанных на псевдорадикальной теории «перманентной революции» Маркузе.

Левачески настроенная западноевропейская и американская молодежь, объединившаяся вокруг так называемых «новых левых» («New Left»), не имеет ясного представления о маоизме и понимает его часто по-своему. Она заимствует у маоистов отдельные внешние черты (например, одежду), принцип уравнительности и другие и считает это сутью маоизма. Говоря другими словами, сущность подменяется внешними атрибутами.

Как уже было сказано, идейным истоком «новых левых», по крайней мере при их зарождении, явилась теория «радикальной революции» представителя «франкфуртской школы» Герберта Маркузе. При анализе этого понятия можно легко заметить, что «радикальное» здесь приравнивается к «мелкобуржуазному», что теория Маркузе содержит характерные черты мелкобуржуазного экстремизма.

«Новые левые», как движение преимущественно студенческой молодежи, несли в себе заряд интеллектуализма, крайнего индивидуализма, анархизма и элитаризма. В маоизме, особенно в самом Мао Цзэдуне, «новые левые» видели образец для подра-

жания и искали у них ответы на сегодняшние проблемы, которые множатся в связи с экономическим кризисом.

Однако радикализм и деструкция не давали какого-либо решения. Принцип разрушения вел к другим пагубным и ошибочным теориям. Понятно, что в подсознании этой молодежи отражался характер современного капиталистического общества, но методы, которыми она хотела решать проблему, заводили ее в тупик. Радикализм, деструкция и анархизм являются обратной стороной индивидуалистического интеллектуального взрыва, сопротивления обществу, в котором интеллигенция эксплуатируется наряду с рабочими. Понимание совместной опасности и ненадежности своего положения объединяет сегодня на Западе все большее количество молодежи в общее движение, приводит к сознанию необходимости единства действий с рабочим классом.

Демонстрации и волнения, которые охватили целый ряд западноевропейских стран в 1968 г., были самыми крупными выступлениями, предпринятыми «новыми левыми». Эти возмущения вылились, с одной стороны, в студенческие требования реформы в области образования, а с другой,— в радикальные требования провести революционные преобразования всего общества. Возведение баррикад в Париже, бои с полицией, захват Оперы и т. п.— все это были, скорее, хаотические акции, которые не имели шансов на успех, поскольку к движению не присоединилась значительная часть рабочих. Также безуспешно закончились выступления и в Западной Германии, так как их участники не имели ясной концепции и необходимого для борьбы единства действий. И хотя западноберлинская молодежь добилась удовлетворения некоторых своих требований (что явилось заслугой прежде всего самой радикальной ее части под руководством Руди Дучке), однако с подлинной революцией эти действия не имели ничего общего. Сплошная неопределенность, хаос, одни и те же методы анархистов под прикрытием маоистского коммунизма. Почти везде отсутствовала связь с рабочим классом, и, таким образом, указанные акции превратились в отдельные мелкобуржуазные бунты, локальные

схватки с полицией, демонстрации ради демонстраций.

Все эти выступления характеризует ограниченность революционной перспективы, недостаточная ясность в тактике и стратегии классовой борьбы. Поэтому данные акции не имели шансов на успех, их можно было без труда подавить, а их организаторов — легко ликвидировать. Делу рабочего класса и международного коммунистического движения выступления «левых» в 1968 г. нанесли вред прежде всего тем, что их инициаторы выдавали себя за коммунистов, в то время как с коммунизмом они не имели ничего общего.

Маоистский настрой этих групп — только поза. От маоизма они брали лишь то, что им выгодно, то, что о нем вычитают. Редко кто из членов знал маоизм по собственному опыту. Их иллюзии весьма трудно поддавались разоблачению, так как было не известно, против чего бороться. Это были сплошь пустые лозунги, фразы, большинство людей не знало, ни что такое маоизм, ни что такое марксизм. Для них основа всего — бунт, разрушение всего того, что они видят перед собой. Что будет потом, их нисколько не интересовало. Когда, например, голландский «Провос» (одна из групп хиппи) громил на площади Амстердама антикварные лавки, то вообще не ведал зачем. Было ли это слепым подражанием уничтожению культурных ценностей, подобно хунвэйбинам, или только псевдопротест «любой ценой»? Подобных примеров можно привести еще целый ряд. Для них были характерны неуясненность требований и цели, мелкобуржуазность и экстремизм, индивидуализм, что в своей совокупности давало хаотичность.

«Новые левые» во всех своих разновидностях практически не вооружены теорией. Теорию можно найти только у тех из них, кто учится в университетах. Вне университетов начинается, как об этом написал бы Маркс, хаос в головах и сердцах. Ведь каждое время имеет своих радикалов, наше в этом плане не является исключением. Пока же эти радикалы скользят по верхам модных и быстро плодящихся взглядов, а затем шарахаются из стороны в сто-

рону и ничего общего с подлинной революцией не имеют.

Маоизм также явился для молодых людей Европы и США только одним из модных направлений. О нем много писали, но мало знали. Фантазии не было границ, каждый мог думать, что хотел. «Новые левые», таким образом, являются эклектическим объединением различных форм анархизма, троцкизма, маоизма, «радикальной» революции т. п. Однако такое эклектическое объединение не эффективно.

Герберт Маркузе, духовный вождь и отец «новых левых», являющийся современником Адорно, Эриха Фроммы и других представителей так называемой «франкфуртской школы», который во Франкфурте получил образование и там работал, сейчас уже ряд лет находится в США. Это отразилось на его взглядах на европейскую действительность. Ряд проблем он уже видит глазами американца. Поэтому он не имел, да и не мог иметь в Западной Европе такую известность, как в США. То, что казалось радикальным в Соединенных Штатах Америки, не казалось таким в Западной Европе. Молодежь США выдвинула ряд искусственных проблем, ее же вожди старались скрыть действительные проблемы американского империализма, в том числе специфические вопросы расовой дискриминации. И хотя псевдорадикализм и деструкция вели к организации массовых демонстраций, к которым примкнули и дискриминируемые «цветные», существенного эффекта эти акции не принесли. «Радикальные» революционеры разочаровались и отошли от Г. Маркузе, а в поисках вдохновения обратили свои взоры на маоизм.

В Соединенных Штатах Америки о маоизме были информированы, так как маоистское влияние проникало сюда через местных жителей китайского происхождения. Это воздействие часто организовывалось непосредственно маоистским руководством, стремившимся разложить сознание американских трудящихся. Однако маоизм и здесь остался локально ограниченным, проявившимся только частично, особенно у студенческой молодежи. До непосредственно маоистских практических акций здесь не дошло. Маоизм

включился в один фронт с движением так называемых «черных пантер» и воспринимался как одна из ответных концепций «цветных». Студенческая молодежь и хиппи, испытывая давление экономического кризиса, вскоре отказались от слишком радикальной ориентации. Тем не менее маоистское влияние здесь сказывается на их настроении.

В Европе ситуация пока иная. Радикализм общественных выступлений привлекает сегодня тысячи безработных молодых людей. В условиях хаоса они не могут получить правильной ориентации, выбрать действительно революционный путь, то есть прийти к марксизму-ленинизму и мировому коммунистическому движению, и это вынуждает их принимать псевдонаправления, испытывать влияние маоизма, хотя речь может идти, как уже было отмечено, только о сплошных иллюзиях.

Влияние маоизма наблюдается также в различных промаоистских «коммунистических» партиях, которые выросли как грибы после дождя и которые также идут неизвестно куда. Однако их отношение к западноевропейской молодежи, равно как и рабочему классу на Западе, является пренебрежительным.

Сегодня молодежь Западной Европы все больше отходит от маоизма и ищет новые пути политического самовыражения. Именно реальный социализм и его научная теория — марксизм-ленинизм — будут завоевывать на свою сторону все больше сторонников. Все больше молодых людей на Западе изучают эту теорию, только она может вывести трудящихся из хаоса эксплуатации и дезориентации. Маоизм, следовательно, утрачивает свои позиции и свое влияние, он дискредитирован, ему уже мало кто верит. Псевдорадикализм не убеждает.

При всех различиях в степени отхода от марксизма-ленинизма и разности проявлений этого отхода, при всех различиях идеологического колебания здесь существует общая основа. Ею является прежде всего мелкобуржуазный национализм. На передний план выступают националистические предрассудки, терпимость к мелкобуржуазным националистическим пережиткам и т. п.

В этой связи следует обратить внимание на некоторые особенности социально-политической сущности и тактики маоизма.

Изучение особенностей и развития маоизма показывает, что в его истории проявлялась, как уже было сказано, тенденция суживания его социальной базы. Те политические силы, группы и отдельные деятели, которые брали на вооружение идеологию маоизма, чтобы руководствоваться ею в практической деятельности, и пытались выработать новые маоистские положения, через какое-то время становились их жертвами из-за банкротства и неудач в практической политике. Они сами постепенно осознают всю несостоятельность такой практики и становятся идейными противниками маоизма. Об этом свидетельствуют примеры с Лю Шаоци, Чжан Вэньтянем и другими в самом Китае.

Маоизм в своей сущности иррационален, и поэтому для обработки народа в духе своей идеологии он должен обманывать массы и вести себя фарисейски, использовать националистический фанатизм, безграмотность народа и его религиозность. Не случайно маоизм как огня боится науки и образованности, боится интеллигенции.

В политической деятельности пекинских руководителей четко видна мелкобуржуазная сущность маоизма, проявляющаяся в игнорировании моральных критериев в политике, неразборчивости в средствах, в псевдорадикализме. Действительность последних десяти — пятнадцати лет показывает, что маоисты, как и все мещане, очень боязливы и подвержены шатаниям из одной крайности в другую, совершают глупости, а когда пытаются доказывать собственную истину, то недостаток аргументов компенсируют надменным самовосхвалением, ссорами и бранью.

Если говорить о методах, с помощью которых они дискутируют со своими идеологическими противниками, то для них характерны мещанская неразборчивость в средствах, извращения фактов, фальсификация, вероломство и крайняя жестокость.

В любой дискуссии маоистов меньше всего интересует достижение истины: для них важно «спасти лицо», победить в споре, перекричать, словесно высечь

противников одного за другим. Поэтому вся тактика ведения дискуссии сводится к дискредитации противника любыми средствами.

Например, в личном письме своей супруге Цзян Цин, ставшем широко известным за границей, Мао Цзэдун в полной мере обнажил свое коварство. Из письма видно, что Мао мог даже всенародно поощрить, расхвалить того или иного деятеля и в то же время собирать на него компрометирующие данные и таким образом втайне готовить для него ловушку. Сам Мао эту свою деятельность делил на этапы:

— «подбрасывать камни и подсыпать песок»,

— «подкапывать углы дома»,

— «вызывать ветер и дождь, которые должны подмыть дом противника и помочь ему рухнуть».

Можно верить или сомневаться в истинности утверждения Линь Бяо о Мао Цзэдуне, содержащегося в так называемых «Тезисах об объекте 571», но характеристика методов властвования Мао здесь дана достаточно точно.

а) «Председатель Мао не настоящий марксист-ленинец, наоборот, он является самым большим феодальным деспотом в истории Китая, внешне маскирующимся под марксиста-ленинца, но правящим методами императора Цинь Шихуана.

б) Мао сегодня использует одних людей для ударов по другим, а завтра использует этих других для нанесения удара по первым. Мао не только натравливает кадровых работников и массы друг против друга, но и одну войсковую часть против другой, создает противоречия и сеет раскол, чтобы добиться своих целей с помощью принципа «разделяй и властвуй», «разбить всех и вся», Мао — самый главный провокатор вооруженной борьбы.

в) Мао всегда в определенный период перетягивает на свою сторону одну силу с целью ударить по другой; то же с людьми, о которых он сегодня поет сладкие песни, а завтра обвиняет их в невообразимых преступлениях и ликвидирует их.

г) Один из работавших с председателем Мао, его секретарь, покончил жизнь самоубийством, другие были арестованы, а те немногие, которые были его друзьями, советниками и доверенными лицами, были

брошены в тюрьму. От его рук люди, которым Мао отводил роль козлов отпущения, гибли один за другим, словно бабочки, летящие на огонь.

д) Председатель Мао Цзэдун является маньяком, одержимым комплексом подозрительности и садизма. Его философия «переделки» людей неумолима. Если задумает кого-то «переделать», то не успокоится до тех пор, пока не обвинит человека в самом плохом, при этом грязную часть осуществления этого дела перекладывает на других».

Что касается его суровости и бесчеловечности, то все идеологические кампании маоистов можно сравнивать с методами «промывания мозгов», печально известных из империалистической действительности. Маоисты держат китайских трудящихся в состоянии изоляции от внешнего мира, от влияния мировой социалистической системы.

Если установить связь и сравнить бросающееся в глаза противоречие между теорией и практикой маоистской политики с тем, что маоисты говорят о себе, то нам ничего не остается делать, как в принципе отвергнуть этот метод, ибо он направлен на принижение и дискредитацию марксизма, сторонниками которого маоисты навязчиво выдают себя. Абсолютная бесчеловечность упомянутых методов находится в противоречии с гуманной исторической миссией марксизма-ленинизма и в международном масштабе ослабляет его позиции.

Мао Цзэдун, как пример политического и идеологического демагога, который готов на все, только бы удержаться во главе китайского государства, был как личность враждебен международному рабочему движению. Он вредил этому движению всей своей деятельностью.

Мы привели только малую часть характерных методов властвования Мао Цзэдуна и его группы, способов, с помощью которых они избавлялись от своих противников. Не все факты и аргументы мы знаем сегодня. Их проанализирует и вынесет им приговор история.

Тем не менее маоизм нашел на Западе некоторых поклонников и даже защитников. К ним принадлежит и бывший член ЦК Компартии Франции Р. Гароди,

На его счет следует отнести целый ряд деформаций маоизма, которые повлияли на западноевропейскую и отчасти американскую молодежь. Большая часть взглядов, выдаваемых за маоистские, ничего общего с ними не имеют. Маоистская этикетка должна была только придать им весомость в глазах псевдорадикальной молодежи. Это было нечто подобное тому, как в свое время Маркузе своим левым радикализмом (однако только на словах) побуждал западную молодежь к акциям, которые, в конечном счете, не только не увенчались успехом, но даже во многом ей вредили. Смесь всевозможных взглядов, которыми руководствовалось движение так называемых «новых левых», не могла никого серьезно, а главное, надолго захватить. Такая мешанина, скорее, могла только дезориентировать.

В это время со своими взглядами и требованием диалога с маоизмом выступает Гароди, тогда еще официальный идеолог Компартии Франции. Он стремится по-своему объяснить трудно понимаемое для европейского характера явление: дескать, в Китае происходят удивительные вещи, например, реализация «смелых идеалов», и что эти вещи возникают вопреки якобы устоявшимся, «общепринятым» положениям и т. п. В результате анализ общественного развития заменяется политическим маневрированием. Китайская коммунистическая партия, стало быть, отрывает экономические потребности от потребностей общечеловеческих, что в результате ведет к ошибкам.

Точка зрения Гароди по китайскому вопросу никоим образом не является однозначной, наоборот, она постоянно меняется.

Если посмотрим на взгляды Гароди поближе, то увидим неизбежность эволюции, которую они прошли. Это было не просто. Гароди оставил место ведущего марксистского теоретика и официального идеолога ФКП и перешел на позиции центризма, а позже занял прямо ревизионистские позиции, чтобы похоронить себя в безбрежном эклектизме.

В книге «Проблема Китая» Гароди исходил из объективных условий, которые, по его мнению, определяют специфику китайской «модели социализма». Эти условия созданы своеобразным историческим

развитием Китая и его существенно иной экономической структурой. В этом месте Гароди полемизирует с марксистской концепцией пяти основных исторических этапов, которым соответствуют и различные способы производства.

«Специфика китайской модели строительства социализма исходит прежде всего из экономической структуры и истории Китая»[46],— говорит Гароди. Фактически он стремится доказать, что в каждом районе мира есть специфические условия и что, следовательно, нет сомнения, что нельзя применять «догматически» теорию «пяти стадий». В этой связи он приводит понятие Маркса «азиатский способ производства» и характеризует его таким образом: «Что означает „азиатский способ производства" в понимании Маркса? Прежде всего, это форма перехода от примитивного коммунизма к классовому обществу. Затем — это совокупность присущих не западным обществам до XIX века особенностей, которые проявлялись в пережитках внутри некоторых общественно-экономических формаций (особенно в феодальном обществе). Своеобразие „азиатского способа производства" заключено в первоначальном смысле этого понятия — в том, что под ним подразумевается государство с такой формой эксплуатации, где еще не существует частной собственности, особенно на землю»[47].

Так Гароди ратует за то, чтобы признать право Китая на специфическое развитие на основе его отличного от других исторического развития и специфических национальных особенностей.

Маркс и Энгельс не разработали теории докапиталистических общественно-экономических формаций с такой последовательностью, как теорию капитализма, однако отмечали, что понятия «рабство», «феодализм» и «капитализм» требуют разработки специальных теорий, которые бы давали возможность понять общества, в которых развитие проходило специфически.

Маркс позже, особенно в «Капитале», разработал некоторые связанные с этим вопросы. Однако он не завершил полностью теорию развития общества,

в котором капиталистический способ производства не был преобладающим; необходимость иметь эту теорию в распоряжении появилась тогда, когда некоторые нации освобождались от колониального гнета и надо было им дать соответствующие концепции их дальнейшего развития. Полемика в международном рабочем движении и на страницах печати, теоретическое объяснение этих вопросов — все это вело к разнобою во взглядах и понимании. Гароди, конечно намного позже, присоединяется к дискуссии по этой проблеме.

В дальнейшей характеристике «азиатского способа производства» он опирается на заметки Маркса:

«1. Не существует частной собственности на землю. Маркс пишет: «Индивидуальная собственность на землю реализуется через общину». Собственником земли и организатором производства (речь идет о таких трудоемких работах, как сооружение плотин, оросительных систем и т. п.) является государство. Власть государственных чиновников, несмотря на то, что они сами землевладельцы, вытекает из занимаемых ими постов, то есть, по существу, как и при феодализме, связана с частной собственностью на землю.

2. Результатом этих экономических функций государства является особая форма классовых отношений: всеобщая подчиненность государству, характерная для «восточной деспотии», которую нельзя сравнить ни с рабством (предполагает особое отношение раба к господину, являющемуся его частным собственником), ни с крепостничеством (крепостные здесь — собственность государства, а не феодала — собственника земли; земельную ренту он отождествляет с налогами). Главным эксплуататором и одновременно деспотом выступает государство.

3. Сельские общины живут изолированно, так как не существует рынков, которые бы могли их объединить: эти общины, в которых промышленность (кустарного характера) тесно связана с сельским хозяйством, функционируют, в сущности, как закрытые системы, как замкнутые натуральные хозяйства»[48].

Моделью типа «азиатского способа производства» К. Маркс считал Индию, в которой эта система продолжала существовать в своем чистом виде до XVIII века, то есть до тех пор, пока не была уничтожена английскими колонизаторами.

Специфическая проблематика Китая оказалась от Маркса в стороне, он ею просто глубоко не занимался.

Гароди пишет, что «путь рассуждений о развитии внеевропейского общества, начатый Марксом, был прерван в 1931 г. не по научным соображениям, а по политическим (в узком смысле этого слова). Ленин защищал от догматизма Плеханова особенности истории Азии, желая объяснить этими особенностями некоторые тенденции царского деспотизма, а также внести ясность в современную политическую практику» [49].

Гароди здесь, в общем, четко противопоставляет политику науке.

В принципе он исходит из того, что на Востоке не существует собственности на землю. Вся земля здесь является собственностью главы государства. Азиатские деревни — это закрытые единицы, основой хозяйственного строя на Востоке является натуральное хозяйство, дополняемое трудоемкими коллективными работами, которые организует правительство.

Гароди прежде всего хочет доказать, что китайская «модель социализма» имеет право на существование уже только потому, что история Китая развивалась иначе, чем история Европы. Националистический и мелкобуржуазный крестьянский характер этой модели якобы обоснован совсем другими условиями, господствующими в этой части мира. Спор о путях к социализму и о различных «моделях социалистического общества», если не руководствоваться пролетарскими классовыми принципами, бьет мимо цели. Любое подыгрывание частным интересам или национализму приводит в конце концов к поражению революции. Гароди принципиально остается как бы на фиктивно центристской позиции. Не исключено, что ему импонировал китайский «золотой средний путь», который, однако, является не чем иным, как

в большей или меньшей степени удачным и чаще демагогическим маневрированием между противоположностями.

Р. Гароди был исключен из Компартии Франции в 1970 г. Критика его со стороны ФКП содержится в Сообщении Политбюро ФКП, опубликованном в газете «Юманите» 19 декабря 1969 г. Материалы с заседания ЦК ФКП и Центральной комиссии политического контроля ФКП напечатаны в этой же газете 21 мая 1970 г. В них говорится об исключении Гароди из рядов Французской коммунистической партии. Нас в этой связи интересует, какую роль сыграл маоизм в его перерождении.

Гароди и ему подобные приветствуют разрыв между Советским Союзом и Китаем, усматривая в этом возможность для различного рода спекуляций и в теоретической области.

Начиная со второй половины шестидесятых годов «продукция» Гароди содержит попытки обосновать ревизию основных идей марксистско-ленинской теории о прошлом и настоящем Китая. Наиболее концентрированным выражением этих попыток явилась уже упоминавшаяся книга «Проблемы Китая». Но само собой разумеется, что ревизию эту нельзя отделять от того, как Гароди понимал нашу эпоху и как он ее оценивает в остальных своих работах.

К «китайской проблеме» он подошел не случайно. «Культурная революция» со своей ясно обоснованной националистической и антисоветской ориентацией вызвала на Западе ряд вопросов. Речь, по существу, шла о том, насколько события в Китае закономерны.

В своих ответах на этот вопрос буржуазные идеологи даже при отрицательном отношении к экстремизму хунвэйбинов и цзаофаней в целом не скрывали своего удовлетворения развитием событий в Китае. Они оценивали их как закономерное явление, которое, якобы, возникло потому, что марксизм-ленинизм не соответствует условиям Китая. Шаткие и колеблющиеся элементы в рядах международного коммунистического движения, изумленные размахом антисоциалистических акций в ходе «культурной революции», не были способны разобраться в обстановке, которая сложилась в Китае. Они преувеличивали

роль и место указанных событий во внутренней общественно-политической структуре Китая и мировом революционном движении и усмотрели в этом повод для ревизии марксистско-ленинской теории о всеобщих закономерностях истории, для исключения Китая из данных закономерностей. Самым горячим защитником этого направления современного ревизионизма как раз и стал Гароди.

Исходным пунктом рассматриваемого вида ревизии марксизма-ленинизма является уже упоминавшаяся теория Гароди о так называемой догматичности пяти ленинских экономических стадий развития человеческого общества и введение концепции «азиатского способа производства».

В этой связи Гароди противопоставляет «схеме: рабство — феодализм — капитализм» четыре основные ступени исторического прогресса, которые сформулировал К. Маркс в предисловии «К критике политической экономии». Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [50].

Гароди стремится опровергнуть положение о том, что Маркс считал «азиатский способ производства» первой общественно-экономической формацией. Все его рассуждения в главе «Об азиатском способе производства» направлены на доказательство того, что Маркс будто бы не считал «азиатский способ производства» первой общественно-экономической формацией в «незападных странах», поэтому-де развитие в них отличалось «от схемы: рабство — феодализм — капитализм», которая действует только для Запада. Восток, согласно Гароди, в принципе развивается иначе, чем Запад. Другими словами: не существует общей закономерности в развитии Запада и Востока.

Маркс говорит о четырех ступенях исторического прогресса или формах общественного процесса производства: азиатской, античной, феодальной и капиталистической как о ступенях или формах антагонистического общества. Гароди избегает говорить о том, что Маркс сопоставляет капиталистическую форму с различными антагонистическими докапита-

листическими формами (азиатской, античной и феодальной) и оценивает их как законченную предысторию человеческого общества. «Буржуазные производственные отношения, — пишет К. Маркс, — являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [51].

Это деление на две противоположные общественные формации — предкапиталистическую и капиталистическую — подтверждают также следующие слова Маркса: «Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства» [52].

Гароди оставляет без внимания то, что Маркс считает «азиатский способ производства» первым только как одну из форм докапиталистического антагонистического общества. Он также не берет во внимание конспекты ответа Маркса на письмо В. И. Засулич, в которых Маркс дает определение первобытной общины как первой общественной формации.

Так как Гароди, собственно, отверг научную концепцию мирового исторического развития вообще, он отвергает ее и применительно к Китаю. Он настаивает на «исключительности», «специфичности» китайского пути, который якобы вычленяет эту страну из всеобщих закономерностей развития человеческого общества. Утверждает, что марксистскую теорию общественно-экономических формаций нельзя применить к Китаю в полном объеме.

Свой тезис о том, что на Китай нельзя распространить принятую последовательность эпох, Гароди далее пытается обосновать тем, что, как уже было сказано, именно в Китае не существовало рабства и, в сущности, не было ни феодального, ни капиталистического способов производства. Он категорически заявляет, что «действительно рабовладельческий способ производства, то есть такой, при котором бы

производство держалось в основном на плечах рабов, в Китае никогда не существовал». Феодальный способ производства можно применить к Китаю только в качестве «термина», так как якобы «китайская феодальная система глубоко отличается от любого классического феодализма». Далее Гароди отвергает, как «противоречащий исторической правде», вывод советских историков, что «китайское общество развивалось из первобытнообщинного строя к феодальному, пройдя через рабовладельческий способ производства»[53]. Это, дескать, применимо только для Западной Европы и Японии, в Китае же будто бы и капитализм-то существовал только на побережье.

Но если в историческом развитии Китая не было рабовладельческого и, как утверждает Гароди, в сущности, не было феодального и капиталистического строя, то напрашивается вопрос: какие способы производства были движущей силой развития китайского общества?

Гароди на этот вопрос отвечает так: «Развитие Китая проходило через «азиатский способ производства», который, как формация, существовал в Китае в «типичной форме» уже в период 1450—1050 годов до н. э. и вплоть до победы революции в 1949 г.»[54].

У Гароди речь идет о прямом переходе от «азиатского способа производства» к социализму. По крайне мере так получается. Тем самым, однако, не учитывались основные положения научной теории общественного развития — положения исторического материализма, а Гароди, таким образом, явно оставляет почву марксизма.

В этой связи логически возникает вопрос: при каком способе производства созрел Китай для социалистической революции? С точки зрения Гароди, переход к социализму в Китае ни в коем случае не был результатом развития внутренних противоречий капитализма. Наоборот, чтобы Китай мог от способа производства, имеющего, в сущности, докапиталистический характер, перейти прямо к социализму, он должен был перескочить капиталистическую стадию.

Гароди утверждает, что «в ходе трехтысячелетнего существования азиатский способ производства, а позже его пережитки не дали развиться в Китае

рабовладельческому способу производства в полном смысле слова и тем самым преградили путь для возникновения широко развитого рыночного хозяйства. Позже это отрицательно сказалось и на развитии феодальной системы, а затем и на формировании сильного класса буржуазии, способного инвестировать свой капитал в промышленность и достигнуть по-настоящему капиталистического развития»[55]. Гароди только повторяет Мао Цзэдуна, который уже в 1933 г. утверждал, что докапиталистический (феодальный) строй в Китае начался со времени династии Чжоу.

Следовательно, Гароди явно преувеличивает роль докапиталистических производственных отношений и считает, что развитие возможно без стадии капитализма. Таким образом, конечно, с его точки зрения, изменяется и характер китайской революции. Она не исключает капитализм как таковой, а знаменует собой в данном случае прямой переход от докапиталистической стадии производства к социалистическим отношениям. И опять в этом мы видим мелкобуржуазную точку зрения, которая недооценивает этапное развитие общества и преследует цель найти место для тех слоев общества, которые обычно стоят в стороне от революции: для мелкой буржуазии, мелких производителей.

То, что развитие в Китае протекает весьма специфически, отмечал уже Коминтерн. Например, 7 пленарное заседание Исполкома Коммунистического Интернационала (ноябрь — декабрь 1926 г.) указывало на необычную разнородность укладов в Китае, «начиная от финансового капитала и кончая экономическими пережитками патриархально-родового характера, при преобладании различных форм торгового капитала и мелкоремесленной и кустарной промышленности в городе и в деревне... Экономика китайской деревни представляет картину теснейшего переплетения многочисленных пережитков полуфеодального характера с элементами развивающегося капитализма»[36].

VI конгресс Коминтерна включил большое количество стран, в том числе и Китай, в состав колоний и полуколоний. В их экономике и политической над-

стройке в основном преобладали феодальные средневековые отношения, тем не менее это были страны «иногда и со значительно развитой промышленностью»[57], в которых наблюдалось укрепление «элементов капиталистического промышленного развития»[58], причем «капитализм, охвативший колониальную деревню своей налоговой системой и своим торговым аппаратом», совершил «переворот в докапиталистических отношениях»[59] и тем самым ликвидировал деревенскую общину. Однако это не означало, что деревня избавилась от докапиталистических пут. Ее угнетение продолжалось.

В преувеличении значения докапиталистических производственных отношений Гароди солидарен с маоистами. Они также видят в докапиталистическом развитии прямой источник китайской революции и этим обосновывают ее специфику. Преувеличивая значение крестьянского движения, они в то же время недооценивают роли рабочего класса как авангарда пролетариата. Далее Гароди развивает ревизионистский тезис о ненужности диктатуры пролетариата и утверждает, что, поскольку борьба за социализм в Китае опиралась на «динамизм антифеодального и национального крестьянского движения», в Китае руководящей силой являлась Красная армия, «воспитанная в духе принципов марксизма-ленинизма». Гароди утверждает, что руководящая роль в революционной борьбе рабочему классу и его политическому авангарду — коммунистической партии — принадлежит только в развитых капиталистических странах. В странах типа Китая он в качестве руководящей революционной силы выдвигает крестьянскую армию. При этом аргументы для такой подмены он берет из опыта Китая.

Так как Китай смог перейти от докапиталистического этапа непосредственно к социализму, минуя капитализм, то и проблема строительства социализма здесь выглядела, стало быть, совершенно иначе.

Чтобы доказать это, Гароди грубо фальсифицирует выступление В. И. Ленина на II конгрессе Коминтерна летом 1920 г. Он утверждает, что когда В. И. Ленин говорил о возможностях перехода от феодализма к социализму, то находил возможным

для такого перехода «иную концепцию государства и партии». И это, подчеркивает Гароди, равносильно признанию «закономерности специфической модели». Гароди приписывает Ленину то, что он изменил классовое содержание «государства диктатуры пролетариата», и утверждает, что Ленин, дескать, считал, что «в восточных странах», где промышленный пролетариат является только незначительным меньшинством, диктатура пролетариата заменяется диктатурой «крестьянской бедноты» [60].

Такое объяснение ничего общего не имеет с ленинской формулировкой вопроса о возможностях перехода отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Ленин, говоря о возможностях перехода отсталых стран к социализму, никогда не подменял диктатуру пролетариата диктатурой крестьянской бедноты.

У Гароди в определенной степени вызывают восхищение китайские методы политической борьбы: «большой скачок», «народные коммуны» и «культурная революция». Огромное внимание он уделяет «культурной революции», этому самому концентрированному проявлению глубокого отхода китайских руководителей от теории и практики научного коммунизма. В целом он оценивает «культурную революцию» положительно. «Как ни велики были эксцессы культурной революции,— утверждает он,— ее основы нельзя осуждать, так как это был трудный, но необходимый этап строительства социализма в Китае» [61]. Необходимость этого «этапа» он видит прежде всего в миссии «культурной революции», заключающейся в том, чтобы «разбить волшебство... зарубежных образцов» [62], что как таковая «культурная революция» «не слишком далеко стоит от марксизма» [63]. Гароди не находит антимарксистским даже тот факт, что «партия не считалась единственным субъективным фактором революции» [64], что она была разгромлена и ее роль передана молодежи. Эту троцкистскую версию подмены партии молодежью Гароди называет «обращением к исторической инициативе масс» [65]. Как видим, Гароди последователен в защите идеи замены руководящей роли рабочего класса и его партии руководящей ролью мелко-

буржуазных масс. До победы революции в Китае он этой ролью наделяет китайскую крестьянскую Красную армию, после победы революции — опять армию, которая воспитывает «людей в духе классовости и партийности», хунвэйбинов и цзаофаней. Здесь наблюдается тождество взглядов Гароди и Мао Цзэдуна на роль молодежи в революции. Выступая 4 мая 1939 г., Мао Цзэдун утверждал, что молодежь играла «роль авангарда» и «вождя» китайской революции [66].

Постепенно в теоретической деятельности Гароди все более усиливается тенденция недооценки руководящей роли компартии, и чем дальше, тем более на передний план выдвигается роль молодежи. Об этом свидетельствует дальнейшая эволюция в его взглядах. В его книге «Альтернатива» молодежь является существенной составной частью «нового исторического блока», который должен обеспечить развитие человечества на этот раз вне рамок социализма и капитализма и в то же время не через так называемый «третий путь». Альтернатива гласит: или дальнейшее развитие, или гибель человечества. Это произведение является абстрактно-гуманистическим призывом к сознанию мелкобуржуазных интеллектуалов, которые находятся в оппозиции к революции из-за своих пацифистских утопических настроений и которые «борются» против насилия революции фактически потому, что хотят сохранить свое привилегированное положение.

Гароди пытается раздробить единство социализма и марксистской идеологии на «множество моделей» и тем самым оправдывает антисоветские процессы в Китае.

Эти процессы являются для него доказательством того, что Китай не был подготовлен к переходу к социализму в рамках всеобщих закономерностей, что его общественно-экономическая структура якобы не созрела для этого.

Социалистическую революцию в Китае Гароди объясняет не внутренним объективным ходом развития китайской революции, а внешними факторами. Он говорит о том, что социалистическая революция была навязана силой, по «чужому образцу»,

«экспортирована» из Советского Союза. «Советская модель», объясняет Гароди, не соответствовало незрелым общественно-экономическим условиям страны и этим несоответствием надо объяснять факт сопротивления чужим образцам, в данном случае «образцам» Советского Союза.

А если так, то китайская модель строительства социализма, которая якобы показала свою прочность в ходе «культурной революции», есть закономерное явление, подтверждающее специфику строительства социализма в Китае. Гароди оправдывает националистическое великодержавно-шовинистическое направление «китайской модели», острие которого обращено против мирового рабочего и коммунистического движения, против содружества социалистических стран во главе с Советским Союзом.

Гароди клеветнически обвиняет КПСС и Советский Союз в «злостной кампании» против Китая, главным содержанием которой, по его облыжным утверждениям, является пропаганда положения о том, что «Китай уже не социалистическая страна» [67].

Гароди весьма по душе разрыв между Советским Союзом и Китаем. Для него это возможность свободной спекуляции рассуждениями о развитии человечества по своему представлению. Абстрактно-гуманистические тенденции ведут Гароди к диалогу со всеми, кто не является марксистом.

«Проблема Китая» не что иное, как еще один диалог Гароди, на этот раз с маоистами. Для него хороши все, лишь бы выступали против советской «модели». Позже антисоветизм Гароди проявляется гораздо интенсивнее и в менее замаскированной форме. Имеется в виду особенно его позиция в «Альтернативе» и, конечно же, в его последней книге «Лозунг и человек». Красной нитью здесь проходит обоснование самостоятельного национального развития. Речь идет о том, чтобы разбить международный рабочий класс и таким образом получить возможность начать все заново с мелкобуржуазных абстрактно-гуманистических позиций.

Гароди представляет мировое коммунистическое движение как конгломерат политических партий с самыми различными «моделями социализма» и

«идеологиями» марксизма и доводит его в своих умствованиях до сектантской, идейной и организационной изоляции, навязывает национальный эгоизм и национальную ограниченность, что в принципе противоречит марксистско-ленинскому пониманию принципов интернационализма. «Теория» Гароди наносит огромный вред мировому коммунистическому движению и, наоборот, укрепляет позиции капиталистов в борьбе против социализма.

Гароди благословляет китайских руководителей на ревизию единой сущности социализма и марксистско-ленинской идеологии, на раскол мирового рабочего и коммунистического движения и заявляет, что было бы лучше, если бы Китай помогал остальным странам, в том числе и социалистическим, познать смысл китайской действительности, что позволит им лучше осознать необходимость различных моделей социализма и различных критериев развития, необходимость отвергнуть ценности и формы цивилизации и социализма в западном «мире» [68]. Гароди советует «заняться сравнительным исследованием различных зарубежных экспериментов и создать модель социализма, которая бы соответствовала требованиям нашего времени» [69].

Все рассуждения Гароди по «китайскому вопросу» сводятся к одному: подтвердить закономерность «множества моделей социализма» и «идеологий» марксизма. И в этом он заодно с теорией и практикой группы Мао Цзэдуна.

Под предлогом решения «китайской проблемы» Гароди ревизует основные положения научного коммунизма о единой сущности социализма и идеологии марксизма-ленинизма.

Методологической основой этого решения Гароди является плюрализм — идеалистическое направление в буржуазной философии и социологии, представляющий мир как множество изолированных явлений без определенной единой сущности и, следовательно, попирающий объективные законы развития общества.

Такая методология у Гароди становится основой для ревизии марксистско-ленинской концепции перехода от капитализма к социализму и строительства

социализма. При этом он отрицает марксизм-ленинизм как идеологию, интернациональную по своему характеру. Указанная методология — причина его утверждений о правильности и даже закономерности различных региональных и национальных «моделей социализма» — восточной и западной, азиатской и европейской, советской, югославской, чехословацкой, французской и китайской.

По Гароди, социализм и идеология научного коммунизма видоизменяются в зависимости от географического положения и национальной принадлежности, и подчеркиваются их принципиальные различия [70].

Спор с Гароди — отнюдь не академическая дискуссия, в ходе которой не касаются острых политических проблем современности. Наоборот, ревизия Гароди основных идей марксизма-ленинизма затрагивает такие главнейшие вопросы нашей эпохи, какими являются ее содержание, характер и главные революционные силы.

Гароди претендует на роль теоретика и оригинального интерпретатора «китайской проблемы». Однако изучение его главных работ последнего времени по китайской тематике убеждает нас только в том, что с теоретической точки зрения он представляет правое крыло современного ревизионизма и скрывает свой отход от научного коммунизма эксплуатацией марксистско-ленинской фразеологии.

Его оценка процессов в Китайской Народной Республике во многом повторяет не только взгляды буржуазных идеологов, но сходится с маоистскими взглядами. Так он становится союзником Мао Цзэдуна и пропагандистом его идей. Он является сторонником националистической, антисоветской платформы китайских лидеров, их стремления расколоть мировое коммунистическое движение, страны социалистического содружества, оторвать их от Советского Союза и КПСС.

Особый этап в теоретической деградации Гароди представляет упоминавшаяся книга «Альтернатива». Именно здесь он обосновывает отличие своей «теории» от марксизма-ленинизма и прокламирует свой ревизионизм.

Уже говорилось, что в «Альтернативе» Гароди пытается создать концепцию так называемого «третьего пути», то есть концепцию компромисса между социализмом и капитализмом, хотя сам он это и отрицает. Но как же иначе можно квалифицировать все то, что утверждает он в своей книге? В конце концов, не так уж важно название вещей, как то, что фактически подразумевается под этим названием. Ясно, что Гароди ищет какую-то третью концепцию, которая не была бы ни социализмом, ни капитализмом. При этом он исходит из положения, что все человеческое общество находится в кризисном состоянии. Размах кризиса, по Гароди, настолько велик, что его уже нельзя разрешить известными традиционными средствами, в том числе и через революцию. Надо, мол, провести изменения во всей структуре человеческого общества как можно раньше и во всем мире. Речь якобы идет не только об имущественных отношениях и изменениях в сфере власти, но и об изменениях в культуре, в воспитании, в религии. Следует радикально изменить весь образ жизни.

Далее Гароди утверждает, что нельзя постоянно только отвечать на старые вопросы, что надо изменить и сами вопросы. Радикально новые вопросы может будто бы задавать прежде всего молодежь. В этом состоит ее главная функция, если подходить ко всему глобально, с общественной точки зрения. Вопросы должны быть не только новыми, но и правильными. Во всех направлениях надо будить творческую фантазию.

Гароди хочет, как сам заявляет, создать такую новую концепцию цивилизации, которая будет пронизана небывалым духом. Этот дух появится вместе с так называемым «новым историческим блоком», то есть в ходе последовательного массового включения интеллигенции в рабочий класс. Изменение структур содержания социализма и всей культуры будет означать переход к рабочему самоуправлению. Раньше Гароди в своей теории опирался на некоторые основные аспекты китайской «культурной революции», однако в «Альтернативе» он использует взгляды и

югославских авторов, аналоги которых в 1968 г. появились и в Чехословакии.

По мнению Гароди, социализм, основанный на самоуправлении в форме рабочих советов предприятий, и ничем не ограниченная рыночная конкуренция якобы будут вести к принципиальным изменениям в характере сознания людей, строящих социализм. Таким образом, налицо смешение маоистской концепции с концепциями югославского «Праксиса»*, с французским ревизионизмом в интерпретации Гароди.

Далее, мол, уже нельзя удовлетворяться ни простым осуждением религии как опиума для народа, ни позитивистским направлением атеизма. Разложение традиционного христианства и традиционного марксизма будто бы сегодня дает возможность вести диалог между верой и революцией, между верой и научным пониманием общества.

Удивительно, что Гароди, не задумываясь, смешивает марксизм с христианством, точно так, как перед этим, так же не задумываясь, он связывал марксизм с «суперреволюционным» маоизмом. И это, бесспорно, подтверждает ту истину, что «левый» радикализм и «левое» сектантство, собственно, сливаются с правым оппортунизмом. Гароди этого никогда не признает, но зато всегда реализует в своей практике. Его новая концепция «всемирного» общества, его «альтернатива» являются не чем иным, как компромиссом правого с «левым», попыткой добиться классового примирения.

Гароди ратует не только за борьбу против капитализма, но одновременно он призывает восстать против «бюрократизма и деспотии», носителями которых якобы являются и социалистические страны. Главной силой этих выступлений должна быть прежде всего молодежь, действительно бунтующая всюду, где для этого созрели условия. Наглядным тому примером, утверждает Гароди, может служить прежде всего китайская «культурная революция».

---

* Журнал, издававшийся в г. Загребе до 1974 г. — *Прим. ред.*

Молодежь, по Гароди, борется не только в социальной, экономической и политической областях, но одновременно и в сфере эстетической. Так как ее не удовлетворяет существующая действительность, она, естественно, стремится или к радикальным переменам, или впадает в депрессию, пассивность, прибегает к наркотикам и т. п. Свои идеалы сегодняшняя молодежь находит в основном в странах так называемого «третьего мира» в лице, например, Мао Цзэдуна или Лумумбы, Че Гевары, Анджелы Дэвис и др. Склонность молодежи находить идеалы в этих странах ведет, в частности, к преувеличенному восхищению маоизмом или, скорее всего, тем, что о нем говорится на Западе.

С точки зрения Гароди, радикальных изменений современного положения в мире можно достичь при помощи «культурной революции». Социализм будто бы нельзя характеризовать только фактом обобществления собственности. Он характеризуется одновременно и обобществлением поведения, власти и знаний.

«Культурная революция» в Китае, с точки зрения Гароди, являлась прежде всего наступлением на партийный аппарат и на ту модель социализма, которую олицетворял этот аппарат. Капиталистическое государство нельзя преобразовать иначе, как разбить его государственный аппарат. Точно так же, утверждает Гароди, нельзя исправить закостенелый бюрократический аппарат партии. Он должен быть просто устранен. Переход всей экономической и промышленной жизни в руки истинных специалистов дал огромный экономический эффект, пишет Гароди в «Альтернативе». «Впервые опубликованные за десять лет результаты (18 млн. т стали и 20 млн. т нефти, не считая достижений науки) вызвали удивление в мире, так как Китай более 10 лет не получал никакой поддержки ни от Советского Союза, ни от капиталистического мира» [71]. Кроме этого, мол, всяческой похвалы заслуживают успехи китайской аграрной политики и успехи в перестройке китайского общества.

Гароди в «Альтернативе» развил свою совершенно некритическую промаоистскую концепцию. Он

готов «не замечать» любые недостатки маоизма, а потому его полемика с остальными странами социализма неубедительна и часто не подкреплена аргументами. Тем не менее взгляды Гароди имели широкий отклик, особенно среди молодежи. Поэтому их требуется разоблачать гораздо более активно, чем до сих пор, аргументированнее вскрывать их ревизионистский характер, их антисоветскую и антисоциалистическую направленность.

Борьба вокруг печального наследия

После смерти Мао Цзэдуна минуло более четырех лет. За этот период в определенной мере обозначились позиции и политический курс нового руководства. Сегодня характер пекинской политики ясен во многих актуальных вопросах. Необходимо констатировать, что лидеры КПК и не думают расставаться с маоистским наследием, критически оценить все губительные маоистские постулаты и вернуть страну на путь научного социализма. События, происшедшие в КНР в сентябре — октябре 1976 г., имеют сходство с дворцовым переворотом, который вначале ограничился устранением некоторых политических деятелей и их приверженцев, но не привел к коренным изменениям в политике.

Сегодня уже совершенно ясно, что смерть Мао Цзэдуна не означала автоматической гибели маоизма, этой враждебной марксизму-ленинизму идеологии. Поспешное издание пятого тома сочинений Мао Цзэдуна, публикация 1 мая 1977 г. статьи Хуа Гофэна, имеющей программный характер, его принципиальное выступление на всекитайской конференции по изучению опыта дацинских нефтяных промыслов 9 мая 1977 г. свидетельствовали о том, что новое китайское руководство было намерено следовать

курсом, завещанным Мао, взяло обязательство вести Китай по маоистскому пути. Деятели, которые оказались у власти, как и раньше, занимают одинаково националистическую, великодержавно-экспансионистскую и гегемонистскую позиции.

Пекинское руководство после смерти Мао сформулировало и провозгласило основные цели и направления внутреннего развития КНР. Они содержались в выступлениях лидеров и в официальных документах, в том числе в «Обращении ЦК КПК, Постоянного комитета ВСНП, Государственного совета КНР и Военного совета ЦК КПК ко всей партии, всей армии и народу всей страны» от 9 сентября 1976 г. (в связи со смертью Мао Цзэдуна), выступлении Хуа Гофэна 25 декабря 1976 г., его статье от 1 мая, выступлении 9 мая 1977 г., решениях, опубликованных от имени ЦК КПК, и в общих редакционных статьях трех редакций — органов ЦК КПК «Жэньминь жибао», «Хунци» и газеты НОАК «Цзефанцзюнь бао». Программное значение придавалось также повторно опубликованным работам Мао Цзэдуна, которые были специально отобраны и отредактированы.

При определении направления внутреннего развития КНР в руководстве не были устранены противоречия, касающиеся степени исправления курса, проводившегося при Мао Цзэдуне, как не были устранены и противоречия, касающиеся средств и методов достижения великодержавно-шовинистических целей. В общих чертах вырисовывалась ситуация, при которой часть китайского руководства была готова пойти на пересмотр линии, проводимой во время «культурной революции». Военные деятели по-прежнему на первый план ставили интересы армии, добивались усиления ее роли. Как показывают материалы всекитайского совещания по изучению опыта дацинских нефтяных промыслов, влияние и давление военных усиливалось. Другие деятели считали, что самой важной предпосылкой достижения гегемонистских целей является ускорение экономического подъема, и делали акцент в политике на образование, науку и технику, защищая рациональное развитие народного хозяйства.

В статье «О продолжении революции при диктатуре пролетариата», опубликованной 1 мая 1977 г., Хуа Гофэн подчеркивал: «После смерти председателя Мао Цзэдуна останемся верными его знамени, ибо это гарантирует победу дела нашей революции, это должны в полной мере понять все наши товарищи. Мы должны всегда высоко держать и крепко беречь знамя председателя Мао Цзэдуна, чтобы дело нашей революции под знаменем идей Мао Цзэдуна продолжало идти вперед по намеченному им революционному пути» [72].

Руководство во главе с Хуа Гофэном спешило одобрить мероприятия, цель которых — увековечить культ Мао Цзэдуна и маоизм. Уже 8 октября 1976 г. было принято два решения ЦК КПК, Постоянного комитета ВСНП, Государственного совета КНР и Военного совета ЦК КПК о строительстве мавзолея Мао Цзэдуну и об издании его избранных сочинений.

В апреле 1977 г. был издан пятый том «Избранных произведений Мао Цзэдуна». В связи с его изданием ЦК КПК 7 апреля 1977 г. принял особое решение, которое обязывало «всю партию, всю армию и все национальности страны» развить «массовое движение» за его изучение, причем изучение это обязательно предписывалось связывать «с практикой классовой борьбы», с «реорганизацией партийных рядов и исправлением стиля работы» [73].

Пятый том практически не содержит опубликованных ранее выступлений Мао Цзэдуна соответствующих периодов, в которых говорилось о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом и с другими социалистическими странами, о необходимости проведения политики мира между странами и т. п. Напротив, в него был включен ряд выступлений Мао Цзэдуна на закрытых заседаниях, которые отличались острой антисоветской направленностью.

Подбор работ для пятого тома, их «редактирование» проводились особой комиссией во главе с Хуа Гофэном, а материалы в связи с изданием этого тома полностью подтверждали верность пекинского руководства идеологической, политической, организационной и экономической линии Мао Цзэдуна.

Работы пятого тома пропагандировали основные маоистские постулаты, находящиеся в противоречии с принципами научного социализма, такие, например, как неотроцкистская теория «непрерывной революции», «продолжение революции при диктатуре пролетариата», «классовая борьба при социализме» и т. д. То есть это была пропаганда положений, сплошь касающихся вопросов социально-экономического развития, откровенно противоречащих опыту социалистических стран.

Агентство Синьхуа в связи с пропагандой в печати работы Хуа Гофэна «О продолжении революции при диктатуре пролетариата» подчеркнуло, что эта статья написана с целью побудить к изучению пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна». Главной идеей статьи являлось восхваление теории «перманентной революции при диктатуре пролетариата». В социалистическом обществе, говорил Хуа Гофэн, продолжаются подчеркиваемые Мао Цзэдуном противоречия между различными классами: «Общество полно противоречий, которые, как и раньше, имеют характер классовой борьбы». Исходя из этих идей Мао, Хуа Гофэн особенно подчеркивал, что если до установления власти эта борьба проходила, в сущности, вне партии, то потом, после взятия государственной власти, она «приобретает неожиданно определяющий характер» прежде всего в самой партии; главная опасность реставрации капитализма исходит от «людей, идущих по капиталистическому пути» в партии (то есть тех, кто против маоизма).

Китайское руководство во главе с Хуа Гофэном определило основные направления своей практической деятельности. Главное место в них заняла реализация «Политики трех красных знамен», разработанных Мао Цзэдуном в 1958 г. и определяющих генеральную линию строительства социализма на принципах «больше, быстрее, лучше и экономнее», «большого скачка» и «народных коммун». На всекитайском совещании по изучению опыта дацинских нефтяных промыслов 9 мая 1977 г. Хуа Гофэн прямо заявил, что «мы... неустанно создаем новую ситуацию в народном хозяйстве — ситуацию всестороннего

скачка». При этом пекинское руководство исходило из поставленной цели — превратить Китай к 2000 году в ведущую мировую державу.

Путь развития Китая был кратко сформулирован руководством таким образом: «Каков наш путь? Председатель Мао Цзэдун в 1958 г. указал, что наш путь — это постепенно и планомерно организовать рабочих (промышленность), крестьян (сельское хозяйство), работников торговли (обмен), интеллигенцию (культура и образование), военных (ополчение, т. е. всеобщее вооружение народа) в огромную коммуну и создать из нее основную единицу нашего общества. Дацин и Дачжай как раз являются образцами этого пути» (Выступление Е Цзяньина 9 мая 1977 г.) [74].

Эта «огромная коммуна», в действительности представляющая собой колоссальную казарму, по характеристике Хуа Гофэна, является «источником силы» дацинских трудящихся и «конкретным воплощением идеи и линии создания армии для строительства промышленности», что означает формирование «промышленной армии». Со ссылкой на Мао Цзэдуна Хуа Гофэн в своем выступлении 9 мая 1977 г. потребовал «учиться на образцах Дацина и Народно-освободительной армии Китая».

В итоговом документе конференции руководящих работников армии и военной промышленности был сделан акцент на подготовку к войне.

В этом духе были сформулированы «главные задачи борьбы» на 1977 г.: 1. Развить далее движение критики так называемой «четверки» (Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань); 2. Усилить строительство партии (сюда же относится и движение за марксистское воспитание), «перетряхивание партийных организаций и исправление стиля работы», «строительство революционных профсоюзов всех ступеней»; 3. Углублять массовое движение (в сельском хозяйстве учиться у Дачжая, в промышленности — у Дацина), изо всех сил стремиться к подъему народного хозяйства, руководствуясь курсом «готовиться к войне», «сельское хозяйство — основа» и т. д.; 4. Продолжать развитие массового движения по изучению работ основоположников марксизма-

ленинизма и работ Мао Цзэдуна, поднять это движение на новый уровень (разумеется, речь идет об изучении работ Мао Цзэдуна, особенно его пятого тома избранных произведений) и одновременно «создать большой отряд марксистских теоретиков», «организовать работу всех партийных школ», «достичь конкретных результатов в работе „школ 7 мая"» и т. п.

Выполнение этих задач было тесно связано с «установлением большого порядка» в стране, являлось для Китая серьезной проблемой. Решались эти задачи на основании предложенного Хуа Гофэном «стратегического курса», лозунгом которого являлось «считать классовую борьбу решающим звеном», что предполагало подавление всех, кто не согласен с маоизмом и его режимом. «Новый порядок» в Китае насаждался через усиливающийся аппарат принуждения, чистки, преследования и публичные казни, которые должны были привести к устрашению населения. Режим маоистской диктатуры, таким образом, продолжал ужесточаться. Основные цели директив в области практической деятельности руководства Хуа Гофэна на 1977 г. не вышли за рамки предшествующего маоистского курса. Это означало, что китайский народ ожидают новые лишения: национальные богатства страны будут вновь принесены в жертву амбициозным целям; трудящиеся КНР, побуждаемые вновь к «большому скачку», пойдут фактически опять дорогой подготовки к войне.

После смерти Мао руководство страны не могло не считаться с возрастающими политическими и экономическими трудностями, и поэтому в его заявлениях и деятельности при разработке задач внутренней политики иногда проявлялись новые оттенки.

Из выступлений пекинских руководителей, прессы и обилия предписаний-заветов Мао явствовало, что новые аспекты политики касаются прежде всего следующих вопросов:

а) в. экономике — пекинское руководство провозгласило «главной задачей диктатуры пролетариата развитие экономики» и что «коммунизм нельзя построить на основе отсталых производительных сил» («Жэньминь жибао», 12 марта 1977 г.). Перед на-

циональным хозяйством выдвигались требования существенно ускорять темпы развития, увеличивать накопления, улучшать управление, обеспечивать рост производительности и рентабельности предприятий, использовать хозрасчет и другие экономические методы, получать зарубежную технологию и оборудование;

б) в социальном плане — было объявлено о важности «правильного отношения» к различным слоям китайского общества. Особенно подчеркивалась необходимость проведения «правильной политики» в отношении кадровых работников старшего поколения, национальных меньшинств и интеллигенции;

в) относительно массовых идейно-политических кампаний — признавалось, что «культурная революция» имела и отрицательное влияние; цитировалось заявление Мао Цзэдуна о том, что она «имела 70% успехов и 30% ошибок» («Жэньминь жибао», 24 апреля 1977 г.). Многие газеты и журналы критиковали искажения, которые были допущены в ходе таких, например, кампаний, как «изучение теории диктатуры пролетариата», критика романа «Шуйху чжуань» («Речные заводи»), «борьба против правых» и т. д.;

г) в области жизненного уровня населения — (явно под давлением насущных требований трудящихся) снова заговорили о необходимости «заботы» о жизни народа. В своей речи 5 декабря 1976 г. Хуа Гофэн подчеркивал, что «требуется заботиться о нуждах масс и неустанно улучшать их жизненный уровень, развивая производство». «Жэньминь жибао» в одной из своих статей отметила, что неуклонное повышение жизненного уровня активизирует трудящихся и превратится в один из важнейших факторов строительства могучего социалистического государства.

Все эти новые акценты не подкрепляются, однако, конкретными делами, имеют характер «декларации о направлениях», цель которых — свалить вину за деформации маоистского курса на так называемую «четверку», которая стала виновником накопившегося недовольства в китайском обществе. Одновременно такой ход открывает возможности для

более эффективного проведения именно маоистского курса.

Анализ программы, основных направлений и задач внутреннего развития КНР, разработанных группой Хуа Гофэна, показывает, что в принципе она руководствуется маоистскими положениями. Отдельные уступки и обещания, с помощью которых маневрируют пекинские руководители, не изменяют существа дела и не обеспечивают китайским трудящимся никакого улучшения их положения. Этот вывод подтверждают практические мероприятия нынешнего руководства Китая, действительная ситуация в стране.

Одним из важнейших событий, предшествовавших XI съезду Компартии Китая, был 3 пленум ЦК КПК десятого созыва. Он проводил свою работу 16—21 июля 1977 г. Пленум утвердил Хуа Гофэна председателем ЦК партии, вновь восстановил во всех функциях Дэн Сяопина, лишил всех постов, «навсегда исключив из партии», участников «банды четырех».

Пленум принял решение в «удобное время» созвать XI съезд КПК и определил его характер и повестку, утвердил политическое сообщение ЦК об изменениях в уставе партии и проект нового партийного устава.

Несмотря на то что пекинская пропаганда в последнее время уделяла много внимания экономике, на этом заседании пленума, по крайней мере если судить по официальному коммюнике, не был дан анализ положения в народном хозяйстве и в социальной области. Руководство КПК только задним числом утвердило маоистские постулаты внутренней и внешней политики, призвало «всю партию, всю армию и все национальности страны высоко нести великое знамя председателя Мао Цзэдуна и руководствоваться его наследием».

Пленум зафиксировал относительную стабилизацию состава высшего органа пекинского руководства. Несмотря на то что, по некоторым данным, на пленуме подверглись острой критике У Дэ, Цзи Дэнкуй и другие деятели, которых подняла на своих волнах «культурная революция», Политбюро оставалось

в том же составе, каким оно было после устранения «четверки». Это наводило на мысль, что при выработке решения и организационных вопросов на съезде не будет неожиданных изменений.

Чистка в низших органах партии продолжалась до самого съезда. За контакты с «четверкой» были, по различным данным, подвергнуты острой критике около 70 членов ЦК и кандидатов в члены ЦК КПК, устранены и перемещены 14 первых секретарей провинциальных партийных комитетов, и около 50 руководящих работников провинций сняты со своих постов. В ряде мест, где первые лица оставались на своих местах, была проведена новая перестановка на должности секретарей партийных комитетов (главным образом представителей «старых кадров», в том числе тех, которые оказались жертвами «культурной революции»).

В предсъездовских материалах по вопросам партийного строительства в качестве главной задачи подчеркивалась необходимость «полностью и без остатка разбить систему групп и фракций, насаждаемых в партии „четверкой"». Печать констатировала, что не все сподвижники «четверки» капитулировали и еще имеют значительное влияние, что фракционная деятельность в дальнейшем «грозит революции и массам» и если не будет полностью ликвидирована, то может «когда-нибудь вновь задрожать земля под ногами». Материалы китайской печати того времени свидетельствовали, что новое руководство КПК видит выход из создавшегося положения прежде всего в последовательном очищении партии от всех «нежелательных» лиц.

После 3 пленума ЦК КПК в стране была организована кампания встречи XI съезда Компартии Китая производственными успехами, развертывания «трудового социалистического соревнования» с целью повышения промышленного и сельскохозяйственного производства. Под девизом «Навстречу съезду» проходили отраслевые совещания по практическим вопросам хозяйственной деятельности. Однако положение в экономике продолжало оставаться шатким. В качестве метода преодоления трудностей и «главного направления» развития народного хозяйства

КНР были вновь взяты на вооружение призывы «учиться у Дацина и Дачжая».

Тот факт, что пленум обошел полным молчанием вопросы социального и экономического развития страны, свидетельствовал о том, что руководство КНР еще не было готово решить существующие проблемы, а главное определить конкретные показатели и хотя бы ориентировочные задачи социального и экономического характера, не готово предложить эффективную и обоснованную программу развития народного хозяйства КНР.

Перед XI съездом партии в стране повсюду можно было видеть и слышать адресованные народу и армии призывы к «объединению, укреплению обороноспособности КНР, к интенсивной подготовке на случай войны, лучшей организации народного ополчения, к дальнейшему совершенствованию военной выучки». Необходимость ускоренного решения этих задач, как и раньше, китайское руководство объясняло «опасностью агрессии со стороны СССР».

Надо сказать, что перед съездом особенно ярко проявилась маоистская линия, направленная на милитаризацию, на дальнейшее укрепление армии и ее роли в жизни китайского общества. В вооруженных силах страны летом 1977 г. была начата политическая кампания под лозунгом «углубить критику четверки», организовать воспитание в духе «девять — за и десять — против». Инициаторами этой кампании были Хуа Гофэн и Е Цзяньин, она ставила следующие задачи: полностью преодолеть влияние Линь Бяо и «четверки» в Народно-освободительной армии Китая и устранить их последователей; полностью подчинить армию руководству КПК «во главе с Хуа Гофэном»; укрепить ее единство, искоренить группировки, фракционную деятельность и локальный патриотизм; добиться абсолютного централизма в структуре управления армией; поддерживать высокую воинскую дисциплину; повышать готовность и боеспособность Народно-освободительной армии Китая; модернизировать армию на основе технической реконструкции; усилить «подготовку на случай войны».

Установление порядка в армии предпринималось с целью дальнейшего повышения ее политической

роли, укрепления ее как опоры режима. Армия несет главную ответственность за стабильность положения в стране, она должна быть готова в любую минуту бороться против «классовых врагов». В стремлении не допустить выхода армии из-под контроля пекинское руководство исходит из того, что дальнейшая чистка должна помочь освободиться от различных «сепаратистов» и «людей, стоящих над партийными комитетами в роли неограниченных правителей». От командиров всех ступеней требуют осознать значение повышения уровня военной подготовки и овладения новой техникой, статегией и тактикой ведения боевых операций в условиях современной войны.

Наше первоначальное утверждение, следовательно, подтверждается полностью: ревизия марксизма «по-троцкистски» обязательно ведет к переоценке роли армии и вооруженных сил в революции и в строительстве социализма. Армия и в сегодняшнем Китае является главной опорой режима.

Руководство во главе с Хуа Гофэном стремилось опираться на армию и вооруженные части, так как программа, которая ставилась перед трудящимися, не отвечала интересам последних, что чревато новыми волнениями в различных областях страны. Значение армии одновременно усиливалось и потому, что новое руководство решило идти прежним курсом на подготовку к новой мировой войне (что являлось одной из причин непопулярности программы партии и во многих местах встречало сопротивление).

Перед XI съездом Компартии Китая во всей стране возникла весьма специфическая и противоречивая ситуация. С одной стороны, пекинское руководство оставляло неприкосновенной маоистскую основу в своей политике, стремилось сохранить и укрепить маоистский режим, созданный в результате «культурной революции», присягало на верность и действительно оставалось верным «знамени Мао Цзэдуна». С другой стороны, упорно борясь со своими политическими соперниками («банда четырех»), демонстрируя свою ортодоксальную преданность маоизму, новое руководство, хотело оно того или нет, подрывало влияние маоистской идеологии и веру

в правильность маоистской политики, то есть основу своего собственного господства в стране.

Руководство, фактически возглавляемое Дэн Сяопином, огласило задачу мобилизации всех сил страны на ускоренное развитие экономики и превращение КНР в сильную сверхдержаву. Но оно наталкивается на препятствие в виде ряда скомпрометированных маоистских концепций. Вынужденные толковать последние по-своему, в какой-то степени изменяя их, пекинские лидеры этим опять же подрывают авторитет маоизма.

Раны, нанесенные маоизму в ходе борьбы против «четверки», и измененное толкование отдельных маоистских доктрин ведут к развитию и углублению стихийной антимаоистской тенденции, уже давно существующей в Китае и ведущей не только к «корректировке» маоизма, но и его забвению.

В этих условиях руководство КПК, оставаясь верным маоизму, оказалось перед единственной альтернативой — ужесточить режим, укрепить роль армии, органов безопасности и народного ополчения, расширить средства принуждения и репрессий в отношении широких масс трудящихся, которые ждут и требуют изменений. Борьба против «четверки» постепенно становилась не только средством ликвидации политических соперников, но более того — инструментом дальнейшего укрепления позиций маоизма в китайском обществе, формой жесткой борьбы с сопротивлением трудящихся маоистской политике.

XI съезд КПК работал с 12 по 18 августа 1977 г. в Пекине. Так же, как и два предыдущих съезда (IX в 1969 г. и X в 1973 г.), он проходил в атмосфере секретности. Сообщение о ходе съезда и отдельные материалы были опубликованы только после завершения его работы. На XI съезде присутствовало 1510 делегатов, представляющих 35 млн. членов партии (в период X съезда в КПК было 28 млн., в сентябре 1976 г.— 30 млн. членов). Зарубежные делегации на съезд не приглашались.

Как показывает анализ опубликованных материалов съезда, главная его задача заключалась в кон-

ституировании нового руководства и мер, принятых в отношении «банды четырех», а также в утверждении маоизма в качестве авторитетной идейно-политической платформы высшего партийного органа.

Значительное место на XI съезде Компартии Китая занял вопрос борьбы с «четверкой». Можно прямо сказать, что аргументы и обвинения в адрес «преступной банды четырех», которые прозвучали в выступлении на съезде Хуа Гофэна, являются во многом противоречивыми и бездоказательными. Главная трудность для докладчика, бесспорно, заключалась в том, что надо было изобразить самых ортодоксальных последователей и ближайших соратников Мао его врагами.

Симптоматично, что в докладе Хуа Гофэна, в котором немало места отведено критике «четверки» якобы еще Мао Цзэдуном, в общем обойдены молчанием указания Мао от апреля 1976 г., послужившие смещению Дэн Сяопина со всех постов. Можно констатировать, что в тех частях доклада Хуа Гофэна и Е Цзяньина, где говорилось о поражении «четверки», в сущности, не было приведено ни одного действительно серьезного факта их «заговора». Веских доказательств такого не содержали и документы о деятельности «четверки», распространявшиеся в партии перед съездом.

Борьба против «четверки», если иметь в виду ее конкретных участников, являлась, по существу, соперничеством в захвате власти. Это вновь подтверждает вывод о том, что борьба, проходившая в пекинском руководстве начиная с «культурной революции», была борьбой не линий, а лиц, остававшихся на одних и тех же маоистских позициях.

Вместе с тем следует напомнить, что политические кампании, организуемые после ликвидации различных «банд» на трех последних съездах КПК (на IX съезде — «банда Лю Шаоци», на X съезде — «банда Линь Бяо», на XI — «банда четырех»), в той или иной форме обретали вид «борьбы линий». После каждой битвы в пекинском руководстве те же группы маоистов, пришедшие к власти, начинали широкие политические кампании по ликвидации своих противников. Борьба своим острием была нацелена

против всех направлений, настроений и тенденций, имеющих в той или иной степени антимаоистский характер, а не только против их непосредственных носителей. С этой точки зрения не являлся исключением и XI съезд, на котором одним из главных лозунгов стал призыв «защитить знамя Мао Цзэдуна».

На съезде на все лады воспевались «заслуги» Мао Цзэдуна, он был объявлен «самым большим марксистом нашего времени», а его идеи названы «новейшим вкладом в теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма», «знаменем победы революционных народов мира».

Именно в этом контексте на съезде обсуждался вопрос о реализации «главного завета» Мао Цзэдуна — «продолжения революции при диктатуре пролетариата». Фактически это означало, что, несмотря на заявление Хуа Гофэна о том, что первая «культурная революция» завершилась и Китай вступил «в новый период своего развития», он был намерен продолжать политику в духе генеральной линии Мао Цзэдуна во всех областях политической, хозяйственной, социальной и культурной жизни Китая. Такой вывод подтверждают не только содержание материалов XI съезда, но и конкретные действия Хуа Гофэна перед съездом и после него.

Вместе с тем пекинские лидеры все больше сознавали, что многие аспекты политических кампаний, организованных в последнее десятилетие, например, таких, как «культурная революция», «критика Линь Бяо и Конфуция», «изучение диктатуры пролетариата», «ограничение буржуазного права» и другие, имели негативное, можно сказать, разлагающее влияние на китайское общество. Чистки, репрессии и преследования за малейшее расхождение во взглядах вызывали все большее недовольство во многих слоях китайского народа. Все это сужало социальную опору пекинского руководства и затрудняло выполнение задач маоистов.

Хотя борьба в пекинском руководстве сосредоточилась главным образом в самых высших кругах, она неизбежно и с нарастающей активностью влияла на низы, вызывала противоречия и конфликты не

только между кадровыми работниками, но и среди масс.

Именно это обстоятельство заставило Хуа Гофэна призвать на съезде «к объединению» рабочего класса с его союзниками — «бедным крестьянством, средним крестьянством, с революционной интеллигенцией», заявить о необходимости «завоевать на свою сторону высшие слои мелкой буржуазии, главным образом буржуазную интеллигенцию и других патриотически настроенных демократических деятелей, и объединиться с ними».

Хуа в своем выступлении отметил, что «скрытых врагов» нынешнего режима «только два процента», но тех, кто не согласен или против,— 10 процентов. Однако из этих десяти, как было подчеркнуто на съезде, восемь процентов можно привлечь на сторону маоистов. Согласно съездовским материалам, привлечь «на свою сторону» тех, кто находится в оппозиции нынешнему режиму, предполагалось с помощью обещаний «откорректировать» самые одиозные моменты в политической жизни Китая.

XI съезд КПК, следовательно, был направлен на решение тех проблем, которые в той или иной степени уже созрели для этого. Смерть вождя маоистов углубила кризис маоизма, и, хотя продолжалась политика в духе линии Мао, сама эта политика все больше становилась преградой для дальнейшего развития. Маоистским лидерам оставался путь компромиссов. Это для них не представляло никаких трудностей, так как они уже привыкли к такой политике. Что это означает? А то, что они проводят линию Мао там, где им это выгодно, например во внешней политике. Но и здесь можно отчетливо видеть отклонения, например в отношении к США, с правителями которых ведутся переговоры на основе компромиссов намного интенсивнее, за что, в частности, Китайская Народная Республика подвергается критике со стороны Албании.

Одно из существенных изменений заключалось в попытке еще раз реорганизовать партию. Кроме имеющей место широкой чистки в партии, предполагается проведение очередного «очищения» — в «партийном руководстве всех ступеней». В выступлении

Е Цзяньина особенно подчеркивалось, что если в Китае поднимут голову враждебные маоизму силы (в дальнейшем он называет их «те, кто идет по капиталистическому пути»), то против них будет начата борьба методами «культурной революции». Четко угрозы прозвучали и в отношении руководящих кадров. Одновременно Е Цзяньин дал новое толкование левацкого лозунга «смело идти против течения», который был провозглашен на X съезде и закреплен в прежнем уставе партии. Теперь этот лозунг трактовался только как идти «против ревизионизма, раскола и интриганства».

Обсуждение на XI съезде партии вопросов партийного строительства привело к изменениям в уставе (касающимся характера партии, организационных принципов партийного строительства, кадровой политики, прав и обязанностей членов партии и первичных парторганизаций). Это, а также другие организационные мероприятия ЦК партии свидетельствовали о намерении повысить руководящую роль Компартии Китая, превратить ее в организованную силу, способную руководить обществом, стабилизировать ситуацию в стране и «навести порядок».

Чистки, которые готовило руководство и которые развернулись по всей стране, бесспорно, повели к новому обострению политической ситуации.

На дальнейшее укрепление режима были направлены и мероприятия по «укреплению государственного аппарата». Были проведены также чистки в армии, более интенсивно развернулось ее строительство путем «революционизации» и «модернизации», имелось в виду расширить влияние военных на все сферы хозяйственной и социальной жизни Китая. Значительный шаг в указанном направлении был предпринят уже на съезде: доля военных в новом ЦК КПК повысилась до 45%, из 26 членов Политбюро 15 — военные.

Большое значение придавалось развитию и укреплению таких инструментов военно-бюрократического режима, как народное ополчение и органы безопасности. Следовательно, при «наведении всеобщего порядка» главная роль отводилась репрессивным методам.

На съезде фактически не обсуждались хозяйственные вопросы. Сообщение Хуа Гофэна только вновь подтвердило все основные концепции, касающиеся национальной экономики, которые когда-то провозглашал Мао Цзэдун — до пресловутого «большого скачка». В области экономики, как и в других вопросах, отдавался приоритет политическим методам воздействия. В сообщении Хуа Гофэна содержалась претензия совершенно волюнтаристского характера — до 1980 г. создать в Китае «относительно самостоятельную эффективную систему промышленности и всего народного хозяйства», что весьма похоже на уже известный с конца 50-х годов «большой скачок», хотя с первого взгляда было ясно, что решить такую сложную задачу всего за два года просто нереально.

Лидеры КНР, идя на определенное теоретическое подправление маоизма, однако, стремятся сохранить его националистическую струю и подчинить ей все остальные элементы китайской политики и экономики. Сам лозунг «четырех модернизаций» не адекватен задаче экономического развития. Симптоматично, что «четыре модернизации» не содержали конкретных требований повышения жизненного уровня народа. Эта задача не только не провозглашалась главной, как это предполагает основной закон социализма, но ее даже не ставили в один ряд с задачами строительства современного сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники.

Уже в ходе обсуждения программа «четырех модернизаций» претерпела значительную деформацию, так как на первый план выдвигался военный аспект. Вопрос модернизации НОАК явился предметом самого большого внимания.

Если обобщить выводы, принятые XI съездом КПК по вопросам внутреннего развития страны, то можно констатировать, что это, в сущности, был маоистский съезд, съезд «сведения» политических счетов, укрепления военно-бюрократического режима.

Во внешней политике пекинское руководство по-прежнему придерживается подстрекательской линии на провоцирование мировой войны. Если в сообщении о работе X съезда КПК (август 1973 г.) со ссылкой на Мао Цзэдуна говорилось, что в современном

мире «опасность войны существует постоянно, однако главная тенденция в мире — революция» и что при определенных условиях «войну можно предотвратить», то на XI съезде утверждалось, что «фактор войны возрастает» и что «борьба сверхдержав рано или поздно приведет к войне». Это означает откровенное признание неизбежности мировой войны.

Подобный сдвиг можно найти и в подходе китайского руководства к политике разрядки, которую проводят социалистические страны. На X съезде по крайней мере признавался сам факт ее существования: «Разрядка — явление временное и поверхностное» (выступление Чжоу Эньлая). На XI съезде слово «разрядка» приводится в кавычках, чтобы подчеркнуть, что для китайских лидеров ее не существует.

В материалах XI съезда часто упоминаются «две сверхдержавы», однако вслед за этим откровенно декларируется, что «главным врагом» является Советский Союз. Таким образом, на самом высшем партийном форуме была еще более расширена платформа для реализации пекинской политики сговора с империализмом во имя борьбы против мирового социализма.

На X съезде КПК США были названы врагом меньшим, чем СССР, противником, у которого якобы «дела идут все хуже, который идет ко все большему упадку». На XI съезде об этом сказано намного острее: «Советский социал-империализм наступает, тогда как американский империализм обороняется». Китайские лидеры рисуют картину «наступательной стратегии» Советского Союза и явно подталкивают США к тому, чтобы они усилили борьбу против СССР.

В материалах XI съезда была официально подтверждена маоистская схема «трех миров», провозглашенная в 1974 г. и теоретически обосновывающая сговор китайского руководства с империализмом и реакцией в интересах борьбы против социалистических стран.

Пекин подтверждает верность концепции «трех миров» и вновь заявляет о своей решимости и в дальнейшем бороться против единства социалистиче-

ских стран. Он классифицирует социалистические страны с потолка своей антимарксистской схемы, одну из них считает «сверхдержавой», «эксплуататором третьего мира», а другие отряжает в категорию развивающихся стран. Нужно ли объяснять, что сущность подобных политических манипуляций китайского руководства заключается в провокационных попытках противопоставить социалистические страны друг другу и подчинить какие из них удастся своему влиянию?

Провозглашенная на XI съезде КПК позиция нового китайского руководства свидетельствует о том, что Пекин не только продолжает прежнюю маоистскую политику в международных делах, но по ряду вопросов по сравнению с Мао идет еще дальше.

В борьбе с позитивными тенденциями в Европе Пекин, как и раньше, опирается на самых реакционных политиков, подобных тори (партия консерваторов) в Англии, реваншистам западногерманского блока ХДС/ХСС и другим.

В центре интересов западноевропейской политики КНР остается ФРГ. Отношения Китая с этой страной развиваются интенсивно и становятся все более разносторонними по сравнению с отношениями с остальными западноевропейскими странами. Особую поддержку китайские руководители оказывают реваншистским силам ФРГ, которые добиваются аннулирования положения, созданного в Европе в результате послевоенного развития и уменьшения напряженности.

В контактах китайского руководства с представителями ультраправых кругов западноевропейских государств важное место отводится усилиям не допустить проведения в жизнь инициативы социалистических стран, направленной на развитие их политического и экономического сотрудничества с европейскими капиталистическими странами, помешать встречам представителей стран, подписавших Заключительный акт совещания в Хельсинки.

Китайское руководство все более открыто стремится превратить развивающиеся страны в зону своего влияния и использовать их в интересах проведения своих гегемонистских планов. Оказание

экономической, технической и военной помощи этим странам используется им по-прежнему в целях укрепления своих позиций в так называемом «третьем мире».

Современный Китай открыто демонстрирует солидарность с реакционными проимпериалистическими режимами и свою враждебность прогрессивным силам в развивающихся странах.

В Африке Пекин оказывал активную помощь, в том числе и военную, Заиру. Вместе с империалистическими государствами он участвовал в поддержке правительства Мобуту в апреле 1977 г. Пекин расширяет отношения с фашистской хунтой Пиночета в Чили. Китайское руководство предоставило ей долгосрочный беспроцентный заем.

Пекинские лидеры откровенно одобряют реакционные тенденции в политике египетских властей. Выдавая себя за борца за интересы развивающихся стран, китайское руководство поддерживает некоторые требования, нарочито заостряя на этом их внимание. Однако оно старается получить максимальную выгоду и занять исключительное положение в системе внешнеэкономических отношений развивающихся стран, а главным образом — увести их с пути борьбы против действительных эксплуататоров. Чтобы замаскировать свои противоречия с молодыми независимыми государствами, особенно делая это в ООН, делегация Китая на XXXI заседании ее Генеральной Ассамблеи в духе прежней тактики уходила от голосования по тем вопросам, по которым, в сущности, пекинское руководство занимало негативную позицию, противоречащую интересам большинства развивающихся стран. Китайское руководство продолжает проводить реакционную политику в отношении этих стран, враждебную социализму, политику, отвечающую интересам империалистических и неоколониалистских кругов и их агентуры в развивающихся странах.

Маоисты стремятся использовать в капиталистическом мире активность врагов разрядки международной напряженности, оказывают им всестороннюю поддержку и, координируя свою деятельность с Западом, пытаются повернуть вспять этот процесс.

Пекин охотно внемлет призывам различных органов НАТО к дальнейшему углублению гонки вооружений под предлогом «выравнивания» якобы существующего несоответствия вооружений и вооруженных сил НАТО и Варшавского Договора.

По всем ключевым вопросам современности китайское руководство занимает только негативную и провокационную позицию. Наиболее ярко это проявляется в деятельности китайской делегации в ООН. Начиная с 1971 г., когда Китай был восстановлен в этой организации, китайская делегация не внесла ни одного конструктивного предложения, ни одной позитивной инициативы, направленной на укрепление всеобщего мира и сотрудничество между государствами.

Китайская делегация, поддержанная только реакционным режимом ЮАР, выступила и голосовала против инициатив Советского Союза и других социалистических стран о созыве Всемирной конференции по разоружению, о мирном решении ближневосточного кризиса; о запрещении производства и использования ядерного оружия, производства новых видов оружия массового уничтожения, размещения ядерного и ракетного потенциала в космосе, на дне океанов и морей, о подписании соглашения о неприменении первыми ядерного оружия и т. п.

Пекинское руководство выступало против сокращения военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10% и использования части сэкономленных средств на помощь развивающимся странам. Активно ведя военные приготовления, руководство Китая упорно выступает, по существу, против любых мероприятий по разоружению. Китай оказался в числе нескольких стран, которые не приняли никаких обязательств по запрещению или ограничению производства и использования оружия массового уничтожения.

Все призывы миролюбивых стран к упрочению коллективной безопасности в Азии на основе признания странами этого континента принципа равноправия, уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг

друга встретили решительный отказ со стороны китайского руководства.

Китай все активнее выступает против мирового социализма и коммунистического движения. Его внешняя политика и после Мао Цзэдуна характеризуется откровенной враждебностью к СССР и другим социалистическим странам и все усиливающейся подрывной деятельностью, направленной на раскол социалистического содружества.

Свою подрывную политику пекинские лидеры проводят с помощью еще более изощренных методов, чем раньше.

Развитие международных событий полностью обнажило гегемонистскую политику маоистского руководства КНР, реакционное содержание маоистской идеологии, основанной на великоханьских гегемонистских устремлениях, представляющих угрозу миру и безопасности народов.

Империалистические круги стремятся полностью использовать враждебность, которую воплощает современный маоизм, для превращения Пекина в орудие борьбы с социализмом и международным коммунистическим движением. И надо отметить, что китайское руководство весьма охотно идет навстречу этим планам империалистических стратегов и свою преданность им закрепляет даже в материалах партийных съездов и в конституционном законодательстве.

Вероломное нападение на Социалистическую Республику Вьетнам 17 февраля 1979 г. обозначило качественно новый этап во внешней политике пекинского руководства. Эта военная агрессия, проводимая в союзе с империалистическими кругами, создала ситуацию, в которой мир на земле был подвергнут очень серьезному испытанию. Тем самым Пекин только подтвердил антисоциалистический характер своего стратегического курса, проводимого уже много лет. Товарищ Л. И. Брежнев на встрече с избирателями 2 марта 1979 г. дал следующую характеристику этой агрессии: «Нынешние китайские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную агрессивную сущность проводимой ими великодержавной, гегемонистской политики. Теперь все

видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире»[75]. Эту агрессию пекинская пропаганда объяснила смехотворными небылицами «об угрозе со стороны Вьетнама», его стремлении к гегемонизму и т. п.

Но как может такое государство, как социалистический Вьетнам, угрожать Китаю, территория которого больше вьетнамской в 30, а население — в 20 раз!

Подлинная причина военной агрессии заключалась в том, что в сильной и независимой Социалистической Республике Вьетнам Пекин видел серьезную преграду на пути установления своей гегемонии во всей Юго-Восточной Азии.

Эта агрессия весьма наглядно продемонстрировала, какой вред миру и разрядке может нанести политика поощрения агрессора и прислуживания китайскому гегемонизму.

Позиция отдельных империалистических стран в вопросе военного нападения на СРВ свидетельствует о том, что мировой империализм побуждает нынешнее китайское руководство к борьбе против социалистических стран и национально-освободительного движения и поддерживает его в этом.

Однако эта военная агрессия многим открыла глаза. Даже в тех буржуазных кругах, в которых — в силу распространяемых в мире сведений о теории и практике маоизма или в силу конъюнктурных, тактических и антисоциалистических позиций — относились к современному маоистскому руководству с «пониманием» и поддерживали его, возникли сомнения относительно целесообразности «поддержки» маоистской идеологии и политики.

Нынешние пекинские лидеры по-прежнему претендуют на руководство в современном мире. Кто же, с их точки зрения, является самым серьезным противником на пути к достижению этих гегемонистских целей? Самой серьезной преградой на пути достижения мирового господства нынешние правители Китая считают, как и при жизни Мао Цзэдуна, Советский Союз и другие социалистические страны. Поэтому антисоциализм остается той платформой,

на которой маоисты в борьбе против мирового социализма и прогрессивного мирового революционного движения готовы блокироваться с какими угодно реакционными силами. Маоизм, таким образом, действует в главном направлении глобальной стратегии мирового империализма. Сформулированная еще при жизни Мао Цзэдуна основная стратегическая задача — превратить Китай к концу нынешнего столетия в великую державу — остается неизменной. Если внимательно понаблюдать за внутриполитическим развитием Китая, то можно убедиться в том, что пекинские руководящие деятели проявляют все большую активность для достижения этой задачи.

Военно-промышленный комплекс, который пекинские руководители хотят создать, предполагает, однако, наличие: современного на конец этого столетия производства, достаточного числа инженерно-технических кадров, способных организовать производство; широкой сети научно-исследовательских институтов, занимающихся последними достижениями науки и техники; наконец, широко развитого сельского хозяйства, способного снабжать промышленность сырьем и обеспечивать продовольствием население и армию.

Эти требования заставляют китайское руководство по тактическим соображениям выдвигать на передний план вопросы экономики и не прибегать к помощи субъективистских и авантюристических указаний Мао Цзэдуна, которые были только тормозом развития экономики.

Маоистское указание «Политика — командная сила» имело, как мы уже показали, явно субъективистский и волюнтаристский характер.

Планомерное и пропорциональное развитие экономики, таким образом, подчинено великодержавным милитаристским амбициям нынешнего пекинского руководства, цели превращения Китая к концу XX столетия в современный промышленный комплекс. Это означает, что политика пекинских лидеров, как и раньше, командует экономикой.

Защитники маоизма еще при жизни Мао Цзэдуна исходили из его лозунга: «Классовая борьба являет-

ся решающим звеном, все остальное зависит от нее» — то есть все должно быть подчинено развязыванию милитаристской «классовой борьбы», а не развитию производства.

В декабре 1978 г., то есть приблизительно через полтора года после XI съезда КПК (август 1977 г), состоялся 3 пленум ЦК КПК. На нем было объявлено, что начинается «новый этап» в развитии Китая. После смерти Мао, когда было провозглашено направление «четырех модернизаций», «классовая борьба» в маоистском понимании стала помехой на пути милитаризации страны. 3 пленум ЦК КПК вместо «классовой борьбы» на первое место выдвинул задачу «производственной борьбы» и «научного экспериментирования».

Основное противоречие китайского общества интерпретировалось следующим образом: «В современный период в великой битве в основном одержана победа. В этих условиях классовая борьба уже не играет главной роли, а производственная борьба и научное экспериментирование, естественно, стали основным противоречием общества». Завершение «классовой борьбы» в китайском обществе связано практически с разгромом «банды четырех». Таким образом, завершение классовой борьбы в Китае стало возможным по прямому указанию сверху [76].

В своем стремлении построить мощное милитаристское государство китайское руководство заменило маоистский лозунг «Классовая борьба — решающее звено» лозунгом «Четыре модернизации — решающее звено».

При жизни Мао Цзэдуна о созидательной функции диктатуры пролетариата не говорилось. Однако после его смерти такие заявления стали появляться. «Жэньминь жибао» в этой связи писала: «Стремиться развивать социалистическое строительство на должном уровне — одна из основных задач диктатуры пролетариата, почетной миссии рабочего класса и всех трудящихся». И далее: «Развивать социалистическую экономику, строить социализм — это основная задача диктатуры пролетариата, составная часть теории диктатуры пролетариата». На XI съезде КПК Хуа Гофэн говорил: «Одной из основных

задач диктатуры пролетариата является развитие социалистической экономики».

Чем можно объяснить такие разногласия? Маоистское понимание «диктатуры пролетариата», знаменующее насилие и разрушение, стало тормозом в создании военно-промышленного комплекса, и потому начинаются разговоры о ее созидательной функции.

Однако, с другой стороны, эта «диктатура пролетариата» должна и впредь оставаться инструментом наказания инакомыслящих (противников нового руководства), поэтому, по их мнению, и в дальнейшем должна быть сохранена ее функция насилия.

У маоистов игра в демократию была излюбленным средством обмана масс. Эта традиция продолжается: «значение» демократии подчеркивают тогда, когда она способствует укреплению маоизма. Как только ее хотят использовать с целью разоблачения маоизма, то про нее стараются «забыть», ее начинают глушить.

При жизни Мао Цзэдуна маоизму приписывалась мифическая сила, а его положения квалифицировались как абсолютная истина. После его смерти китайская пропаганда продолжает преподносить маоизм в качестве основной части марксизма-ленинизма, но уже идеи Мао не объявляются «вершиной истины». Газета «Жэньминь жибао», например, писала: «В трудах Маркса, Ленина и товарища Мао Цзэдуна нельзя найти готовых ответов на многие вопросы. Только опираясь на всеобщую истину марксизма-ленинизма и идеи Мао Цзэдуна, изучая меняющуюся обстановку и решая новые вопросы, мы можем делать новые выводы, в противном случае мы не выполним наше великое дело»[77].

Утверждение, что в идеях Мао Цзэдуна нельзя найти готовые ответы на многие вопросы, явилось новым подходом китайской пропаганды к идейному наследию Мао.

Стремясь реабилитировать Мао, пропаганда Пекина тщетно старается выдать его ошибки за обычные, которые, мол, присущи любому человеку и объясняются воздействием объективных условий. Например, в статье, посвященной 85-й годовщине со дня

рождения Мао Цзэдуна, говорилось: «Товарищ Мао Цзэдун, равно как Маркс и Ленин, часто говорил: „Человек не может не делать ошибок в своей работе. Мы хотим совершать их как можно меньше, стремимся не допускать серьезных ошибок. Если ты совершил ошибку, исправил ее — хорошо!" Часто Мао также говорил: „Я съел что-то такое, что не должен был съесть, и у меня болел живот, или я не имел информации о погоде и заболел гриппом. Это ошибки, которые я допустил потому, что не знал точно объективных факторов"».

В другом месте этой же статьи говорится: «Маркс, Энгельс, Ленин — это вожди пролетарской революции. Их теория, взгляды и методы, в общем, вполне правильные, но нельзя требовать, чтобы каждое их слово было правильным». Цель подобных рассуждений вполне ясна: если Маркс, Энгельс, Ленин могли ошибаться, то Мао Цзэдуну ошибаться и сам бог велел.

Ошибки и преступления, совершенные Мао Цзэдуном, уже нельзя далее скрывать от китайского народа. И поэтому защитники Мао избрали такой путь: с одной стороны, они в лице «банды четырех» избрали козла отпущения, а с другой, но только «теоретически» — доказывают закономерность совершенных ошибок, тем более что «ошибались и Маркс, и Энгельс, и Ленин». Объяснение этого сложного и наболевшего вопроса, однако, не вяжется с восхвалением «величия» Мао Цзэдуна. Последовал призыв «защищать высокий авторитет партии и товарища Мао Цзэдуна», «еще теснее сплотиться под знаменем Мао Цзэдуна, этого „великого марксиста"». Утверждается даже, что если бы не было «идей Мао Цзэдуна, то китайская революция не победила бы до сих пор» [78]. Это значит, что маоизм остается по-прежнему главной доктриной нынешнего китайского руководства. Однако его отношение к наследию Мао Цзэдуна носит чисто прагматический характер.

Определенные изменения, наблюдающиеся в Китае в области внутренней политики, и то, что на руководящие посты в партии и в государстве назначаются деятели, которые в прошлом подвергались репрессиям, а также реабилитация Лю Шаоци,

устранение приверженцев «культурной революции», критическая оценка развязанных в свое время Мао Цзэдуном кампаний — все это не означает пересмотра антисоциалистического курса современного пекинского руководства. Скорее наоборот, выводы 5 пленума ЦК КПК, решения Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) свидетельствуют о том, что осуществление этого курса поручено людям более опытным и более последовательным в своей работе.

Характерной чертой кадровых изменений, проведенных 5 пленумом ЦК КПК, явилось то, что из Политбюро были выведены люди, занимавшие высокие посты с периода «культурной революции», что еще более укрепило систему военно-бюрократической диктатуры. Назначение Чжао Цзыяна премьером Государственного совета КНР и другие кадровые перестановки, предпринятые ВСНП, говорят о том, что группа прагматиков в руководстве значительно укрепила свое положение. Политическая и идеологическая концепция руководства Китая остается по-прежнему враждебной марксизму-ленинизму. Дэн Сяопин в выступлении 16 января 1980 г. поставил в качестве первоочередной внешнеполитической задачи на 80-е годы «борьбу против гегемонизма», что в маоистской интерпретации означает борьбу против Советского Союза и мирового социализма. С этой борьбой связана и тактика в отношении международного коммунистического и рабочего движения, установление контактов с теми элементами, которые способны пойти на совместную с маоистами борьбу против социалистического содружества и особенно против СССР.

Пересмотр ряда идейных и политических постулатов Мао Цзэдуна, который предприняло китайское руководство, направлен на разработку усовершенствованного варианта маоизма, чтобы в таком виде эти идеи лучше служили теоретическому обоснованию политики правящих кругов КНР в международной жизни, в самом Китае, чтобы «четыре модернизации» были дополнены «пятой модернизацией» — модернизацией маоизма и связанной с ним политической системы.

«Упорядочение» маоизма усилиями китайского руководства проведено с той целью, чтобы правящая верхушка немедленно ощутила преимущество. Но взгляды соперничающих в руководстве КПК групп меняются настолько быстро, что то, что еще вчера в идеологии маоизма утверждалось и провозглашалось, завтра будет отвергнуто и осуждено.

По объективным причинам китайское руководство вынуждено ревизовать отдельные постулаты маоизма (в числе этих причин мы выше указывали на то, что маоизм — это антинаучная идеология, не выражающая коренных интересов китайского народа) и делает все, чтобы сохранить подорванный авторитет Мао Цзэдуна, сохранить престиж маоизма как идейно-теоретической основы политики партии и государства.

Нынешнее развитие подтверждает, что вопрос личности Мао и его роли в истории остается самым проблематичным и жгучим для руководства КПК. Пекинская пропаганда продолжает выдвигать те «заслуги» Мао Цзэдуна, которые неразрывно связаны с его борьбой за «специфичность китайского пути» в революции и строительстве социализма, отход от Советского Союза и других социалистических стран и разрыв с ними, подчеркивающие «стремление» Мао превратить Китай в могучее военное государство. Даются иные оценки «культурной революции». Если в предшествующий период «культурная революция» рассматривалась как весьма важный этап в развитии Китая, то затем появились утверждения, что это была «ошибка» и даже «большое бедствие»[79]. Однако ответственность за совершенные в ходе «культурной революции» ошибки сваливается на других лиц.

В области внешней политики нынешнее руководство Компартии Китая осталось верным маоистской «теории трех миров». 12 апреля 1980 г. Дэн Сяопин сказал: «Мы остаемся верны теории председателя Мао о делении на три мира». Он заверял, что Китай «будет всегда вести решительную борьбу с гегемонизмом». Руководствуясь данной теорией, китайские лидеры объясняют и свое сближение с США, считая это сближение важным стратегическим и

политическим фактором, направленным против мирового социализма. 17 апреля 1980 г. Дэн Сяопин заявил, что сближение КНР и США — «это не шаг, продиктованный конъюнктурными соображениями», «это долговременный и стратегический курс». Его маоисты лицемерно аргументируют вымышленной «угрозой с севера».

Мы показали прагматическое отношение Мао Цзэдуна к марксизму-ленинизму. В свою очередь мы видим такое же отношение и к маоизму со стороны нынешнего китайского руководства. Вместе с тем подход этот не одинаков. В первом случае цель состоит в том, чтобы выхолостить суть марксизма-ленинизма, во-втором — защитить суть маоизма, из которого сегодня убирают второстепенные, несущественные моменты, являющиеся помехой в осуществлении маоистами своих великодержавных, шовинистических целей.

Можно ли тот факт, что новое китайское руководство освобождается от отдельных скомпрометированных, закостенелых положений Мао, понимать как процесс демаоизации? Ни в коем случае. Так как одновременно акцентируется внимание на других директивах Мао, эта тенденция имеет противоречивый характер, возникают новые социальные и экономические трудности.

Невозможность решения социально-экономических проблем современного Китая на платформе маоизма ведет к острой фракционной борьбе в руководящей верхушке Китая. Эта борьба в то же время является отражением недовольства различных слоев населения положением в стране.

Кампания борьбы против «банды четырех» послужила для маоистов своеобразным клапаном, через который гнев народа был отведен от главного виновника (Мао) на второстепенных лиц — «банду четырех», которая оказалась в ответе за провалы курса Мао Цзэдуна, что, однако, косвенно ставит под сомнение идеологию и практику маоизма.

Субъективизм и волюнтаризм маоизма завел Китай в тупик. «Большой скачок», «культурная революция», «коммунизация» сельского хозяйства, застой в производстве и т. п.— все эти факты китайское

руководство пока не решилось объяснить порочностью маоистской идеологии и политики, ведь это, естественно, означало бы разрыв с маоизмом как с государственной доктриной. Поэтому новое руководство изобрело другой путь: свалить ответственность за все неудачи на «банду четырех» и отречься от наиболее одиозных положений маоизма.

Отказ от отдельных постулатов Мао и изменение акцентов не означают возвращения к социалистическим принципам или демаоизации. Это, повторяем, только устранение тех препятствий, которые являются тормозом на пути к достижению великодержавных, шовинистических целей нынешнего китайского руководства.

Внутреннее развитие в Китае, его внешняя политика подтверждают вывод о том, что социалистическое содружество и международное коммунистическое и рабочее движение в лице идеологии и политики маоизма продолжают иметь серьезного и опасного противника.

Заключение

XXV и XXVI съезды КПСС, XV и XVI съезды КПЧ, как и съезды других братских партий стран социализма, всесторонне и убедительно показали враждебность идеологии и политики маоизма в отношении марксизма-ленинизма и определили задачи борьбы против него. Как отметил еще в Отчетном докладе XXV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, политика нынешних руководителей Китая откровенно направлена против большинства социалистических государств. «Более того,— отмечалось в докладе,— она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов в Южной Африке и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но, по существу, стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма».

«Большую опасность для всех миролюбивых народов,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну... Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов» [80].

Маоисты открыто выступают против антиимпериалистической борьбы, всячески чернят классовую, интернационалистскую линию Советского Союза и других стран социалистического содружества. Интернациональная помощь пяти стран — членов Варшавского Договора Чехословакии летом 1968 г. вызвала у Пекина приступ антисоветской истерии. Маоистское руководство, лицемерно заявляя о своей симпатии к чехам и словакам, демагогически обвинило страны Варшавского Договора, и прежде всего Советский Союз, в «подавлении независимости» ЧССР. За эту маоистскую клевету сразу же ухватился Запад. Буржуазные идеологи и ревизионисты поддержали позицию китайских руководителей, так как она была откровенно враждебной в отношении социалистических стран и примирительной в отношении империалистов, вносила раскол в мировое социалистическое содружество, в рабочее, коммунистическое и национально-освободительное движение и, главное, своим острием была направлена против СССР.

Буржуазные идеологи и ревизионисты тенденциозно доказывают правомерность «собственного» пути строительства социализма, который защищают маоисты, и маоизма как такового, усматривая и в том, и в другом веские аргументы в пользу существования каких-то объективно закономерных «национальных моделей» социализма и «национальных моделей идеологии марксизма-ленинизма», особенно «китайской модели социализма» и «китаизированного марксизма». Они поддерживают концепцию множественности «моделей социализма» и «моделей идеологии марксизма-ленинизма» потому, что последние являются теоретической основой ревизии марксистско-ленинского учения о единой сущности социализма и марксизма-ленинизма и оправдывают раскольническую политику маоистского руководства КНР.

Буржуазно-ревизионистская идеология, таким образом, поддерживает опыт китайской революции в «социалистической» интерпретации маоистов, так как она отвергает диалектику единства общего и специфического, выливается в пагубную практику

раскола мировой социалистической системы, единства и сплоченности мирового социалистического движения и подменяет интернациональное марксистско-ленинское учение мелкобуржуазными и националистическими «идеями Мао Цзэдуна». Для буржуазного строя маоизм не представляет опасности. Поэтому империалисты считают маоизм своим союзником в борьбе против научного коммунизма и вовсю расточают комплименты в адрес «идей Мао Цзэдуна». Но если зашло настолько далеко, что буржуазные идеологи воспевают Мао Цзэдуна и его «идеи», призывают «учиться у Китая», то, естественно, напрашивается вопрос: какие же новые «идеи» и «ценности» маоистов привлекательны для буржуазного Запада?

Прежде всего те, которые свидетельствуют о националистическом отходе китайских руководителей от всеобщих принципов научного коммунизма, подтвержденных опытом Советского Союза и других социалистических стран.

В нашу эпоху роста и укрепления мировой социалистической системы, международного рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения идеи научного коммунизма и мира приобрели настолько большую популярность, что буржуазные идеологи и ревизионисты не всегда решаются на лобовое, прямое выступление против них. Они предпочитают применять обходные, замаскированные методы в своих атаках против пролетарской идеологии, прибегают к изощренным формам воздействия на общественное мнение, при этом в целях маскировки они даже сами не прочь покритиковать отдельные оппортунистические концепции с «позиций марксизма». Например, И. Старр, анализируя идейные основы маоистской концепции «продолжающейся революции» и троцкистской теории перманентной революции, готов подчеркнуть, что трактовка Мао Цзэдуном понятий «народ» и «враги», «пролетариат» и «буржуазия» далека от марксистского понимания классов и что его критерии понятий «друг» и «враг» до того нечеткие, что «друзья» могут быть всегда отнесены к «врагам» и наоборот. Но тот же Старр, отмечая вышеприведенную непоследовательность мао-

изма, снисходительно относится к маоистской интерпретации противоречий, особенно к тезису Мао Цзэдуна о том, что антагонистические противоречия будто бы присущи и коммунистическому обществу.

Можно констатировать, что главная, определяющая черта буржуазной интерпретации маоизма заключается в прагматическом взгляде на идеи Мао Цзэдуна. Теория и практика маоизма рассматриваются в качестве дальнейшего пути идеологической борьбы против научного коммунизма. Тем более что они (идеи Мао Цзэдуна) возведены в ранг государственной политики. Антинаучное мировоззрение, ревизия марксизма-ленинизма справа и «слева», агрессивная внешняя политика и антисоциалистическая внутренняя доктрина, а также другие стороны маоизма встречают не только симпатию и поддержку буржуазных апологетов, но и направляются ими в общее грязное русло антикоммунизма, антисоветизма и национализма.

Антикоммунистам выгодно использовать в своей пропаганде тот факт, что в Китае строительство социализма оказалось в тупике. Именно это служит основой для дискредитации имени социализма.

Анализ маоизма и некоторых его связей с современным оппортунизмом и антикоммунизмом показывает, что маоизм как идеология и политическая практика был и остается мелкобуржуазной шовинистической идеологией, с самого начала враждебной теории и практике научного коммунизма. Идейная и политическая трансформация маоизма, приведшая его к прямому смыканию с самыми реакционными силами мирового антикоммунизма, изначально была предопределена его антимарксистскими, националистическими концепциями и подспудной политической практикой. Мао Цзэдун тешил себя надеждой создания идеологии и политики на века, с помощью которых Китай станет властелином мира. Но стал ли Мао Цзэдун учителем человечества? Таковым себя не считал ни Конфуций, ни Будда, ни К. Маркс.

Ошибочные взгляды Мао Цзэдуна с каждым новым десятилетием множились прямо-таки в геометрической пропорции. Уже с 1938 г. он практически

стремился создать «китаизированный марксизм», заявив, что требуется найти его особые «национальные формы».

Само по себе это представляло бы гигантскую задачу — приспособить учение, которое возникло на основе развитого капиталистического общества, западной цивилизации принципиально иного типа, к стране с неразвитой экономикой, стремившейся совершить скачок от феодализма и восточного деспотизма к вершинам общественного прогресса. Решив ее, Мао Цзэдун был бы признан гениальным ученым, политиком и теоретиком; заслужил бы бессмертную славу во всем «третьем мире» и уважение всего человечества.

Однако Мао Цзэдун с этой задачей не справился. Пик власти не тождествен пику разума. Как мы уже показали, идея «скачка», «коммуны» и «культурной революции» вообще не соответствовала потребностям Китая. «Скачок» и «коммуны» существовали еще до Мао в умах левых коммунистов, а потрясения типа «культурной революции» уже давно пропагандировали анархисты и троцкисты. Что же здесь специфически китайского? Какое это имеет отношение к действительному учению о преобразовании общества на принципах социализма и коммунизма? Антинаучная платформа идеологии и политики маоизма, навязанная Коммунистической партии Китая и китайскому государству, находится в принципиальном противоречии с социалистическими достижениями китайских трудящихся, с марксистской теорией и практикой научного коммунизма и вызывала систематические идейно-политические кризисы в стране.

Мао Цзэдун оставил тяжелое наследство прежде всего самому китайскому народу; международному коммунистическому и рабочему движению он принес безмерный вред. Г. Морабини в своей работе «Мао и ему подобные. Китайские тени в мире» [81] пишет, что в период справедливой борьбы китайского народа за национальное и социальное освобождение погибло около 1,5 миллиона человек. Такую цену заплатил китайский народ за свое святое право на независимость, национальное единство, свободу и со-

циализм. Но несравнимо большие жертвы понес китайский народ, понуждаемый к реализации «идей Мао Цзэдуна», — десятки миллионов человек. Эти массовые жертвы не имеют прецедента в истории Китая.

Все вышеизложенные, а также и другие факты свидетельствуют о том, что маоизм обречен на бесславную гибель, так как его идеология и политическая практика не отвечают интересам трудового народа самого Китая, интересам трудящихся всего мира.

Список использованной литературы

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., М., т. 13, 23, 27.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, 41, 44.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1980.

XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. М., 1971.

XV съезд Коммунистической партии Чехословакии. М., 1977.

Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. М., 1934.

VI конгресс Коминтерна. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М., 1934.

«Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, 1970.

Суслов М. А. Избранные произведения. М., 1972.

Пономарев Б. Н. Избранное. Речи и статьи. М., 1977.

Антимарксистская сущность идеологии и политики Мао Цзэдуна. М., 1969.

Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэдуна. М., 1969.

Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977.

История Древнего мира. М., 1956.

Косюков Ю. Пекинский дневник. М., 1968.

Красильников К. Маоисты и молодежь. М., 1974.

Маоизм без маски. М., 1970.

Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М., 1973.

Владимиров П. П. Особый район Китая. 1942—1945 гг. М., 1973.

Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1979.
Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 1—4. М., 1952, 1953.
Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, 1972.
IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1969.
X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1973.
Matouš, M., Hrsal, L. Mirové soušiti a boi proti revizionismu. Praha, 1975.
Kritika teoretických koncepci maoismu. Praha, 1974.
Ruml, V. Připravovany članek pro R. P., 1964.
Současný pravicový revizionismus. Praha, 1974.
Morabiny, G. Mao et ses Puriteres. Ombres chinoise dans le monde. Paris, 1975.

Периодика

«Хунци» — теоретический и политический журнал ЦК КПК, 1970—1975.
«Жэньминь жибао» — газета.
«Гуанмин жибао» — газета.
«Цзефанцзюнь бао» — газета.
«Юманите».
«Правда».

Примечания

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 101.
[2] «L'Express», 9 aut. 1980.
[3] «Правда», 24 июля 1980.
[4] Мао Цзэдун. Избранные произведения, М., 1953, т. 4, с. 322.
[5] Агентство Синьхуа, 6 марта 1968.
[6] Dialektický materialismus. Peking, 1945—1949, s. 54.
[7] Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, 1972, с. 27.
[8] Там же, с. 37.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1962, т. 27, с. 412.
[10] Мао Цзэдун. Выступление на совещании в Чэнду, 20 марта 1958 г. (см.: «Выступление Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшееся в китайской печати». М., 1975, с. 173. В дальнейшем будет писаться из «Неопубликованных...»).
[11] Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1953, т. 2, с. 452.
[12] Из «Неопубликованных...», с. 174. (Выступление Мао Цзэдуна в Чэнду 20 марта 1958).
[13] Из «Неопубликованных...», с 161—162.
[14] Речь в Бэйдайхэ 18 апреля 1964.
[15] Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, 1972, с. 217.
[16] Из «Неопубликованных...», с. 231—232.
[17] Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, 1972, с. 214.
[18] Там же.
[19] Феоктистов В. Ф. Об этапах идеологической эволюции маоизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, с. 89.
[20] Там же.

[21] Там же, с. 91.
[22] Там же, с. 91.
[23] Мао Цзэдун. Выдержки из произведений. Пекин, 1972, с. 217.
[24] Sbornik materialů 6. pléna, Peking, 1961, s. 188.
[25] «Жэньминь жибао», 18 июня 1972.
[26] «Red Flag», 1961.
[27] «Red Flag», 1962.
[28] Jenanské přednášky. Peking, 1964.
[29] Trockij L. D. Přodloužená revoluce. New York, 1935, s. 164.
[30] Пономарев Б. Н. Избранное. Речи и статьи. М., 1977, с. 423.
[31] «Red Flag», 1962.
[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 101.
[33] Пономарев Б. Н. Избранное. Речи и статьи. М., 1977, с. 417.
[34] Trockismus-nástroj antikomunismu. Praha, 1973, s. 185.
[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14, 15.
[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 378.
[37] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 377.
[38] Peking, 1967, s. 18—25.
[39] «Цзефанцзюнь бао», 19 февраля 1966.
[40] «Жэньминь жибао», 19 августа 1966.
[41] Pribyle G. S. The Political Economy of Communist China. Scranton, 1957, p. 506—510.
[42] Маоизм без маски. М., 1970, с. 93.
[43] Косюков Ю. Пекинский дневник. М., 1968, с. 37, 38.
[44] Листовка группы борьбы экономического факультета Кантонского университета. 7 сентября 1966. Цит.: Косюков Ю. Пекинский дневник. М., 1968, с. 39.
[45] «Правда», 11 февраля 1972.
[46] V českém překladu Problém Činy. Praha, 1969, s. 13.
[47] Там же, с. 14.
[48] Там же, с. 15.
[49] Там же.
[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1959, т. 13, с. 7.
[51] Там же, с. 7, 8.
[52] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1960, т. 23, с. 181.
[53] См.: История Древнего мира. Под редакцией В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева. М., 1956, с. 229.
[54] Garaudy R. Problém Činy, s. 16.
[55] Там же.
[56] См.: Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. М., 1934, с. 135.
[57] См.: VI конгресс Коминтерна. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М., 1934, с. 17.
[58] См.: VI конгресс Коминтерна. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М., Л., 1929, с. 122.
[59] Там же.
[60] Garaudy R. Le grand tournant du socialisme. Paris, 1970, s. 159.
[61] Там же, с. 164—165.

[62] Там же, с. 162.
[63] Там же, с. 163.
[64] Там же, с. 164.
[65] Там же, с. 165.
[66] Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1953, т. 3, с. 22.
[67] Garaudy R. Le grand tournant du socialisme. Paris, 1960, s. 137.
[68] Там же, с. 300.
[69] Garaudy R. Tout la vérité. Paris, 1971, s. 151—152.
[70] Garaudy R. Pour um modéle français du socialisme. Paris, 1968, s 301—307.
[71] Garaudy R. Die Alternative. München, 1972, s. 64.
[72] «Жэньминь жибао», 1 мая 1977.
[73] Агентство Синьхуа, 15 апреля 1977.
[74] Агентство Синьхуа, 12 мая 1977. (Дацин — предприятие нефтяной промышленности. Дачжай — образцовая бригада коммуны того же названия).
[75] «Правда», 3 марта 1979.
[76] Materiály ze zasedáni ÚV KS Činy, prosinec 1978.
[77] «Жэньминь жибао», 15 января 1979.
[78] Materiály ze zasedáni ÚV KS Činy, prosinec 1978.
[79] «Хунци», 1980, № 5.
[80] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 10, 11.
[81] Morabiny G. Mao et ses Puriteres. Omobres chinoise dans le monde. Paris, 1975, s. 164.

Содержание

Михал Грубый
НАСЛЕДИЕ МАО ЦЗЭДУНА

ИБ № 7917

Редактор русского текста **Е. М. Филимонов**
Художник **В. В. Кулишов**
Художественный редактор **В. А. Пузанков**
Технический редактор **Е. Ю. Кирьянова**
Корректор **Г. Н. Иванова**

Сдано в набор 24.02.81. Подписано в печать 22.10.81. Формат 84×108 1/32.
Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Условн. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,83. Тираж 20000 экз. Заказ 1043.
Цена 40 коп. Изд. № 33144.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

40 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

На обширном историческом материале в книге освещается прошлое и настоящее маоизма. Автор показывает использование европейскими троцкистами, анархистами и некоторыми антикоммунистическими службами идеологии маоизма.

Рекомендуется специалистам и широкому кругу читателей.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА